This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

GR
190
K44

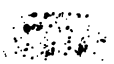
U.217.

№ 15218/30

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

И. А. ХУДЯКОВА

ВЕЛИКОРУССКІЯ СКАЗКИ.



Khudiakov, I. A.

И. А. ХУДЯКОВА

ВЕЛИКОРУССКІЯ СКАЗКИ.

Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

Цѣна 75 коп.

МОСКВА.

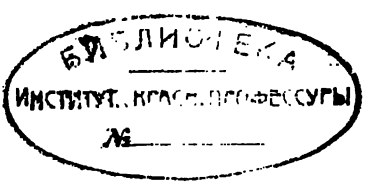
Въ Типографіи В. Грачева и К°.

1860.

И. 217.
ТК

(K)

GR190
K44



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, октября 19-го 1860 года.

Цензоръ *А. Петровъ.*

Здѣсь помѣщено нами тридцать семь народныхъ сказокъ, двѣ саги и разсказъ о вѣдьмѣ. Всѣ они записаны лично мной въ гг. Тобольскѣ, Казани, Москвѣ и въ с. Жолчинѣ Рязанской губ. и уѣзда; только № 30 записанъ и сообщенъ мнѣ г. Мельковымъ, которому не могу не принести моей искренней благодарности. Изъ сказокъ здѣсь лучшія: № 18 Мужикъ и Настасья Адовна, № 19 Иванъ Дорогокупленный и № 20 Иванъ Царевичъ и Марья Маревна; также замѣчательна сага о русскомъ. Сказки № 35 Аполлонъ воръ и № 36 Бова королевичъ, кажется, книжнаго происхожденія. Подробные комментаріи къ напечатаннымъ здѣсь сказкамъ будутъ нами сообщены въ послѣдствіи. Къ сожалѣнію должны замѣтить, что нѣкоторыя обстоятельства не позволяютъ намъ печатать многія интересныя сказки изъ нашего собранія.

Иванъ Худяковъ.

10 Сентября 1860 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

	Стр.
1. Жаръ-птица	1
2. Три брата	7
3. Царевна и женихъ	14
4. Димитрій царевичъ	21
5. Фенисно-ясно-соколъ-перышко	25
6. Семилѣтка	30
7. Мужикъ и царева дочь	35
8. Опять мужикъ и царева дочь	38
9. Офицеръ и барыня	40
10. Иванъ царевичъ и Марья царевна	42
11. Волшебница	45
12. Опять волшебница	46
13. Мачихина дочь и падчерица	48
14. Опять падчерица и мачихина дочка	49
15. Замарашка	51
16. Падчерица	53
17. Иванъ царевичъ и перстень	58
18. Мужикъ и Настасья Адовна	60
19. Ивацъ Дорогокупленный	65
20. Иванъ царевичъ и Марья Маревна	77
21. Три вьюноши	89
22. Безручка	94
23. Серебреная голубка	97
24. Иванъ-дуракъ	100
25. Два брата	103
26. Тоже два брата	105
27. Работникъ	107

28. Старикъ 110
29. Мужикъ съ женой 111
30. Иванъ-дуракъ и братья 114
31. Лѣнивая жена 116
32. Упрямая жена 117
33. Богатыри 118
34. Тимоня 121
35. Аполлонъ-воръ 124
36. Бова королевичъ 127
37. Заколдованное дерево липка 132
38. Сага о русскомъ 135
39. Сага о часовомъ 144
40. Разсказъ о вѣдьмѣ 146

1.

ЖАРЪ-ПТИЦА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ царь. У этого царя было три сына: Петръ царевичъ, Димитрій царевичъ и Иванъ царевичъ. И былъ у нихъ садъ; въ этомъ саду росла яблонь, а на ней золотыя яблоки. Только сталъ царь примѣчать: каждую ночь пропадаетъ по яблочку. И прошло нѣсколько времени, яблоковъ ужь очень много нѣту. Вотъ онъ собралъ своихъ сыновей и говоритъ: «любезные мои дѣти! ежели вы меня любите, то подкараульте этого вора. Ежели изъ васъ кто поймаетъ этого вора, то отдамъ тому полъ-царства.»

Въ первую ночь пошелъ большой братъ; сидѣлъ онъ до двѣнадцати часовъ; послѣ двѣнадцати часовъ и заснулъ. Когда онъ утромъ проснулся, посмотрѣлъ: яблочка одного нѣтъ. Пришелъ къ отцу и разсказалъ все подробно. На другую ночь пошелъ середній братъ. Тоже и съ нимъ случилось самое.

На третью ночь сталъ меньшой братъ проситься; но отецъ на это не соглашался: что «ты очень малъ»; что «можетъ тебя что-нибудь испугать». Но онъ убѣдительно просилъ отпустить. Отецъ согласился и отпустилъ; ну онъ и пошелъ въ садъ и сѣлъ подъ яблоньку. Только сидѣлъ нѣсколько времени, и вдругъ садъ освѣтило. Видитъ Иванъ царевичъ: летитъ Жаръ-птица; онъ притаился подъ дерево; птица подлетѣла и

сѣла на сукъ. Только хотѣла яблочко склевать, какъ меньшой братъ подкрался и ухватилъ за хвостъ. Она вырвалась и улетѣла; а у него одно перо осталось въ рукѣ. Онъ сейчасъ перо въ платокъ завернулъ и остался здѣсь до утра. Утромъ приходитъ къ отцу своему; отецъ спрашиваетъ: «что ты, сынъ мой любезный, видѣлъ ли вора?»—Видѣлъ, говоритъ; и развернулъ Иванъ царевичъ платокъ: это перо такъ и осіяло всю комнату. «Ахъ, говоритъ, сынъ мой любезный! Что же это такая была за птица?»

Послѣ того отецъ и призвалъ тѣхъ двухъ сыновей. «Ну, говоритъ, дѣти вы мои милые! вора видѣли, но не поймали. Но я васъ теперь прошу: поѣзжайте вы въ путь и найдите вы мнѣ эту Жаръ-птицу. Ежели изъ васъ кто найдетъ, тому отдамъ все царство.» Двое поѣхали, а отецъ меньшаго сына не отпускаетъ. Тотъ сталъ проситься; отецъ долго не соглашался; наконецъ согласился, благословилъ ихъ всѣхъ, и поѣхали они въ путь.

Ѣхали долго ли, коротко-ли и подъѣзжаютъ къ столбу. Отъ этого столба идутъ три дороги и на столбѣ написано: по правой сторонѣ ѣхать—быть убитому; по лѣвой сторонѣ ѣхать — быть самому голодному; по середней дорогѣ ѣхать быть коню голодному. — Они здѣсь подумали, гдѣ кому ѣхать. Меньшой братъ по правой поѣхалъ; а тѣ двое поѣхали по этѣмъ дорогамъ.

Наконецъ меньшой братъ ѣхалъ нѣсколько времени и на дорогѣ стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, сама повертывается. Иванъ царевичъ и говоритъ: «избушка, избушка! повернись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Избушка оборотилась къ нему передомъ. Взошелъ онъ въ избушку; на печкѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» Онъ ей и кричитъ: «вотъ, говоритъ, я тебя старую

чертовку ссажу съ печки!» Она сама соскочила съ печки и стала его просить. «Добрый молодецъ, не бей меня: я тебѣ пригожусь.» Онъ ей и говоритъ: «чѣмъ ты на меня закричала, ты бы лучше накормила, напоила и спать положила.» Она его стала спрашивать: «кто ты такой?» Онъ говоритъ: «я Иванъ царевичъ.» Она тутъ его накормила, напоила и спать положила. — Утромъ Иванъ царевичъ проснулся, умылся, одѣлся, Богу помолился, сталъ у ней спрашивать: «не знаешь ли ты гдѣ Жаръ-птица?» Она ему и говоритъ: «я не знаю, но ты поѣзжай дальше; тамъ будетъ сестра моя средняя, она тебѣ скажетъ. Да на̀ тебѣ клубочикъ, когда ты повезешь Жаръ-птицу, то за тобой погонятъ, ты и скажи: клубочикъ, клубочикъ! обратись въ гору. И онъ оборотится въ гору, а ты поѣдешь дальше.»—Тутъ онъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ дальше къ ея сестрѣ.

Ѣхалъ онъ нѣсколько времени, и на дорогѣ стоитъ избушка на куриныхъ лапкахъ, сама повертывается. Иванъ царевичъ и говоритъ: «избушка, избушка! поворотись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Избушка оборотилась къ нему передомъ. Взошелъ онъ въ избушку; на печкѣ лежитъ баба-яга, середняя сестра, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» — «Вотъ, говоритъ, я тебя старую чертовку ссажу съ печки!» Она сама соскочила съ печки, Ивана царевича накормила, напоила и спать положила. Утромъ онъ всталъ и сталъ спрашивать бабу-ягу: гдѣ Жаръ-птица? Она ему сказала: «поѣзжай дальше къ старшей сестрѣ!» Она ему тутъ дала гребенку. Когда, говоритъ, ты поѣдешь съ Жаръ-птицей, за тобой погонятъ, ты и скажи: «гребенка, гребенка! обратись ты въ непроходный лѣсъ! Она и оборотится, а ты поѣдешь дальше.» Тутъ онъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ къ старшей сестрѣ.

Ѣхалъ онъ нѣсколько времени; видитъ—опять избушка на

куриныхъ лапкахъ. «Избушка, избушка! поворотись ко мнѣ передомъ, а къ лѣсу задомъ!» Взошелъ онъ въ избушку; на печкѣ лежитъ баба-яга, костяная нога, носъ уперла въ потолокъ и кричитъ оттуда: «что здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ?» — «Вотъ, говоритъ, я тебя старую чертовку ссажу съ печки!» Она сама соскочила съ печки, Ивана царевича накормила, напоила и спать положила. Утромъ Иванъ царевичъ всталъ, Богу помолился; сталъ разспрашивать у ней о Жаръ-птицѣ. Она дала ему щетку. «Когда, говоритъ, за тобой погонятъ, то ты скажи. щетка, щетка, обернись ты въ огненную рѣку. И она сдѣлается огненной рѣкой, а ты поѣдешь дальше. И когда ты будешь подъѣзжать къ такому-то царству, будетъ ограда, и въ этой оградѣ будутъ вороты; за этой оградой висятъ три клѣтки: въ золотой клѣткѣ ворона сидитъ; въ серебреной грачъ сидитъ; въ мѣдной Жаръ-птица. Но ты помни, не бери серебреную и золотую, и мѣдную клѣтку тоже не бери, а отвори дверку и вынь Жаръ-птицу и завяжи ее въ платокъ.» Иванъ царевичъ поблагодарилъ ее и поѣхалъ въ путь.

Подъѣзжаетъ онъ къ царству и видитъ ограду каменную; никакъ нельзя черезъ нее перелѣзть; и въ вороты нельзя проѣхать—львы стоятъ. Только онъ посмотрѣлъ и говоритъ: «ахъ, ты конь мой, лошадь вѣрная моя! Перепрыгни ты черезъ ограду и дай мнѣ достать Жаръ-птицу!» Онъ отъѣхалъ назадъ, раскакался и перепрыгнулъ черезъ ограду. Только онъ видитъ, что Жаръ-птица большая; въ платокъ ее нельзя завязать. Подумалъ, взялъ эту мѣдную клѣтку совсѣмъ; вдругъ колокольчики зазвенѣли и львы разревѣлись. Онъ тутъ испугался, что его поймаютъ; раскакался, перепрыгнулъ ограду и поскакалъ дальше съ Жаръ-птицей. Только онъ отъѣхалъ нѣсколько и видитъ, что за нимъ гонятъ въ погоню; онъ тутъ взялъ клубочикъ. «Клубочикъ, обернись въ гору!» Клубочикъ обернулся въ гору, а онъ поѣхалъ дальше. Войско

подскакало къ горѣ и видитъ, что непроходимая гора; то они (войско) возвратились назадъ, взяли скребки, подъѣхали къ горѣ и раскопали ее. Погнали опять за Иванъ-царевичемъ въ погоню.

Только Иванъ царевичъ видитъ, что за нимъ гонятъ въ погоню; онъ взялъ гребенку и сказалъ: «ты, гребенка, обернись ты въ непроходимый лѣсъ!» — Она обернулась. Войско подскакало къ лѣсу и видитъ, что непроходимый лѣсъ. Они возвратились назадъ, взяли топоры и прорубили себѣ дорогу. Они за нимъ дальше поскакали; Иванъ царевичъ видитъ, что за нимъ гонятъ; онъ взялъ щетку и сказалъ: «щетка, обернись ты въ огненную рѣку!» Только войско подскакало и видятъ, что огненная рѣка. Но Иванъ царевичь за рѣкой легъ отдыхать. Только войско это, кто изъ людей не кинется, то сейчасъ и ошпарится. Дѣлать имъ было нечего, и возратились они назадъ. Иванъ царевичъ отдохнулъ и поѣхалъ въ путь.

Только ѣхалъ онъ нѣсколько времени и подъѣзжаетъ къ этому самому столбу, и у этого столба раскинутъ шатеръ, и въ этомъ шатрѣ сидятъ два молодца. Подшелъ онъ къ нимъ и узналъ, что это его братья. Онъ очень этому случаю радъ, поздоровался съ ними, разсказалъ все подробно. Онъ тутъ легъ съ ними отдохнуть. Но братьямъ стало завидно, что онъ, меньшой братъ, привезетъ къ отцу Жаръ-птицу: «но мы старшіе пріѣдемъ, не привеземъ ничего.» Они согласились его кинуть въ ровъ. Когда они его соннаго кинули въ ровъ: въ этомъ во рву всякіе гады, звѣри, и даже оттуда невидать солнечнаго свѣта. Но когда ему пить и ѣсть было нечего, то онъ питался землей и вздумалъ копать и лѣзть къ верху. Только онъ полѣзъ, самъ руками копаетъ и лѣзетъ все выше да выше. Наконецъ онъ все выше да выше лѣзъ и увидалъ оттуда солнечный лучь. Только онъ дальше полѣзъ и вылѣзъ

наружу. Отдохнулъ нѣсколько времени около рва и пошелъ онъ дальше.

Только подходитъ къ одному городу и видитъ въ этомъ городѣ, что толпа стоитъ народу. Подшелъ онъ къ народу и спрашиваетъ: «что это такое значитъ — вы стоите около озера?» Они ему отвѣчаютъ, что «мы ждемъ: отсюда выйдетъ змѣй шестиглавый, и должны мы ему кинуть дѣвицу; но какъ онъ всѣхъ дѣвицъ переѣлъ, то теперь должны кинуть царскую дочь. Но онъ имъ сказалъ: «ахъ, какъ мнѣ это жалко! но покажите, гдѣ царь и дочь?» — Когда царь и дочь вышли, онъ къ нимъ подошелъ. «Я вашу дочь, говоритъ, могу спасти!» Царь и говоритъ: теперь нельзя и думать отъ этакаго змѣя.»—А Иванъ царевичъ опять говоритъ: «я вамъ спасу вашу дочь, но прикажите только связать три пучка жимостовыхъ палочекъ!» Когда связали, принесли. Вдругъ змѣй и плыветъ, на разные голоса свищетъ, реветъ; только было ротъ разинулъ, а Иванъ царевичъ однимъ пучкомъ срубилъ ему двѣ головы; другимъ пучкомъ другія двѣ; третьимъ еще двѣ; всѣ шесть головъ отрубилъ. Тутъ сейчасъ царь обрадовался, кинулся его цѣловать и попросилъ къ себѣ во дворецъ. Всѣ жители обрадовались, что онъ такъ змѣя побѣдилъ; такъ сейчасъ задали пиръ. А эта царева дочь такая была разкрасавица, что въ свѣтѣ мало было. Царь сталъ предлагать Иванъ-царевичу жениться. Свадьбу сыграли. Отецъ, женивши, сталъ спрашивать Иванъ-царевича: «изъ какого ты царства?» Онъ отвѣчаетъ, что «изъ такого-то царства, такого-то царя сынъ.» Онъ сталъ его приглашать: «не угодно ли къ своему отцу повидаться? И когда вы рады къ отцу ѣхать, дамъ вамъ два ворона и садитесь на этихъ вороньевъ и когда вы сядете, то скажите: «въ такое-то царство; васъ прямо и провезутъ.» Вотъ царь далъ имъ вороньевъ; они сѣли и полетѣли.

А старшіе два брата какъ взяли Жаръ-птицу, привезли ее къ отцу; отецъ такъ былъ радъ Жаръ-птицѣ. На другой день изъ этой Жаръ-птицы сдѣлалась ворона; они такъ удивились, и отецъ удивился: «отчего это такое значитъ?» Однако отецъ повѣсилъ ворону у себя въ комнатѣ; такъ она и висѣла вороной. Когда Иванъ царевичъ сталъ подлетать къ отцу, то вдругъ изъ вороны сдѣлалась опять Жаръ-птица. Отецъ такъ этому удивился, что вдругъ изъ вороны опять сдѣлалась Жаръ-птица; и видитъ: прилетаютъ два ворона, и на вороньяхъ сидятъ мужчина и дѣвица. Отецъ этому испугался, подумалъ что не за Жаръ ли птицей прилетѣли и не передъ своими ли она изъ вороны сдѣлалась Жаръ-птицей. Но вдругъ Иванъ царевичъ входитъ съ супругой и бросается на шею къ отцу; и проситъ прощенья, что безъ его позволенья онъ женился. Отецъ никакъ узнать его не могъ. «Ахъ, ты сынъ мой! Что ты такъ долго не пріѣзжалъ. Братья твои возвратились, Жаръ-птицу достали.»—«Нѣтъ, говоритъ, не братья, а я Жаръ-птицу досталъ; съ ними я выѣхалъ на дорогу; они меня сонаго кинули въ ровъ, а Жаръ-птицу отъ меня увезли.» А потомъ онъ все подробно разсказалъ. Сейчасъ отецъ двухъ сыновей своихъ заставилъ пасти скотину, а ему отдалъ все царство свое. Потомъ они сдѣлали такой пиръ; я тамъ былъ, вино, пиво пилъ, по усамъ текло, да въ ротъ не попало.

(Записана мной отъ урожденца деревни Селина, въ Веневскомъ уѣздѣ, тульской губ.).

2.

ТРИ БРАТА.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ царь. У этого царя было три сына; и былъ у него кон-

ный заводъ, и въ сторонѣ отъ своего государства. И повадился къ нему воръ ходить: каждую ночь воруетъ по самому лучшему жеребцу. Только онъ и говоритъ своимъ сыновьямъ: «любезные мои дѣти! кто изъ васъ поймаетъ этого вора, то тому я отдамъ своего полъ-царства». И въ первую ночь пошелъ старшій сынъ. Только онъ подъѣхалъ къ этому заводу, и росло здѣсь дерево густое; привязалъ онъ своего коня и самъ сѣлъ подъ дубомъ. Посидѣлъ нѣсколько времени и заснулъ. Утромъ просыпается и видитъ, что одного жеребца нѣтъ. Ну онъ пріѣхалъ къ своему отцу. «Такъ и такъ, папаша, я проспалъ, а жеребца одного нѣтъ». Но на другую ночь собрался средній сынъ. Также и онъ проспалъ.

На третью ночь сталъ проситься меньшой сынъ; отецъ согласился, отпустилъ его. Взялъ съ собой ружье, пистолеты, кинжалъ и *все такое*, посидѣлъ подъ дубомъ нѣсколько времени. Только видитъ: бѣжитъ левъ, даже земля дрожитъ; изъ ноздрей пламя пышетъ. Только сейчасъ онъ къ заводу, отворяетъ дверь и выноситъ оттуда жеребца; только онъ съ дубомъ поровнялся, Иванъ царевичъ изъ ружья *ударилъ* и попалъ ему въ ногу; перешибъ ему ногу, но самаго его не убилъ; сѣлъ онъ верхомъ на свою лошадь, за нимъ поскакалъ; только подъѣзжаетъ онъ къ лѣсу, вдругъ левъ провалился. Подъѣхалъ онъ къ этому мѣсту и видитъ: ровъ ужасно глубокій. Только онъ прыгнуть боялся, а никакъ ему нельзя было туда опуститься.

Постоялъ онъ нѣсколько времени и вдругъ видитъ: ѣдутъ два молодца. Онъ имъ сталъ махать своимъ бѣлымъ платкомъ. Эти два молодца увидали, стали подъѣзжать къ нему, и увидѣлъ, что это его родные братья. Они ѣздили на охоту. Онъ имъ подробно разсказалъ, какъ и что было. Тутъ онъ придумалъ: лошадей своихъ зарѣзать и шкуру съ нихъ содрать и ремней нарѣзать; надвязать и кошелку сплесть и туды опу-

скаться. Но когда они все это сдѣлали, то изъ двухъ братьевъ никто не сталъ опускаться; но меньшой братъ согласился опуститься. Когда онъ сѣлъ въ кошелку, то они стали его опускать; онъ опустился и пошелъ тамъ.

Шелъ нѣсколько времени и увидѣлъ впереди мѣдное царство. Только подходитъ онъ, отворяетъ дверь, и сидитъ тамъ дѣвица; она стала у него спрашивать: «любезный нашъ другъ, Иванъ царевичъ! какими судьбами ты сюда попалъ?» Онъ ей все подробно разсказалъ, какъ левъ таскалъ у нихъ по жеребцу и все. Она и говоритъ: «ну, говоритъ, Иванъ царевичъ, тебѣ надо спрятаться, а то левъ сейчасъ прійдетъ сюда, будетъ ногу перевязывать; онъ теперь такой сердитый, что нельзя ему летать по вольному воздуху». Она ему и говоритъ: «ты садись ко мнѣ въ сундукъ»! Только онъ успѣлъ сѣсть въ сундукъ, вдругъ входитъ левъ и говоритъ: «что тутъ русскимъ духомъ пахнетъ?»—Какъ же, говоритъ, не пахнуть? Вы летали по вольному воздуху, вы и набралися русскаго духу. Только она ему ногу перевязала; онъ ушелъ. Она тутъ открыла сундукъ и говоритъ: «ну, Иванъ царевичъ! вылѣзай ты теперь!» Онъ вылѣзъ; она дала ему кольцо: «когда ты, говоритъ, возратишься, то меня возьми за себя замужъ; а не за себя, такъ за братьевъ». Она ему и говоритъ: «ну, Иванъ царевичъ, ты теперь ступай дальше, придешь въ серебреное царство; тамъ моя середняя сестра; ты скажи, что я тебя прислала». Онъ распростился съ ней, пошелъ.

Шелъ нѣсколько времени и подшелъ къ серебреному царству. Отворяетъ дверь; сидитъ тамъ дѣвица такая прекрасная, что лучше той. Она спросила его: «ахъ, Иванъ царевичъ! какими судьбами вы сюда попали?» Онъ ей все разсказалъ, какъ и зачѣмъ пришелъ. «Ну, Иванъ царевичъ, теперь вамъ надо спрятаться». Она спрятала его въ сундукъ. Когда она его посадила, вдругъ входитъ левъ. «Что здѣсь такъ русскимъ духомъ

пахнетъ?» — «Какъ не пахнуть, когда вы летали по вольному воздуху, набрались русскаго духу?»—Вотъ она ему ногу перевязала; онъ и ушелъ. Вывела она Иванъ-царевича изъ сундука, и говоритъ: «ну, Иванъ царевичъ, идите въ золотое царство къ моей старшей сестрѣ. Кланяйся ей отъ меня. Она постарается—ты убьешь этого льва». И эта дала тоже ему свое кольцо. Онъ распростился и пошелъ.

Шелъ нѣсколько времени и подшелъ къ золотому царству; отворилъ дверь и сидитъ тамъ прекрасная дѣвица, что лучше средней сестры. «Ахъ, Иванъ царевичъ, какимъ образомъ ты сюда попалъ?» Онъ ей все разсказалъ, какъ и зачѣмъ и что было. «Ну, говоритъ, Иванъ царевичъ, теперь тебѣ надо спрятаться: онъ сердитъ, что нельзя ему летать по вольному воздуху». Посадила она его въ печку. Только вдругъ входитъ левъ: «что русскимъ духомъ пахнетъ?» Она перевязала ему рану, а онъ ушелъ. Иванъ царевичъ изъ печки вышелъ и сталъ спрашивать: «какъ и гдѣ бы мнѣ его поймать?» Она ему и говоритъ: «если ты возьмешь за себя за мужъ, то я помогу его убить. Ступай вотъ въ этакую комнату; онъ спитъ, храпитъ; ты возьми свое копье и какъ можно старайся попастъ ему въ шею, чтобъ съ одного разу отрубить ему шею, а если въ другой разъ ударишь, то онъ воскреснетъ и тебя съѣстъ». Онъ пошелъ и видитъ, что левъ лежитъ — храпитъ; онъ подшелъ, ударилъ, и шея отвалилась и покатилась. Онъ возвратился къ ней. «Ну, говоритъ, любезная царевна, я льва *похитилъ;* пойдемъ отсюда мы, захватимъ твоихъ двухъ сестеръ; этѣ сестры будутъ за мужемъ за моими братьями, а я тебя за себя замужъ возьму!» Такъ они взяли сестеръ, пошли; подошли къ тому мѣсту, гдѣ его опускали и видятъ, что кошелка виситъ.

Иванъ царевичъ посадилъ первую сестру изъ мѣднаго царства, подергалъ ремни; братья и вытащили ее, и опять опу-

стили кошелку. Иванъ царевичъ посадилъ сестру изъ серебренаго царства, подергалъ ремни; братья вытащили и ее, и опять опустили кошелку. Потомъ Иванъ царевичъ посадилъ сестру изъ золотаго царства; онъ ей сказалъ: «ты скажи имъ, что ты моя невѣста, а сестры — ихъ невѣсты». Только когда братья ее вытащили, то тѣ братья такъ и удивились такой красотѣ невиданной. Они и говорятъ: «надобно убить его, и эту красавицу за себя замужъ взять». Вотъ когда они опустили кошелку, Иванъ царевичъ сѣлъ въ кошелку; они его потянули, тянули, тянули и отрубили ремень. Такъ Иванъ царевичъ упалъ и лежалъ нѣсколько времени безъ чувствъ.

Когда онъ опомнился, ходилъ онъ по всѣмъ царствамъ и не зналъ, что ему дѣлать и какъ отсюда вылѣзти. Только вдругъ онъ идетъ, попадается ему старичекъ, сталъ Ивана царевича спрашивать. «Что, говоритъ, ты, любезный человѣкъ, что ты здѣсь ходишь и зачѣмъ сюда попалъ?» Онъ ему подробно все разсказалъ, что и какъ случилось. «Ну, Иванъ-царевичъ, я тебѣ помогу въ твоемъ горѣ, дамъ я тебѣ ружье, дроби и пороху, и дамъ я тебѣ двѣ кошелки; и ступай ты настрѣляй всякой дичи обѣ кошелки; если можешь и больше настрѣляй.» Ну, Иванъ царевичъ пошелъ и настрѣлялъ дичи обѣ кошелки и возвратился опять къ этому старичку; старичекъ у него спрашиваетъ: «что настрѣлялъ?»—«Вотъ настрѣлялъ». «На вотъ тебѣ бочку, налей ее полну воды и пойдемъ къ тому мѣсту, гдѣ ты опускался». И подошли они къ этому мѣсту; вдругъ старикъ свиснулъ, и прилетаетъ огромной величины птица.

«Вотъ, говоритъ, ты на эту птицу садись; привяжи кошелки и бочку съ водой на нее. Когда она оглянется на правую сторону, то ты кинь ей въ ротъ птицу, когда оглянется на лѣвую, то влей ей кружку воды въ ротъ. Но когда ты будешь видѣть, что мало дичи, то давай рѣже, а то когда вся дичь выйдетъ, она тебя опять уронитъ на полъ». Иванъ царевичъ

сѣлъ на нее и полетѣлъ. Вотъ у него вся дичь и вода вышли, а было ему еще много вверхъ летѣть. Птица на какую сторону не оглянется, все онъ ей ничего не даетъ, ни воды, ни дичи. Тутъ онъ испугался, что она его уронитъ; онъ взялъ изъ своей изъ правой ноги икру вырѣзалъ и бросилъ ей въ ротъ. Она вылетѣла и стала у него спрашивать: «ну, Иванъ царевичъ, что ты мнѣ въ послѣдній разъ такъ сладко далъ?» Онъ и говоритъ: «я изъ своей изъ правой ноги вырѣзалъ икру».«—Ахъ, Иванъ царевичъ, мнѣ тебя жалко».—Птица харкнула и выблевала икру къ этому мѣсту; она приросла сейчасъ. Птица полетѣла внизъ; а онъ пошелъ къ своему царству.

Шелъ онъ нѣсколько времени и пришелъ въ свое царство ночью. Ни въ одномъ мѣстѣ, нигдѣ не было огня; былъ огонекъ въ одномъ маленькомъ домикѣ. Онъ постучалъ и отперли ему и видитъ: сидитъ здѣсь башмачникъ и шьетъ башмаки. Онъ у него спрашиваетъ: «кому же ты это шьешь башмачки?» — «Я, говоритъ, шью: нашъ царь хочетъ жениться на Марьѣ царевнѣ и велѣлъ сшить ей башмаки, золотомъ шитые, алмазомъ усыпаны, только безъ мѣрки, и если не потрафлю, то голову снесутъ. — Иванъ царевичъ и говоритъ: «не плачь, любезный: утро вечера мудренѣе. Ложись спать, а я тебѣ сошью башмаки». — Утромъ встаетъ башмачникъ и видитъ, что башмаки сшиты. Иванъ царевичъ и говоритъ: «ну, говоритъ, донеси къ своему царю.» Когда онъ донесъ къ Марьѣ царевнѣ и она примѣрила, что башмаки по ногѣ, и такъ ей понравилися, что очень хорошо были сдѣланы. Она увидала въ башмакахъ надпись, что «не ходи, Марья царевна, ни за кого за мужъ, а подожди Ивана царевича; онъ скоро къ тебѣ будетъ».—А вечеромъ Иванъ царевичъ поблагодарилъ башмачника и пошелъ. И видитъ въ одномъ мѣстѣ огонекъ; больше нигдѣ не было огня; постучался; отперли ему. И видитъ: сидитъ портниха и шьетъ платье. Онъ у ней сталъ

спрашивать: «кому же это ты шьешь платье?» — Марьѣ царевнѣ; она хочетъ идти за мужъ за нашего царя; да вотъ боюсь, что безъ мѣрки не угадаю; а какъ не угадаю въ пору, то казнятъ. «Ну, говоритъ Иванъ царевичъ, не печалься, ложись спать; утро вечера мудренѣе. Я тебѣ сошью платье».— Она легла спать. Утромъ просыпается, видитъ, что платье готово. Вотъ она понесла къ царю; Марья царевна примѣрила, и такъ ей понравилось платье, и видитъ она на платьѣ надпись: «не ходи, Марья царевна, ни за кого за мужъ; Иванъ царевичъ къ тебѣ скоро будетъ.» Вечеромъ Иванъ царевичъ поблагодарилъ портниху и пошелъ. И видитъ въ одномъ мѣстѣ огонь; больше нигдѣ не было огня. Онъ постучался, его впустили; и видитъ онъ: сидитъ серебреникъ, дѣлаетъ золотой перстень съ брильянтами. Онъ его и спрашиваетъ: «кому ты это перстень дѣлаешь?»—Онъ говоритъ: «Марьѣ царевнѣ, что за нашего царя за мужъ выходитъ. Да вотъ безъ мѣрки боюсь не потрафить!» — «Ну, не бойся; ложись спать; утро вечера мудренѣе. Вотъ утромъ и говоритъ Иванъ царевичъ серебренику: «дай я самъ отнесу перстень, а ты не ходи!»

Приходитъ онъ во дворецъ; видитъ, что все готово къ вѣнцу; только дожидались одного перстня; онъ подноситъ перстень Марьѣ царевнѣ. Она его узнала, кинулась къ нему на шею. «Ахъ, говоритъ, любезный мой женихъ, сколько я тебя ждала; твои братья, говоритъ, посылали меня гусей стеречь и утокъ и тиранили надо мной; теперь я было согласилась идти за нихъ за мужъ.»—«Ну, Марья царевна, я тебя за себя возьму за мужъ. Пойдемъ къ моему родителю.» — Онъ пришелъ къ нему въ комнату, бросился къ нему на шею. «Ахъ, любезный мой сынъ, гдѣ ты до сихъ поръ былъ? мнѣ твои братья сказали, что тебя растерзалъ левъ.» Иванъ царевичъ разсказалъ ему все подробно, какъ и что съ нимъ братья сдѣлали; отецъ и говоритъ: «что ты хочешь, то съ братьями и дѣлай; а ка-

кую хочешь, бери невѣсту изъ трехъ сестёръ». «Ну, говоритъ, папаша, вотъ моя невѣста; а братьевъ я, говоритъ, брошу обоихъ въ ровъ.—Тутъ онъ обвѣнчался, сталъ жить, поживать, добра наживать.

(Записана мной отъ урожденца деревни Селина, Веневскаго уѣзда, тульской губ.).

3.

ЦАРЕВНА И ЖЕНИХЪ.

Въ нѣкоторомъ городѣ была одна купчиха. Былъ у ней сынъ, было сорокъ лавокъ и сорокъ прикащиковъ. Отецъ померъ, а сынъ былъ въ малыхъ лѣтахъ. Мать велѣла ему приглядываться къ торговлѣ; а ему было только 15 лѣтъ. «Ребята, говорятъ прикащики,—станемъ его въ театры, въ трактиры водить: куда ему такое богатство?» Сталъ сынъ ѣздить по театрамъ, по трактирамъ; сталъ пить и развратничать. Сталъ онъ брать у прикащиковъ деньги. Какъ пришелъ счетъ, мать и видитъ: гдѣ триста, гдѣ пятьсотъ рублей недостаетъ у прикащиковъ. «Отчего недостаетъ?» спрашиваетъ. — «Вашъ сынъ, говорятъ, бралъ»—Мать разсердилась, раздѣла его, посадила въ заключенье. Онъ закручинился, запечалился. Няня стала его утѣшать, стала няня просить за него у матери; долго не могла упросить и наконецъ упросила: «онъ, говоритъ, ничего не будетъ дѣлать!»

Мать выпустила его, дала ему сто рублей, чтобъ онъ отдѣльно торговалъ. Онъ взялъ въ лавку пѣшешницу съ пѣшками. Народъ собирается къ нему въ лавку, играютъ въ пѣшки. На другой день взялъ онъ книгу... Такое сдѣлалось веселье: въ пѣшки играютъ, книгу читаютъ. На третій день онъ принесъ въ лавку гусли самогуды. И Боже мой, какой идетъ праз-

дникъ: въ пѣшки играютъ, книгу читаютъ, въ гусли-самогуды играютъ. А мать видитъ, что въ его лавкѣ много народу и говоритъ: «слава тебѣ, Господи! Онъ хорошо торгуетъ: лавка полна народу!» Только много купцовъ приходятъ къ ней и говорятъ: «вашъ-де сынъ развращаетъ всѣхъ: наши дѣти и прикащики къ нему сбѣгаются, а изъ ихъ-то лавокъ все крадутъ!»—Мать сама пошла посмотрѣть; увидала, разсердилась. «Не надо, говоритъ, мнѣ сына! Бросьте его въ воду!»

Пришла полночь. Приводятъ работники его къ морю, хотятъ бросить въ воду. Онъ имъ и говоритъ: «отпустите меня. Я, говоритъ, не покажусь матери, а уѣду за море!»—Работники подумали, подумали. «Дай, говорятъ, отпустимъ!» И отпустили его, а сами пошли домой. А онъ рано ли, поздно ли увидѣлъ: плывутъ корабли. Вотъ онъ и просится, чтобы его взяли на корабль. «Я, говоритъ, съ разбитаго корабля. Возьмите меня!» Взяли его на корабль; только онъ на кораблѣ всѣхъ въ карты обыгралъ. Корабельщики взяли лодку, посадили его въ нее и пустили, куда глаза глядятъ. И прибылъ онъ къ берегу. Вышелъ на-берегъ. А одёжа на немъ была немудрая. На-полѣ онъ увидалъ домъ не великій и не малый. Только подходитъ онъ ближе, видитъ: домъ загорѣлся. А недалеко была вода. Онъ взялъ, скинулъ съ себя зипунъ, помочилъ его въ водѣ и потушилъ пожаръ. Вошелъ въ домъ.

Видитъ: накрытъ столъ на три прибора. Онъ поѣлъ, спрятался и сталъ дожидаться: кто прійдетъ? Видитъ: прилетѣлъ соколъ, обѣжалъ три раза кругомъ стула, ударился о-полъ и сдѣлался человѣкомъ. Потомъ прилетѣлъ орелъ, облетѣлъ три раза кругомъ стула, ударился о-полъ и сдѣлался человѣкомъ. Потомъ пришелъ царь-левъ, обѣжалъ три раза кругомъ стула, ударился о-полъ и сдѣлался человѣкомъ.—«Что, братцы, вы видѣли, что было?»—говоритъ царь-левъ.—А что?—«Вы летаете, да ничего не знаете. Да, вѣдь, нашъ домъ горѣлъ. А

тутъ шёлъ какой-то добрый человѣкъ, помочилъ зипунъ въ воду и затушилъ пожаръ. Онъ, видно, здѣсь: кушанье поѣдено!» Вотъ и говорятъ всѣ братья: «выходи, добрый человѣкъ!» Онъ вышелъ; они его и спрашиваютъ: «откуда ты, добрый человѣкъ, и какъ сюда зашелъ?»—Тотъ все разсказалъ.—«Благодаримъ тебя за доброе дѣло. Будь ты намъ старшимъ братомъ!» Тутъ они одѣли его, какъ барина; сѣли обѣдать и разговариваютъ: «какъ бы намъ братца сдѣлать счастливымъ?»—Дадимъ ему товаровъ на десять подводъ! — Младшій братъ и говоритъ: «хорошо, братцы! Вы дадите ему товаровъ и денегъ, а нападутъ разбойники, все и отнимутъ! Научимъ лучше его своему художеству».—«Ладно, ладно!»—говорятъ братья. Вотъ младшій братъ обошелъ съ нимъ около стула и оба они сдѣлались соколами. «Смотри же, говоритъ младшій братъ, какъ надо тебѣ быть соколомъ, обѣги кругомъ куста и будешь соколомъ!» Другой братъ научилъ его дѣлаться орломъ. А царь-левъ научилъ его дѣлаться львомъ. «Все же этого мало, говорятъ. Чтобы еще?» Царь-левъ и говоритъ: вы летаете да ничего не знаете! я видѣлъ государя съ арміей. За государеву дочь сватался царь Чубура, а государь не отдаетъ. И будетъ между ними битва. Царь Чубура пріѣдетъ на двѣнадцати корабляхъ. А государь въ торопяхъ забылъ взять мечъ-самосѣкъ, ножъ кладенецъ, и теперь въ великой печали И кто въ нѣсколько дней успѣетъ привести мечъ-самосѣкъ, ножъ кладенецъ, за того царь отдастъ свою дочь. Вотъ бы нашему братцу вызваться и жениться на царской дочери!»—«И то хорошо!»—

Полетѣли братья, а съ ними и онъ; показали ему войско. Вотъ оборотился онъ въ человѣка и идетъ къ войску. Его и спрашиваютъ: «что ты за человѣкъ?»—«Я—говоритъ—заморскій купецъ. У меня корабли разбило. Пусть меня возьмутъ въ солдаты. Я слышалъ, что у васъ печаленъ царь. Да о чемъ? Я, можетъ, помогу». — Куда тебѣ! Чрезъ нѣсколько

дней здѣсь будетъ сраженье. Съ нашимъ царемъ будетъ сражаться царь Чубура, а у него голова какъ чанъ, глаза какъ чашки. А нашъ царь дома забылъ мечъ-самосѣкъ, ножъ кладенецъ; а ѣзды до царства три мѣсяца! А кто во время его доставитъ, тому царь обѣщаетъ дочь замужъ выдать. — «Давайте, я доставлю!» — «Гдѣ тебѣ»! — Только дошли до царя слухи, что иностранный солдатъ выхваляется доставить мечъ-самосѣкъ, ножъ кладенецъ. Царь велѣлъ его привести къ себѣ. Привели. «Я слышалъ: ты вызываешься доставить до сраженья мечъ-самосѣкъ, ножъ кладенецъ?» — Точно такъ-съ, ваше царское величество. Только скажите мнѣ, гдѣ его найти? — «Дочь, говоритъ, одна знаетъ!» — «Такъ пишите ей письмо!» — «Если достанешь, дочь за тебя замужъ отдамъ!» — «А когда сраженье будетъ? Черезъ четверы сутки?» — «Да, черезъ четверы сутки!» — Государь тотчасъ письмо написалъ; описалъ дочери все: «прими его какъ жениха и обручись съ нимъ!» — и запечаталъ золотой печатью. А тутъ ему дѣлаютъ всякія почести. Время-то было не много; простился онъ съ царемъ, сѣлъ въ карету. Отъѣхалъ до лѣса и говоритъ: «охъ, брюхо болитъ! Вы, говоритъ слугамъ-то, — посидите, подождите, а я схожу въ лѣсокъ»..... Вышелъ онъ въ лѣсокъ, обернулся соколомъ и улетѣлъ. Слуги ждали, ждали — нѣтъ его! Пошли въ лѣсъ; искали, искали, не нашли. Пріѣзжаютъ въ лагерь къ царю, говорятъ: «такъ и такъ, ваше величество! Онъ обманулъ!» — Какая ужь досада была такъ и сказать нельзя.

А онъ летѣлъ себѣ соколомъ; усталъ летѣть на соколиныхъ крыльяхъ, обернулся орломъ, полетѣлъ на орлиныхъ крыльяхъ. Усталъ летѣть на орлиныхъ крыльяхъ обернулся львомъ и побѣжалъ. Прибылъ въ одинъ день. Влетѣлъ къ царевнѣ въ окно соколомъ. А царевна сидитъ, плачетъ объ отцѣ: «еслибъ онъ не забылъ мечъ-самосѣкъ, нечего бы и думать!» — Уви-

дала она сокола, схватила его, гладитъ. Гулинька сидитъ около нея на кровати, а она легла спать и заснула. А соколъ вдругъ оборотился молодцемъ, разбудилъ ее. Она испугалась: «откуда человѣкъ взялся?»—Онъ подалъ ей письмо. Она прочитала письмо, обрадовалась, разбудила мать. Стали его угощать. — На другой день она и говоритъ ему: «покажи мнѣ твои хитрости!»—Да вы испугаетесь! — «Нѣтъ, ничего!» — Онъ обѣжалъ три раза кругомъ стула и сдѣлался соколомъ; сталъ летать въ комнатѣ. Она схватила его, выдернула перышко и спрятала. Потомъ онъ обернулся орломъ, сталъ летать въ комнатѣ. Она опять выдернула перышко и спрятала. Потомъ онъ обернулся львомъ такъ, что въ комнатѣ едва поворотился. Она выдернула у него между ушей шерсть и завязала въ платокъ. Потомъ онъ обернулся снова человѣкомъ и обручился съ ней. Вечеромъ они его проводили; полетѣлъ онъ вмѣстѣ съ мечемъ. Сперва летѣлъ соколомъ, потомъ орломъ, потомъ побѣжалъ львомъ. Прибѣжалъ къ лагерю, усталъ; обернулся человѣкомъ, легъ подъ дерево и заснулъ.

Утромъ на четвертый день взошло солнце: перстень у него на рукѣ такъ и сіяетъ. Пастухъ увидалъ, отрубилъ ему голову; а его затопталъ въ болото. Снялъ кольцо, взялъ мечъ-самосѣкъ; вымылся, нарядился. Явился къ царю, подалъ мечъ-самосѣкъ. Царю и говорятъ, что это не тотъ привезъ.—«Нѣтъ, онъ!»— говоритъ царь. Сдѣлалось сраженье: Чубуру убили, и все его войско заполонили. А пастухъ пьетъ да ѣстъ только. И уѣхалъ царь съ нимъ на корабляхъ домой.

Только три братца собрались домой. Царь-левъ и говоритъ: «братцы, вѣдь, нашъ старшій братъ-то убитъ. Я его видѣлъ безъ головы!» Братья полетѣли, прилетѣли, вытащили его изъ болота, обмыли. Царь-левъ и говоритъ: «послушайте, братцы! я поймаю воронёнка, а ворона принесетъ живой воды, мы и воскресимъ братца!» Легъ онъ и будто заснулъ. А

тутъ недалеко была ворона съ воронятами. Она и не велитъ имъ подходить ко льву. Они не послушались, подлетѣли къ самому льву. Онъ и схватилъ воронёнка. Мать и кричитъ: «царь-левъ, отдай моего воронёнка!» — Достань мнѣ живой и мертвой воды, такъ отдамъ!— А за мраморной стѣной у царской дочери былъ колодецъ съ живой и мертвой водой. И каждое утро дѣвка чернавка ходила, доставала воды изъ того колодца; а другихъ никого не пускали. Только дѣвка чернавка (т. е. съ черными бровями или волосами) хочетъ достать воды, ворона и подлетѣла къ колодцу. Дѣвка побѣжала отгонять; гонитъ, гонитъ, а ворона все понемногу отлетаетъ да отлетаетъ. Какъ дѣвка ужь далеко отбѣжала отъ колодца, вдругъ ворона поднялась вверхъ и прямо въ колодецъ; взяла въ пузырёкъ живой и мертвой воды, прилетѣла ко льву: «царь-левъ, вотъ тебѣ живая и мертвая вода! отдай моего воронёнка!» — Левъ взялъ воронёнка, разорвалъ на части, спрыснулъ его живой водой. Онъ и воскреснулъ. Вотъ пошли братья живить своего старшаго братца. Вспрыснули его мертвой водой: срослась голова съ тѣломъ. Спрыснули живой водой, онъ вскочилъ. «Пора къ царю!»—говоритъ. Тутъ братья ему все разсказали, накормили его, дали ему скрипку и говорятъ: «какъ будетъ у царевны дѣвишникъ, ты ступай туда и попросись сыграть на этой скрипкѣ, такъ всѣ и захохочутъ; какъ во второй разъ сыграешь, всѣ заплачутъ, какъ въ третій разъ сыграешь, всѣ заснутъ, кромѣ царевны. Тутъ ты и дѣлай, какъ знаешь!» —

А царь межь тѣмъ ѣдетъ домой и посылаетъ впередъ, чтобъ «за столько-то верстъ меня и жениха встрѣчали.» Такъ и сдѣлали. Царица, царская дочь, генералы встрѣчаютъ. А пастухъ и слова не умѣетъ сказать. «Это дуракъ какой-то, а не мой женихъ!»—Что жь вы не цѣлуетесь? — говоритъ царь. «Ладно, батюшка, ладно!» говоритъ пастухъ и лѣзетъ цѣловаться. А она и не хочетъ его поцѣловать, плачетъ. Генералы

всѣ дивятся. Сдѣлали обѣдъ. А царевна надѣла трауръ; вышла въ немъ и обливается слезами. «Это дуракъ, говоритъ, а не мой женихъ.» А пастухъ пристаетъ къ царю: «Батюшка! свадьбу поскорѣе бы!» Сдѣлали дѣвишникъ. Онъ сядетъ къ ней, а она отъ него подальше, да подальше; воетъ, да отталкиваетъ его. Вдругъ приходитъ музыкантъ и проситъ позволенья ему три раза сыграть на скрипкѣ. Позволили. Вотъ какъ онъ сыгралъ въ первый разъ, такъ всѣ и захохотали. Сыгралъ въ другой разъ, всѣ заплакали. Сыгралъ въ третій, всѣ заснули, кромѣ царевны. Вотъ онъ подошелъ къ ней и говоритъ: «такъ и такъ все было.» Тутъ они переговорили, какъ дѣлать. Потомъ онъ снова взыгралъ — всѣ проснулись и забыли, что спали. Пастухъ видитъ: царевна повеселѣла. Самъ пьянъ, а идетъ, цѣлуетъ у нея руку. Царевна и говоритъ: «я хочу музыкантамъ по рюмкѣ водки подать!» Пошла, взяла водки и подаетъ по-очередно. Всѣ ее поздравляютъ. А дуракъ возлѣ нея. Подноситъ она и тому музыканту, который сыгралъ три раза. Онъ и говоритъ: «Поздравляю васъ! Дай Богъ *намъ* счастливо кончить свадьбу!» Дуракъ и кричитъ: «что такое?» А царевна и говоритъ отцу: «позвольте мнѣ сходить въ кабинетъ, я докажу жениха!» Пришла изъ кабинета и вынесла платокъ. «Папенька, спросите его, какъ онъ досталъ мечъ-самосѣкъ!» А дуракъ и говоритъ: «да ужь я всяко, и на боту-то, и на лодкѣ плылъ.... Всяко!....» А генералы и признаютъ музыканта; онъ вдругъ и обратился соколомъ. А пастухъ кричитъ: «мало чего?! Онъ колдунъ, дьявольщину знаетъ!» А царевна взяла сокола на руки и говоритъ: «видите, господа генералы, у сокола нѣтъ пёрушка! Вотъ оно!» и вынула пёрушко изъ платка; приложила: оно такъ и стало какъ слѣдуетъ. Тутъ онъ перекинулся орломъ, и опять царевна приложила перо. Онъ обернулся львомъ. А пастухъ испугался, палъ на спину, кричитъ: «стрѣляйте его: онъ всѣхъ поѣстъ.» А царев-

на опять приложила шерсть, что была вырвана между ушами. Тутъ вошли три братца и говорятъ всѣмъ, какъ было дѣло. Пастуха привязали къ хвостамъ у лошадей, настягали коней и пустили. А царевна вышла за своего жениха, и стали жить да поживать.

(Записана мной въ Тобольскѣ).

4.

ДИМИТРІЙ ЦАРЕВИЧЪ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ русскомъ государствѣ жили три брата: Василій царевичъ, Иванъ царевичъ и Димитрій царевичъ. Поѣхали всѣ они на охоту. Одинъ братъ поймалъ лисицу, другой зайца, а третій ничего. Попался ему на глаза олень золотые рога. Онъ за этимъ оленемъ погнался: олень въ воду, и онъ за нимъ. Онъ велъ его все дальше, да дальше; увелъ его въ другое царство. Когда ушелъ онъ въ другое царство и думаетъ, что ему дѣлать? Не знаетъ, куда выйти. А у него были волоса золотые. Вдругъ онъ вышелъ на дорогу и пошелъ этой дорогой. Приходитъ къ пастухамъ, отдаетъ имъ свою одежду, а у нихъ проситъ ихъ. А пастухи его не понимаютъ и давай его прочь гнать! Вотъ онъ увидалъ селенье и пошелъ къ этому селенью. Выпросилъ крестьянскую одежду и думаетъ, что теперь дѣлать ему съ головой? Пошелъ на бойню, гдѣ бьютъ скотъ, взялъ пузырь, надѣлъ его на голову. Пришелъ къ царю за милостыней; выпросилъ милостыню и просится у царя ночевать ночь или двѣ. Царь и спрашиваетъ: «какъ тебя зовутъ?» Плѣшь.—«По отечеству?» Плѣшавница. «Откуда родомъ?» Я прохожій; самъ не знаю откуда.—Царь счелъ его за дурака, позволилъ ему ночевать двѣ ночи. На третій день царь опредѣлилъ его въ садъ.

Въ ночь онъ весь садъ поломалъ. Царю пришли жаловаться, что котораго онъ приставилъ Плѣшь Плѣшавницу, тотъ весь садъ поломалъ. Царь сказалъ: «что дѣлать съ дуракомъ? Съ нимъ и пива не сваришь!» Въ другую ночь онъ сдѣлалъ такой садъ, что лучше всѣхъ садовъ. Въ третью ночь поломалъ другой самый лучшій садъ. Царю и докладываютъ, что человѣкъ «въ ночь тотъ садъ сдѣлалъ лучше всѣхъ царскихъ садовъ; а въ другую ночь лучшій царскій садъ поломалъ!» Царь самъ пошелъ глядѣть и увидѣлъ, что который онъ сдѣлалъ садъ, тотъ садъ лучше прежняго лучшаго царскаго саду. И вмѣсто того, который онъ теперь сломалъ, онъ сдѣлалъ такой садъ, что описать нельзя. А въ царскомъ саду были пруды; онъ всѣ ихъ засыпалъ. Царю докладываютъ, что Плѣшь Плѣшавница всѣ пруды завалилъ. Царь и говоритъ: «пусть его дѣлаетъ, что хочетъ!» На другую ночь онъ сдѣлалъ такіе пруды, какихъ никому и не снилось. Царь его призвалъ: «я, говоритъ, вижу, что ты не простаго рода. Скажи, какъ тебя зовутъ?» Плѣшь!—«По отечеству?» Плѣшавница!—Не добился царь ничего.—А онъ въ саду сдѣлалъ такіе ключи и фонтаны, что подобныхъ не было. И ходилъ къ нимъ каждое утро умываться.

У царя было три дочери. Меньшóй дочери нянька вставала рано, выходила на балконъ и смотрѣла всегда въ этотъ садъ. Вдругъ нечаянно увидѣла: Плѣшь Плѣшавница снялъ пузырь съ головы и началъ умываться; голова-то его такъ и освѣтила! Она этому удивилась и говоритъ меньшой царевнѣ, что «у насъ Плѣшь Плѣшавница, видно, не простаго рода, а какой-нибудь королевичъ или царевичъ!» Царевнѣ это очень понравилось. Стала она рано вставать, всходить на балконъ. Вотъ вышла она, смотритъ: Димитрій царевичъ сталъ умываться, снялъ пузырь: голова у него золотая! И необыкновенная у него красота. И она ужасно въ него влюбилась. Стала она просить у

царя, чтобъ онъ позволилъ, чтобъ Плѣшь Плѣшавница служилъ ей, а не въ саду. Царь и велѣлъ, чтобъ онъ былъ всегда при ней, всё бы ей подавалъ..... Приходитъ Димитрій царевичъ къ царской дочери. Она и спрашиваетъ его: «какъ тебя зовутъ?» Онъ ей и отвѣчаетъ: Плѣшь!—«А по отечеству?» Плѣшавница!—А она никакъ не хотѣла вѣрить; ужасно была влюблена. Когда стали сватать женихи всѣхъ трехъ сестёръ: старшая пошла за короля, средняя за принца. Стали спрашивать меньшую:—«я говоритъ, пойду за Плѣшь Плѣшавницу!» Отецъ и мать ее уговаривали и смѣялись. Она и знать ничего не хотѣла, и вышла за него за-мужъ.

Жили нѣсколько времени. Вдругъ на этого царя открывается война. Царь и проситъ зятей своихъ, чтобъ дали ему помощь. Король и принцъ дали помощь и сами поѣхали на войну. Младшая сестра и говоритъ мужу: «Плѣшь Плѣшавница! Вотъ мои братья идутъ на войну, а ты что?» Онъ взялъ прогналъ ее полѣномъ: «поди ты прочь отъ меня!»—Вотъ онъ приходитъ къ тестю: «батюшка! а, батюшка! Дай мнѣ какую-нибудь клячу и я поѣду на войну!»—Ну, гдѣ ужь тебѣ ѣхать на войну; сиди лучше дома!—«Нѣтъ, батюшка, и я поѣду!»—Дайте—говоритъ царь—ему какого-нибудь коня!—Вотъ онъ пошелъ выбирать коня и выбралъ такого, какого нигдѣ не было. Выѣхалъ въ поле, снялъ пузырь: сдѣлалась голова золотая; взялъ мечъ. Зятья пріѣхали на войну и онъ за ними поспѣлъ. Пріѣхалъ и всѣхъ побѣдилъ. Зятья ни какъ не могли его узнать! Побѣдивши и съѣзжаются и кланяются. Зятья благодарятъ его и просятъ его къ царю. И онъ имъ сказалъ: «Я къ царю не поѣду!» Они дали ему съ ноги по пальцу: онъ взялъ пальцы, положилъ въ карманъ, скрылся изъ виду, переодѣлся, пріѣхалъ домой и лёгъ. Зятья пріѣзжаютъ и разсказываютъ, что они всю силу побѣдили. Царь для нихъ сдѣлалъ балъ и говоритъ младшей дочери: «приведи и ты своего, хоть бы посмѣя-

лись надъ нимъ!» Она приходитъ къ нему и говоритъ, что царь сказалъ. Онъ опять прогналъ её. На балу сестры и народъ веселятся, а она сидитъ пригорюнившись: «за кого, дескать, я вышла замужъ?»

Черезъ нѣсколько времени опять открывается война. Опять братья отправились на войну. Поѣхалъ потомъ и Димитрій царевичъ; пріѣхалъ, побилъ всю силу. А братья узнать его не могли. Только тутъ его ранили. Зятья и просятъ его опять, чтобъ имъ можно было сказать отцу, что они одни силу побѣдили. «Хорошо—говоритъ;—только дайте мнѣ по пальцу съ руки!» — Потомъ скрылся, переодѣлся, легъ спать. Приходитъ жена его и видитъ у него рука раненая; она перевязала шелковымъ платочкомъ. Догадалась она, что онъ былъ на войнѣ. А межь тѣмъ пріѣхали братья и говорятъ, что вотъ они всю рать побили. Царь для нихъ сдѣлалъ балъ. Младшая-то и говоритъ своему мужу: «вотъ, говоритъ, они надъ нами смѣются!» — Пусть ихъ смѣются, потомъ плакать будутъ!—

Потомъ черезъ нѣсколько времени опять сдѣлалась война. Поѣхали братья. Поѣхалъ и Димитрій царевичъ, одѣлся въ прежнее свое царское платье, снялъ пузырь; поспѣлъ за братьями и всю силу побилъ. Зятья опять его не узнали; просятъ его, чтобъ имъ сказать отцу, что они всю силу побили. «Хорошо, говоритъ, только дайте изъ спины по ремню!»— Взялъ ремни, уѣхалъ прежде всѣхъ; пріѣхалъ домой и во всей одежѣ легъ. Межь тѣмъ пріѣхали и братья, говорятъ, что всю силу побили. Царь сдѣлалъ великій балъ; всѣмъ велѣлъ съѣзжаться. Царь и говоритъ младшей дочери: «приведи ты своего мужа; пусть онъ хоть на народъ посмотритъ!» Приходитъ она домой и видитъ его во всей одежѣ. Она и говоритъ ему: «Плѣшь Плѣшавница! насъ батюшка звалъ на балъ!»— Я не Плѣшь Плѣшавница, а Димитрій царевичъ. Одѣвайся въ самое лучшее платье, чтобы лучше тебя не было. А я прійду.

Ты меня смотри: я буду въ этомъ платьѣ и прійду черезъ кухню.

Она одѣлась лучше всѣхъ; пришла на балъ. Царь и говоритъ: «что ты лучше всѣхъ одѣлась? неужели твой Плѣшь Плѣшавница лучше всѣхъ?»—Да, лучше всѣхъ.—Черезъ пять минутъ приходитъ и Димитрій царевичъ. Гости всѣ были въ залѣ; и царь былъ въ залѣ. Она взяла его за̀ руку и подвела его къ отцу: «вотъ мой Плѣшь Плѣшавница!»—Зятья увидали и ужасно побѣднѣли. Начался разговоръ о войнѣ, какъ побѣдили силу. Тогда Димитрій царевичъ сказалъ: «да, вѣдь, я всѣхъ побѣдилъ: за первую побѣду я взялъ съ братьевъ по пальцу съ ноги; за вторую по пальцу съ руки; за третью по ремню изъ спины!» И вынулъ ихъ. Зятья остались въ самомъ низкомъ мѣстѣ, а Димитрію царь отдалъ полъ-царства своего. И тутъ былъ у него окончательный бракъ. Стали жить да поживать, да денежки наживать!

(Записана мной въ Москвѣ).

5.

ФЕНИСНО-ЯСНО-СОКОЛЪ-ПЕРЫШКО.

Жилъ былъ купецъ; у купца было три дочери. Собирается купецъ на ярмарку и спрашиваетъ своихъ дочерей: что вамъ купить? Старшая говоритъ: купите мнѣ на платье матеріи; вторая говоритъ: купите мнѣ шарфъ; третья говоритъ: купите мнѣ фенисно-ясно-соколъ-перышко. Долго-ли, коротко-ли ѣздилъ купецъ; пріѣзжаетъ домой. Этѣмъ дочерямъ привезъ, а той позабылъ. Она стала плакать. «Ну не плачь, говоритъ. Я опять скоро поѣду на ярмарку и привезу! Утѣшу тебя!»

Скоро опять собирался онъ ѣхать на ярмарку и спрашиваетъ дочерей: «что вамъ купить?» Первая говоритъ: брасле-

ты; вторая говоритъ: серьги; а третья говоритъ: фенисно-ясно-соколъ-перышко. — Долго-ли, коротко-ли ѣздилъ, воротился. Этѣмъ привезъ, а меньшой опять позабылъ. Она заплакала; онъ опять утѣшаетъ ее: «привезу, говоритъ, тебѣ; скоро, говоритъ, опять поѣду».

Собрался опять ѣхать на ярмарку и спрашиваетъ дочерей: «что вамъ купить?» Первая говоритъ: атласные башмаки; вторая: кольце; третья: фенисно-ясно-соколъ-перышко. Долго-ли, коротко-ли ѣздилъ, возвратился и привезъ покупки всѣмъ тремъ дочерямъ.

Вотъ меньшая и стала все съ этимъ перышкомъ постоянно въ спальнѣ сидѣть. Вотъ сестры-то ея и говорятъ между собой: «что это такое значитъ? что она тамъ разговариваетъ? подслушаемъ», говорятъ. — А перо-то было волшебное; то былъ царскій сынъ. «Давай, говорятъ сестры-то, сдѣлаемъ между собой вечеръ; позовемъ ее къ себѣ и поподчуемъ ее всякими напитками, виномъ.» Вотъ и пригласили ее и напоили пьяной. Пошла она въ свою спальню и заснула крѣпкимъ сномъ. Сестры-то ея вошли въ ея спальню; на окнѣ, куда прилеталъ фенисно-ясно-соколъ-перышко, натыкали ножей. Онъ прилетаетъ къ ней, изрѣзался ножами и видитъ, что она спитъ и написалъ своею кровью: «если ты меня любишь, то ищи меня за тридесять земель въ тридесятомъ царствѣ».

Проснулась она, увидала, и отъ горя начала плакать и стала проситься у отца искать фенисно-ясно-соколъ-перышко. Онъ ей долго не позволялъ; она его упросила. Онъ ее отпустилъ. Пошла она въ кузницу; заказала трои чоботы желѣзные, три прута желѣзные и три просфиры желѣзныя. Сдѣлалъ ей кузнецъ трои чоботы желѣзные, три прута желѣзные и три просфиры желѣзныя, и пошла она.

Шла, шла, шла; чоботы избила, прутъ изломала, просфиру сглодала. Подходитъ къ избушкѣ, а избушка стоитъ

на курьихъ ножкахъ, повертывается. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ.» Избушка повернулась. Вотъ она взошла въ избушку, а тамъ баба-яга изъ угла въ уголъ перевертывается: одной губой полъ стираетъ, а носомъ трубу закрываетъ. (У ней носъ съ Перевицкой мостъ!). «Фу, фу, фу! говоритъ—бывало русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; а нынче русскій духъ на ложку садится, и въ ротъ катится. Что, красная дѣвица, дѣломъ пытаешь или отъ дѣла лытаешь?»—Бабушка, не столько отъ дѣла лытаю, сколько дѣло пытаю.—«Зачѣмъ же, говоритъ, сюды пришла?»—Да вотъ что, бабушка. Было у меня фенисно-ясно-соколъ-перышко; было да улетѣло. — «О, о! это мнѣ родственникъ! На вотъ тебѣ серебреное блюдечко и золотое яблочко, само катается. Ступай и дойдешь ты до такой же до кельи къ моей двоюродной сестрѣ; она тебѣ путь покажетъ.— Я, говоритъ, зла; а она еще злѣе меня. Прощай же, не медли!» Пошла; шла, шла, шла. Чоботы избила, прутъ изломала, просфиру изглодала. Подходитъ, видитъ: стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, повертывается. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Избушка поворотилась. Она вошла. Тамъ баба-яга изъ угла въ уголъ переметывается, одной грудью печь заметаетъ, а другой трубу закрываетъ. Она зубами заскрипѣла: «Фу, фу, фу! бывало русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; а нынче русскій духъ на ложку садится и въ ротъ валится.» Дѣвушка устрашилась и низехонько поклонилась. «Что ты, красная дѣвица, дѣла пытаешь или отъ дѣла лытаешь?» — Не столько, бабушка, отъ дѣла лытаю, сколько дѣло пытаю. «Ты не сказывай мнѣ, я все, говоритъ, знаю!» Даетъ ей гребень золотой, серебреное намыко *) и золотое веретенце — само прядется.

*) Инструментъ, на который пряжа кладется.

«Этѣмъ, говоритъ, ты дойдешь; прощай! тамъ моя двоюродная сестра; я зла, а она еще злѣе меня!»—

Вотъ она пошла; шла, шла, шла; чоботы избила, прутъ изломала, просфиру изглодала. И подходитъ она къ избушкѣ; стоитъ избушка на курьихъ ножкахъ, повертывается. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Вотъ избушка повернулась, она и взошла. Въ избушкѣ баба-яга, костяная нога; желѣзный у ней носъ, въ потолокъ вросъ; лежитъ, отдувается. «Фу, фу, фу! бывало русскаго духу слыхомъ не слыхать, видомъ не видать; а нынче русскій духъ на ложку садится и въ ротъ валится. Что ты, красная дѣвица, дѣло пытаешь или отъ дѣла лытаешь?» — Не столько, бабушка, отъ дѣла лытаю, сколько дѣло пытаю. Было у меня фенисно-ясно-соколъ-перушко; улетѣло оно отъ меня! — «Плохо же ты думала о немъ. Онъ мнѣ племянникъ». Дала она ей золотыя пяльцы, серебреную иголку, сама шьется. «Этѣмъ ты дойдешь до него; иди! тутъ вотъ не далеко это царство. Тутъ есть кусточки; ты ляжь подъ кусточки. Онъ поѣдетъ на охоту съ охотниками; собаки набѣгутъ на тебя и ты будешь въ его царствѣ». Вотъ она поблагодарила и пошла.

Шла, шла, шла; послѣдніе чоботы избила, послѣдній прутъ изломала, послѣднюю просфиру изглодала. Видитъ: въ виду у ней кусточки. «Должно быть что они!» Дошла она до кусточковъ, легла подъ нихъ; слышитъ: лай ужасный отъ собакъ. Охотники думали, что звѣрь какой, скачутъ; прискакали и видятъ красну дѣвицу и докладываютъ царю фенисно-ясно-соколъ-перышку: «куды прикажутъ ее опредѣлить?» Царь сказалъ: на задній дворъ къ старушкѣ. — Отправили ее туда.

У старушки она все выспрошала: фенисно-ясно-соколъ-перышко женился. Пошла она до пруда, видитъ: дѣвка чернавка моетъ рубашку, въ которой фенисно-ясно-соколъ-перышко изрѣзался, и никакъ не можетъ ее отмыть. Она и видитъ, что

это его рубашка и говоритъ: «дай, голубка, я тебѣ отмою». Взяла рубашку и начала надъ ней плакать. Плакала, плакала и всѣ до одного пятнышка отмыла. Дѣвка чернавка понесла рубашку къ царицѣ похвалиться. Та ее похвалила.

И попросила эта, что отыскивала фенисно-ясно-соколъ-перышко, у царицы позволенья садиться противъ дворца съ рѣдкостями; вынесла столикъ, поставила противъ дворца; вынесла блюдо и золотое яблоко — само катается. Царица высылаетъ дѣвку чернавку спросить: «что продажныя или завѣтныя и что завѣту?» Она отвѣчаетъ: «завѣтныя, а завѣту: съ фенисно-ясно-соколъ-перышкомъ ночь переспать»! Она согласилась. Царь пріѣзжаетъ, царица угостила его до-пьяна и положила его въ кабинетъ. Впустили и эту дѣвушку; она ему плакала, плакала, щипала его, разсказывала все. А онъ отъ-пьяна ничего не слыхалъ. Приходятъ тѣ часы; высылаютъ ее вонъ.

На другой день царь встаетъ и поѣхалъ на охоту. Она взяла опять золотой гребешекъ, серебреное намыко и золотое веретенце — само прядется. Поставила противъ дворца. Царица прельстилась; опять высылаетъ дѣвку чернавку: «поди, спроси: продажныя или завѣтныя»? — Она говоритъ: «завѣтныя, а завѣту съ фенисно-ясно-соколъ-перышкомъ ночь переспать». Царица согласилась. Царь пріѣзжаетъ съ охоты; царица опять его угощаетъ. Царь удивляется: «не даромъ у меня тѣло болитъ.» Самъ не столько пьетъ, сколько мимо льетъ. Приходятъ тѣ часы, пошелъ царь въ кабинетъ; не хотѣлъ спать да и заснулъ. Впустили и эту дѣвушку. Вотъ она опять плакала, щипала его; а онъ не слышитъ, спитъ мертвымъ сномъ. Утромъ и высылаютъ ее вонъ.

На третій день царь опять поѣхалъ на охоту. А она вынесла золотыя пяльцы, серебреную иголку — сама шьется; поставила противъ дворца. Царица прельстилась; опять высылаетъ дѣвку чернавку: «поди, спроси: продажныя или за-

вѣтныя»? — Она говоритъ: «завѣтныя, а завѣту съ фенисно-ясно-соколъ-перышкомъ ночку переспать». Царица согласилась. Царь воротился; царица стала его угощать, а онъ притворился будто спитъ. Сталъ ждать, что будетъ: «что такое у меня тѣло болитъ и что̀ меня все царица поитъ»? — Дѣвушку впустили. Тутъ они другъ другу обрадовались. Тутъ онъ все выслушалъ отъ нея и также плакалъ какъ и она. Передъ утромъ притворился, будто спитъ. Въ тѣ часы ее выслали.

Вотъ утромъ царь всталъ, поѣхалъ на охоту; а между тѣмъ велѣлъ собрать царей, богатырей на балъ. Всѣ съѣзжаются на балъ; а царица ничего не знаетъ, къ чему этотъ балъ. Съѣхались всѣ, сѣли за столъ. Вотъ царь и говоритъ: «послушайте, добрые гости! Которая для меня жена вѣрнѣе: которая меня за рѣдкости продаетъ или которая шла, отыскивала меня; трои чоботы износила, три прута изломала, три желѣзныхъ просфиры изглодала»? И велѣлъ рѣдкія вещи подать въ залъ. Тутъ всѣ въ одинъ голосъ закричали, что та жена,—которая трудилась до кроваваго поту. Тутъ онъ приказалъ привязать ее къ сивому жеребцу къ хвосту и приказалъ по полю размыкать. А съ этой тутъ же свадьбу задалъ. Потомъ въ ея отечество поѣхалъ къ ея отцу; царь обрадовался, что она жива и за̀ эдакаго за мужъ вышла.

(Записана мной въ Жолчинѣ, селѣ рязанскаго уѣзда).

6.

СЕМИЛѢТКА.

Жили-были два брата—богатый и бѣдный. Бѣдный-то овдовѣлъ; отъ жены осталась дочка на седьмомъ году, потому и прозвали ее Семилѣткой. Только богатый и подарилъ Семи-

лѣткѣ плохенькую телушку. Семилѣтка поила, кормила, холила телушку, и изъ нея стала славная корова, принесла ей теленка съ золотыми копытцами. Только пришли къ Семилѣткѣ въ гости дочери богатаго дяди и увидали телушку; пошли и сказали отцу. Богатому и захотѣлось оттягать телушку, а бѣдный-то не отдаетъ. Спорили, спорили они; пришли къ воеводѣ, просятъ разобрать ихъ дѣло. Богатый и говоритъ: «я, говоритъ, дарилъ племянницѣ только телушку, а не приплодъ»! А бѣдный говоритъ: «телушка моя, такъ и приплодъ мой»! Какъ тутъ рѣшить дѣло? Воевода и говоритъ имъ: «вотъ отгадайте три загадки! Кто отгадаетъ, того и телушка! Сперва отгадайте: что всего быстрѣе»? —

Пошли мужики домой. Бѣдный и думаетъ: «что тутъ сказать»? и говоритъ Семилѣткѣ: «дочка, дочка! Воевода-то велѣлъ отгадать: что на свѣтѣ всего быстрѣе? что я ему скажу»?—Не тужи, батюшка! Молись Спасу, да ложись спать!— Легъ онъ спать. Утромъ и будитъ его Семилѣтка: «вставай, вставай, батюшка! Пора идти къ воеводѣ. Ступай да скажи, что всего быстрѣе на свѣтѣ мысль»! Всталъ мужикъ, отправился къ воеводѣ; пришелъ и братъ. Вышелъ къ нимъ воевода и спрашиваетъ: «ну, скажите: что всего быстрѣе»? Богатый выскочилъ впередъ, говоритъ: «у меня, говоритъ, есть конь такой быстрый, что никто его ни обгонитъ: онъ всего быстрѣе»! Воевода засмѣялся и говоритъ бѣдному: «а ты что скажешь»? — Мысль всего быстрѣе на свѣтѣ! — Воевода удивился и спрашиваетъ: «кто тебя этому научилъ»? — Дочь Семилѣтка! — «Ну, хорошо! Отгадайте теперь, что на свѣтѣ всего жирнѣе»?

Пошли мужики домой. Бѣдный приходитъ и говоритъ Семилѣткѣ: «воевода намъ загадалъ: что на свѣтѣ всего жирнѣе? Какъ тутъ отгадать?» — Ну, батюшка! не тужи: утро вечера мудренѣе. Молись Спасу, да ложись спать.—Старикъ легъ

спать. Утромъ Семилѣтка и будитъ его: «вставай, батюшка! пора къ воеводѣ идти. Спроситъ онъ тебя: что всего жирнѣе? — скажи, что земля всего жирнѣе, потому что производитъ всякіе плоды!»—Всталъ отецъ, пришелъ къ воеводѣ; пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и спрашиваетъ: «ну, что? придумали—что всего жирнѣе?» — Богатый выскочилъ впередъ и говоритъ: «у меня есть боровъ да такой жирный, что жирнѣе его нѣтъ ничего! Онъ всего жирнѣе!» Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: «ну, а ты что скажешь?»—«Земля всего жирнѣе, потому что она производитъ всякіе плоды!» Воевода удивился и спрашиваетъ: «кто это тебя научилъ»?—«Дочь, говоритъ, Семилѣтка!»—«Ну, хорошо! Теперь отгадайте, что на свѣтѣ всего милѣе?»

Пошли мужики домой. Пришелъ бѣдный и говоритъ Семилѣткѣ: «такъ и такъ воевода загадалъ. Что теперь дѣлать?»—«Ну, тятенька, не тужи: утро вечера мудренѣе. Молись Спасу да ложись спать.»—Утромъ будитъ она его и говоритъ: «вставай, тятенька! Пора идти къ воеводѣ. Станетъ онъ тебя спрашивать, скажи, что всего милѣе человѣку сонъ: во снѣ всякое горе позабывается!» Всталъ отецъ, пошелъ къ воеводѣ; пришелъ и богатый. Вышелъ воевода и говоритъ: «ну, скажите: что всего на свѣтѣ милѣе?» Богатый напередъ и кричитъ: «жена на свѣтѣ всего милѣе!» Воевода засмѣялся и спрашиваетъ бѣднаго: «а ты что скажешь?»—Сонъ на свѣтѣ для человѣка всего милѣе: во снѣ всякое горе позабывается!—Воевода удивился и спрашиваетъ его: «кто тебѣ это сказалъ?» — Дочь Семилѣтка.

Воевода пошелъ въ свои комнаты, вынесъ рѣшето съ яйцами и говоритъ: «ступай, отнеси своей дочери это рѣшето съ яйцами; пусть она изъ нихъ къ завтрему выпаритъ цыплятъ!» Пошелъ бѣдный, плачетъ и говоритъ Семилѣткѣ, что такъ и такъ воевода сказалъ. — «Ну, батюшка, не тужи! Молись

Спасу да ложись спать: утро вечера мудренѣе!»—На другой день она и будитъ отца: «батюшка, батюшка! вставай: пора къ воеводѣ идти. Да вотъ возьми отнеси ему немного зеренъ проса, скажи ему, что цыплята сейчасъ будутъ готовы, да надо ихъ кормить бѣлояровымъ пшеномъ; такъ вотъ, чтобъ онъ зерна посѣялъ, и чтобъ черезъ полчаса пшено поспѣло, и чтобъ онъ его къ ней тотчасъ прислалъ». Всталъ старикъ, пошелъ къ воеводѣ. Вышелъ воевода и спрашиваетъ: «ну что принесъ цыплятъ?» — Да, дочь-то говоритъ, что черезъ полчаса цыплята будутъ. Да надо, говоритъ, ихъ кормить бѣлояровымъ пшеномъ: такъ вотъ она прислала нѣсколько зёренъ, чтобъ вы посѣяли, и чтобъ чрезъ полчаса все было готово. — «Да развѣ можно, чтобъ зерно въ полчаса выросло и созрѣло?»— А развѣ можно, чтобъ цыплята выпарились въ одну ночь? — Нечего дѣлать воеводѣ: перехитрила его Семилѣтка.

Вотъ онъ взялъ далъ бѣдному пряжи и говоритъ: «пусть твоя дочь къ завтрему соткетъ полотно и сошьетъ мнѣ рубашку!» Отецъ запечалился, пошелъ, сказалъ обо всемъ Семилѣткѣ. «Ну, батюшка, не тужи. Молись Спасу да ложись спать! Утро вечера мудренѣе!» Отецъ легъ и заснулъ. Утромъ и будитъ его Семилѣтка: «вставай, батюшка! пора къ воеводѣ идти. Ступай къ нему, отнеси льнянаго сѣмени и скажи, что рубашка готова, да не чѣмъ прострочить воротникъ: пусть онъ это сѣмя посѣетъ, и чтобъ оно выросло, и чтобъ черезъ полчаса ко мнѣ прислалъ!» Отецъ пошелъ и сказалъ все воеводѣ. Воевода и говоритъ: «какъ же это можно, чтобъ чрезъ полчаса лёнъ выросъ и изъ него напрясть нитки?» Такъ какъ же можно въ одну ночь соткать полотно и сшить рубашку?—Опять перехитрила Семилѣтка воеводу!.

Вотъ онъ и говоритъ старику: «ступай скажи своей дочери, чтобъ она ко мнѣ пришла ни пѣшкомъ, ни на лошади, ни на саняхъ, ни на телѣгѣ, ни нага, ни *оболочена* (одѣта) и чтобъ при-

несла ни подарокъ, ни отдарокъ!» Приходитъ отецъ домой, разсказалъ все дочери. Вотъ на другой день Семилѣтка взяла сняла съ себя одежду, обвернулась мережей, взяла голубя, отправилась къ воеводѣ на лыжахъ. Пришла она къ воеводѣ и подала ему голубя. Голубь тотчасъ вырвался и улетѣлъ. И тутъ перехитрила она воеводу; а она ему очень понравилась. Онъ и говоритъ, что «я самъ завтра пріѣду къ вамъ». — Старикъ и поѣхалъ въ городъ закупать припасовъ—угостить гостя.

Только на другое утро пріѣзжаетъ воевода къ дому Семилѣтки. А у ней ни кола, ни двора: только сани да телѣга стояли. Воевода и смотритъ: куда ему привязать лошадь? Вотъ онъ подходитъ къ окну и спрашиваетъ Семилѣтку: гдѣ бы мнѣ привязать лошадь?—«Привяжи между лѣтомъ и зимой!» Воевода думалъ, думалъ — едва могъ догадаться, что между лѣтомъ и зимой значитъ между санями и телегой. Воевода взошелъ въ комнату и спрашиваетъ: «гдѣ твой отецъ?». . . . . *)

Потомъ воевода сталъ сватать за себя Семилѣтку; но съ тѣмъ, чтобъ она не вмѣшивалась въ его воеводскія дѣла; если же она не сдержитъ обѣщанія, такъ онъ ее съ тѣмъ, что всего больше ей нравится, отправитъ снова къ отцу.

Вотъ обвѣнчались они; живутъ да поживаютъ. Много-ли, мало-ли прошло времени, только одинъ мужикъ проситъ у другаго лошади съѣздить на поле за рѣпой. Тотъ далъ лошадь; мужикъ поѣхалъ, а пріѣхалъ поздно вечеромъ. Потому онъ не повелъ ее къ хозяину, а привязалъ къ своей телѣгѣ. Встаетъ онъ утромъ, видитъ: подъ телѣгой жеребёнокъ. «Жеребёнокъ мой: онъ подъ телѣгой; видно, рѣпа либо телѣга ожеребилась». А тотъ, чья была лошадь, говоритъ: «жеребёнокъ мой!» Спо-

*) Эту сказку я слыхалъ въ Тобольскѣ отъ моей покойной бабушки. Ни мой отецъ, ни я не могли припомнить отвѣта и потому я оставляю пробѣлъ, не желая выдавать собственныхъ фантазій за народныя сказки.

рили, спорили; пошли къ воеводѣ судиться. Воевода и разсудилъ:» жеребенокъ найденъ подъ телѣгой; такъ значитъ онъ того, чья телѣга!» Услыхала это Семилѣтка, не удержалась и сказала, что онъ неправильно судитъ.

Воевода разсердился, потребовалъ разводной. Послѣ обѣда надо было Семилѣткѣ опять ѣхать къ отцу. Только она за обѣдомъ напоила воеводу допьяна. Онъ напился и заснулъ. Она велѣла его соннаго положить въ карету и уѣхала вмѣстѣ съ нимъ къ отцу. Тамъ ужь воевода проснулся и спрашиваетъ: кто меня сюда перенесъ?—«Я тебя перевезла, говоритъ Семилѣтка, у насъ было условіе, чтобъ я взяла то, что мнѣ наиболѣе нравится. Я и взяла тебя!» Воевода удивился ея мудрости, помирился съ ней и возвратился домой; стали жить да поживать.

(Разсказывалась въ г. Тобольскѣ).

7.

МУЖИКЪ И ЦАРЕВА ДОЧЬ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, да не въ нашемъ государствѣ жилъ-былъ царь; у этого у царя была дочь; и собой она была очень прекрасна; и сватались за нее женихи; но только ей никто не нравился изъ женіховъ. Но у одной старушки крестьянки былъ сынъ. Мать его посылаетъ посвататься за цареву дочь. Онъ пошелъ.

Царь согласился; только велѣлъ сдѣлать въ первую ночь дворецъ хрустальный. *Когда* сынъ пошелъ къ матери и разсказалъ ей объ этомъ. *Но* царь сказалъ: «ежели ты не сдѣлаешь дворца, то я тебѣ голову срублю!» Мать и говоритъ: «ну, сынъ мой любезный, не плачь, говоритъ; утро вечера мудре-

нѣе.» Мать ему дала перстень. «Вотъ, говоритъ, ты скажи этому перстню, чтобъ изъ него выскочили 25 человѣкъ мастеровъ и прикажи имъ сдѣлать, что̀ тебѣ надобно.» Онъ такъ и сдѣлалъ. Только они выскочили; черезъ нѣсколько времени ужь готовъ дворецъ хрустальный. Сдѣлали все и опять въ перстень ушли. Только такъ онъ сталъ радъ, и пошелъ къ царю; и говоритъ, что «я, говоритъ, сдѣлалъ, что вы приказали.» Царь ему и говоритъ: «это ты очень хорошо сдѣлалъ, но на другую ночь сдѣлай ты мнѣ соборъ тоже хрустальный, и отъ этого собора до дворца чтобы была бы мостовая изъ бѣлаго камня.» Ну онъ такъ сталъ печаленъ; пришелъ къ матери. Мать ему и говоритъ: «не печалься; утро вечера мудренѣе.» Вотъ онъ утромъ всталъ и сказалъ: «выйдите 25 человѣкъ мастеровъ изъ перстня, сдѣлайте мнѣ соборъ хрустальный, а мостовую изъ бѣлаго камня.» Только чрезъ нѣсколько времени, уже это все готово. Онъ пошелъ опять къ царю: «вотъ, говоритъ, ваше царское величество, все готово.»—«Это очень хорошо сдѣлано; только ты сдѣлай, чтобъ промежду дворца и собора протекала бы рѣка, и черезъ эту рѣку былъ мостъ, и этотъ мостъ былъ обитъ бархатомъ, и на берегу бы чтобъ росли разные деревья и цвѣты; и на этихъ деревьяхъ чтобъ пѣли разныя райскія птицы; и чтобъ по берегу бѣгали кролики и въ этой бы въ рѣкѣ разныя были рыбы заморскія, и чтобы эту рыбу ловили бы рыболовы и пѣсни пѣли бы, и тогда я свою дочь отдамъ за тебя замужъ!»—*Только* онъ такъ былъ печаленъ, и пошелъ къ матери и разсказалъ ей все подробно, что царь сказалъ. «Ну, говоритъ, ты не плачь; утро мудренѣе вечера. Ты сдѣлай тоже, что я прежде тебѣ говорила о перстнѣ.» Онъ утромъ всталъ; сказалъ тоже самое перстню: вышли 25 человѣкъ изъ перстня и сдѣлали все, и черезъ нѣсколько времени было все готово. *То* онъ пошелъ къ царю. Царь этому былъ очень радъ, что все было сдѣлано. *Только*

онъ ему сказалъ: «ну, ты теперь приготовляйся къ вѣнцу» и что «въ такомъ-то часу будь здѣсь».

Только онъ пошелъ очень радъ; и пришелъ матери своей сказалъ, что царь велѣлъ собираться. Мать ему сказала, говоритъ: «одѣвайся и ступай туда.» *Но* какъ онъ былъ мужикъ, надѣлъ сѣрую поддёвку и пошелъ къ царю. Царь его посадилъ съ своей дочерью за столъ и благословилъ ихъ. Потомъ и поѣхали они въ соборъ вѣнчаться; но только ей былъ не *въ подиравy* женихъ, что она царская дочь, а онъ мужикъ. Но ужь дѣлать было нечего; обвѣнчались они и пріѣхали домой и праздновали три дня.

На четвертый день гости всѣ уѣхали; царева дочь стала у своего мужа спрашивать: какъ это ты все могъ сдѣлать, что мой отецъ тебѣ приказывалъ? *Но* онъ ей разсказалъ все подробно, любя ее. *Но* когда ночью легли они спать, *то* она у него сняла съ руки перстень и сказала: «выйдите отсюда 25 человѣкъ мастеровъ и выройте вы яму и моего мужа киньте въ яму и надъ ней поставьте столбъ каменный!» *Но* его бросили въ яму, и у него остались здѣсь любимая его кошка и собака.

Когда онѣ *встрѣнулись* своего хозяина, что его здѣсь нѣтъ; то онѣ стали искать, и по чутью нашли его подъ столбомъ. Собака съ кошкой выкопали яму и пролезли къ нему. *Но* онъ былъ тамъ живъ; *то* онъ имъ и говоритъ: «когда вы меня любите, то подите у моей жены унесите перстень.» *Только* кошка съ собакой пришли въ комнату, *то* жена его любуется перстнемъ. Кошка откуда ни возьмись вырвала перстень и побѣжала съ нимъ, и собака за ней. *Только* онѣ подбѣгаютъ къ рѣкѣ и имъ нужно было переплывать черезъ рѣку. Кошка не умѣла плавать и говоритъ собакѣ: «перевези ты меня на себѣ.» *Но* собака согласилась и только просила у ней перстень, чтобъ она сама отдала хозяину. Кошка сѣла на собаку, и поплыли черезъ рѣку, *то* вдругъ собака уронила пер-

стень въ воду; переплыли онѣ черезъ рѣку, *но* имъ было жалко своего хозяина, что не могли онѣ ему доставить перстень. *Но* кошка тутъ вздумала наняться къ рыболовамъ рыбу чистить. Только она вдругъ стала щуку чистить и увидѣла въ ней перстень, взяла его и подбѣжала къ своему хозяину съ собакой. Когда она къ нему пролезла и онъ сказалъ: «изъ этого перстня выйдите 25 человѣкъ, разломайте столбъ и выкопайте меня отсюда и подите вы мою жену убейте и меня отправьте къ моей матери.» Все такъ и сдѣлали.

Тутъ онъ сталъ съ матерью жить, поживать и вино попивать.

(Записана мной отъ урожденца деревни Селина, Веневскаго уѣзда, тульской губ.).

8.

ОПЯТЬ МУЖИКЪ И ЦАРЕВА ДОЧЬ.

Жилъ-былъ сынъ съ матерью; они бѣдно жили; умеръ отецъ, оставилъ имъ три денежки. Приходитъ праздникъ; приходитъ сынъ, проситъ: «Матушка, дай мнѣ денежку; я пойду чего-нибудь куплю на базарѣ для хозяйства». Она дала ему денежку. Пошелъ; видитъ какъ собаку бьютъ. Онъ говоритъ: «не бейте, говоритъ; продайте мнѣ, нате вамъ денежку!» Принесъ собаку къ матери. «Матушка, матушка! я для дома собачку купилъ. Мать заругалась: «намъ, говоритъ, и такъ ѣсть нечего, а онъ собачку купилъ»! — Опять приходитъ праздникъ; выпросилъ у матери денежку; идетъ на базаръ; видитъ: кошку бьютъ. «Ей, говоритъ, не бейте; продайте мнѣ; нате вамъ денежку!» Приноситъ кошку къ матери: «матушка, матушка! я для дома кошку купилъ». — «Ахъ ты, кобель,

кобель! намъ и самимъ ѣсть нечего, а онъ кошку купилъ»!— Приходитъ опять праздникъ; взялъ онъ денежку, идетъ на базаръ; видитъ лягушку бьютъ. «Ей, говоритъ, не бейте; нате вамъ денежку»! — Взялъ лягушку, пришелъ къ матери: и матушка, матушка! я для дома лягушку купилъ»!—«Ахъ ты, кобель, кобель! Онѣ тебя самаго съѣдятъ; намъ и такъ жить нечѣмъ». —

Онѣ всѣ: собака, лягушка, кошка брешутъ, мяучатъ, квакаютъ; а ѣсть нечего. Вотъ взяла эта лягушка повела его (сына-то) въ болото и въ яму; привела; и сидитъ тамъ старикъ старый. Она и говоритъ сыну-то: «ты у него ничего не бери; только съ руки перстень возьми». Онъ взялъ перстень. «Приходи съ зори, на зорю, передѣвай перстень съ руки на руку: у тебя все будетъ, что пожелаешь». Онъ вышелъ на зорю, передѣлъ съ руки на руку, говоритъ: «изъ этого кольца выйдите 33 молодца, волосъ къ волосу, голосъ къ голосу! сдѣлайте мнѣ все, чтобъ было бы въ чемъ жить и было что ѣсть». Все стало у него, и посылаетъ онъ мать къ царю невѣсту сватать.

Пошла мать къ царю. А онъ говоритъ: «вели своему сыну отъ своего двора до моего хрустальный мостъ поставить и хрустальные столбы установить». Мать приходитъ, сказываетъ. — «Это у меня все на утро будетъ, матушка!» — Утромъ передѣваетъ перстень, говоритъ: «изъ этого кольца выйдите 33 молодца, волосъ къ волосу, голосъ къ голосу! постановите хрустальный мостъ и хрустальные столбы»! И тотчасъ же выскочили 33 молодца и намостили. Мать опять пошла къ царю; царь опять говоритъ: «вели своему сыну въ день садъ развесть, чтобъ къ вечеру яблоки привезть». Онъ садъ развелъ и яблоки привезъ. — Мать опять пришла. Царь опять говоритъ: «вели своему сыну церковь-соборъ возлѣ рѣчки постановить». Тотъ и церковь черезъ кольцо постановилъ.

Отдаетъ царь за него дочь; повѣнчались; стали жить. Мужикъ раздѣлился съ семьей; живетъ одинъ съ женой. Онъ спитъ; а старуха чужая (не мать), что съ нимъ прежде жила, пришла, сняла у него съ руки перстень. Выходитъ на зорю, передѣваетъ съ руки на руку, говоритъ: «изъ этого кольца выйдите 33 молодца, голосъ къ голосу, волосъ къ волосу. Весь дворъ, каменные мосты и все чтобы раззорено было къ утру»! Выскочили 33 молодца и все раззорили. И стала царева дочь жить посреди поля. Царь и говоритъ: «что же это у моего зятя все было, а теперь ничего не стало»! Взялъ увезъ царь свою дочь, а его въ каменный столбъ постановилъ.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

9.

ОФИЦЕРЪ И БАРЫНЯ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, при царѣ было грозномъ, бѣжалъ офицеръ изъ полка, шелъ лѣсомъ страшнымъ. Вдругъ на встрѣчу ему идетъ солдатъ. Спрашиваетъ его солдатъ: «кто ты»? — «Я, говоритъ, бѣжалъ изъ такого-то полка!» — «Ну и я, братъ, тоже». — «Давай, говоритъ, вмѣстѣ жить.» Вотъ поселились они въ этомъ лѣсу, выстроили себѣ шалашъ изъ прутьевъ.

Приходитъ первая ночь. Начали кидать жребій, кому достанется стеречь ночью. Досталось офицеру. Офицеръ стоитъ на часахъ; товарищъ его спитъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ идетъ лѣсовой (лѣшій). Офицеръ кричитъ: кто идетъ? — «Здѣшній, говоритъ, лѣсовой. Молодецъ, говоритъ, солдатъ, что не оробѣлъ. Вотъ тебѣ за это салфетка»! — «Что жь мнѣ съ этой салфеткой дѣлать?» — «Тряхни ее, такъ узнаешь. «Приходитъ

день; товарищъ его встаетъ, а ѣсть имъ нечего. Офицеръ ему и говоритъ: «вотъ, говоритъ, лѣсовой далъ мнѣ салфетку, велѣлъ тряхнуть». Онъ тряхнулъ; изъ нея и посыпался хлѣбъ. Они и наѣлись. — Приходитъ другая ночь: солдатъ на дежурство нейдетъ. Стали жребій кидать: кому ночь стеречь? Досталось опять офицеру. Лѣсовой опять приходитъ въ тѣ же часы. Офицеръ опять кричитъ: кто идетъ? — «Здѣшній, говоритъ, лѣсовой»! Подходитъ ближе. «Молодецъ, говоритъ, солдатъ, что не оробѣлъ: вотъ тебѣ за это перстенёкъ»! «Что же мнѣ съ этимъ перстнемъ дѣлать?» — «Взойди въ шалашъ, надѣнь его и скажи товарищу: здѣсь ли я? такъ тогда узнаешь». — На другой день надѣлъ офицеръ перстень и говоритъ товарищу: «здѣсь я или нѣтъ»? Онъ отвѣчаетъ: «нѣтъ, тебя не видать»! Офицеръ снялъ кольцо: ну, теперь здѣсь ли я? — «Здѣсь, товарищъ-братъ»! Вотъ приходитъ третій вечеръ. Офицеръ опять на часы выходитъ. Опять въ тѣ часы приходитъ лѣсовой. Офицеръ кричитъ: кто идетъ? — «Здѣшній лѣсовой! Молодецъ, говоритъ, солдатъ, что не оробѣлъ. На, вотъ тебѣ кошелёкъ»! — Что жь мнѣ съ этимъ кошелькомъ сдѣлать? — «Потряси, не вытрясешь: все въ немъ будутъ деньги»! — Вотъ пришло утро. Офицеръ и говоритъ: вотъ, говоритъ, далъ мнѣ лѣсовой кошелёкъ! —

Стали они трясти и натрясли денегъ; стали ѣздить въ городъ на балы. Пріѣхали они къ барынѣ, стали играть въ карты. Проиграли много денегъ и отправились домой. Вотъ приходитъ утро. Ѣдетъ одинъ офицеръ къ барынѣ. Стали они въ карты играть. Проигралъ онъ все. Вытащили у него кошелёкъ и пришелъ онъ въ бѣдность. Вотъ сталъ онъ думать и гадать, какъ бы кошелёкъ у барыни взять! — Пошелъ онъ въ лѣсъ, и увидалъ въ лѣсу ягоды; съѣлъ онъ одну ягодку, съѣлъ другую, третью и цѣлую дюжину ягодъ, и вдругъ на немъ выросло двѣнадцать рогъ: на спинѣ, на бокахъ, вездѣ. При-

ходитъ онъ къ кусту; на кустѣ росли другія ягоды. Съѣлъ онъ двѣнадцать этихъ ягодъ и спали съ него всѣ рога, сталъ онъ красивый, прекрасивый. Пошелъ онъ разнощикомъ въ этотъ городъ. Подходитъ къ барынѣ къ окну, кричитъ: «ягоды! ягоды»! Барыня и высылаетъ собачку свою, Омильку. Онъ далъ ей ягодку. Омилька съѣла и сдѣлалась человѣкомъ лучше барыни. Барыня подходитъ и покупаетъ эти ягоды. Купила коробо́чикъ съ ягодами, легла на постель и съѣла. Ни встать, ни пройти: выросли у нея рога. Стала она звать къ себѣ докторовъ: ни одинъ не берется лечить. Офицеръ нарядился въ докторское платье. Явился и говоритъ: «я васъ вылечу»!— Заперъ кабинетъ, началъ ее *пробирать* (бить) арапникомъ и приговариваетъ: «отдай мой кошелёкъ, отдай мой перстенёкъ, отдай мою салфетку»! Баринъ кричитъ слугамъ, чтобъ отдали. Тѣ подали все. Офицеръ далъ ей 12 ягодъ и уходитъ. Съѣла барыня ягоды, рога у ней тотчасъ спали.

Я тамъ былъ, мёдъ пилъ, по губамъ текло, а въ ротъ не попало.

(Записана мною въ Москвѣ).

10.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ И МАРЬЯ ЦАРЕВНА.

Жили-были Иванъ царевичъ и сестра у него Марья царевна. Марья царевна любитъ разгуливать и хочетъ своего брата известь. Она сдѣлалась больна. Разбойникъ ее и научилъ: по«шли его достать медвѣжьяго молочка! Медвѣдь его и съѣстъ!» Онъ приходитъ; она и говоритъ: «братецъ, поди принеси мнѣ медвѣжьяго молочка». Онъ пошелъ. Бѣжитъ медвѣдиха на-

встрѣчу. «Постой, медвѣдиха! дай мнѣ молока! А то я тебя убью». Она нацѣдила ему молока двѣ ложки. Онъ взялъ и пошелъ; медвѣдиха дала ему медвѣженочка.

Сестра взглянула въ окну, разбойнику сказываетъ: «пошелъ одинъ, а идетъ самъ-другъ». Приноситъ онъ ей молоко. «Братецъ, принеси волчинаго молока!» — Онъ опять пошелъ. А она медвѣжье молоко вылила. Бѣжитъ Ивану царевичу навстрѣчу волчиха. Нацѣдила она ему молока и дала ему волченочка. «Да на что мнѣ его?»—говоритъ Иванъ царевичъ.— Пригодится, говоритъ.

Сестра опять взглянула въ окно; сказываетъ разбойнику (а разбойникъ сидитъ въ чуланѣ, запертъ): «пошелъ съ однимъ, а идетъ съ двумя. Куда его пошлемъ?» — Пошлемъ къ льву; левъ сердитъ: онъ его съѣстъ.—Вотъ братъ пришелъ. «Братецъ мой родимый, поди сходи: львинова молочка принеси!» Вотъ онъ пошелъ; а она волчье молоко вылила. Навстрѣчу Ивану царевичу львиха; она ему нацѣдила пузырекъ и дала ему львеночка.

Она опять взглянула и говоритъ: «пошелъ съ двумя, а идетъ самъ четвертъ». Приходитъ Иванъ царевичъ. Она и говоритъ: «братецъ мой родимый, поди на мельницу сходи, пыльцы принеси!» Вотъ онъ пошелъ, отперъ мельницу; въ мельницѣ сидитъ старикъ старый такой. «Дѣдушка, дай мнѣ пыльцы». Онъ навязалъ пыльцы, далъ ему; а его медвѣженка, волченка и львенка заперъ въ мельницѣ.

Она взглянула. Онъ идетъ одинъ. Разбойникъ и выскочилъ. «Давай его изжаримъ!» Разбойникъ пошелъ топить баню—жарить Ивана царевича. Сталъ баню топить; а Иванъ царевичъ отъ нихъ *схоронился* (спрятался) на березу; а разбойникъ съ сестрою тащутъ его съ березы, жарить хотятъ. Воронъ кричитъ: «кря, кря, кря! Иванъ царевичъ! не спѣши слѣзать. Охота твоя подрывается». Она его ругаетъ всячески; бросаетъ въ него

каменьями. Опять воронъ летитъ: «кря, кря, кря! Твоя охота бѣжитъ!» А онъ тутъ слѣзъ; его подхватили подъ руки, потащили въ баню. Набѣжала тутъ его охота. Сестра съ разбойникомъ увидали; бросили его. Вотъ онъ и говоритъ: «что жь, говоритъ, охота моя, рвите врага-разбойника!» Они разбойника разорвали.—«Ну, что жь, говоритъ сестрѣ-то, мнѣ надъ тобою дѣлать?»—Братецъ, говоритъ, прости меня.—«Нѣтъ, говоритъ, я тебѣ вырою три ямы, насыплю жаромъ; когда ты слезьми потушишь всѣ ямы, тогда прощу!» Вырылъ онъ три ямы. «Заливай», говоритъ.

А самъ пошелъ жениться. Она заливала, заливала водой, плакала; не могла потушить. А братъ уѣхалъ къ вѣнцу. Она прибѣгаетъ, спрашиваетъ: «гдѣ братцева постелька?» — Ей указали. Она взяла свиной зубъ, воткнула въ постель, а его охоту заперла въ овинъ. Пріѣхали отъ вѣнца, стали спать класть; Иванъ царевичъ какъ ударится о зубъ, такъ и померъ. А сестра уѣхала къ сыну того разбойника.

Вотъ народъ думаетъ: пора молодыхъ поднимать. Стали поднимать: молодая живая, а онъ мертвый. Стали хоронить. А Марья царевна не велѣла его въ землю хоронить; то собаки бы услыхали; а велѣла на столбъ положить. Такъ и сдѣлали. Охота чуетъ, что хозяина нѣтъ. Подкопали овинъ; вышли. Подбѣжали къ столбу; а его не видятъ. Лисица поднялась и увидала; говоритъ: «вотъ онъ гдѣ». Столбъ подкопали; гробъ упалъ. Смотрятъ и не знаютъ, отчего онъ померъ; увидали пятно. Медвѣдь сталъ рыть и вырылъ свиной зубъ. Иванъ царевичъ и сталъ здоровый. «Ахъ, Господи! какъ я долго спалъ!»—Вѣкъ бы тебѣ спать, какъ бы не мы. — Тутъ ему все разсказали, «Ну, говоритъ, пойдемте со мной!»—Пошли. Пришли къ сестрѣ; взяли разстрѣляли ее. Онъ пошелъ жениться; женился. Теперь живетъ съ женой.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

11.

ВОЛШЕБНИЦА

У царя дочь померла, волшебница. Никто нейдетъ ее хоронить.—Только всѣ мужики пошли къ царю съ большими подарками. Одинъ мальчикъ съ одной булочкой пришелъ. Онъ на него осердился, что онъ ему мало принесъ. Онъ его заставляетъ его дочерь караулить. А онъ не хочетъ. «Какъ, говоритъ, дѣдушка-старичекъ позволитъ!» Дѣдушка приказалъ: «Ну, ступай покарауль ночку, коли онъ тебѣ приказалъ». И далъ ему дѣдушка три: карманъ *изгорьевъ* *), карманъ подпилковъ, карманъ угольевъ. А дочь-то въ церкви стоитъ. Приходитъ полночь. Вотъ она къ нему выходитъ изъ гроба. «Съѣмъ, говоритъ, я тебя». Ну, онъ давай въ нее бросать изгорьями; она проглотала, поѣла. Онъ сталъ бросать подпилками, она подпилки съѣла. Онъ сталъ бросать угольями, она уголья поѣла. Пѣтухи прокричали, она въ гробъ легла. Государь и посылаетъ: «подите, посмотрите: она его съѣла!» Они пришли; а онъ Богу молится.

Привели мальчика къ царю. Государь и говоритъ: «мальчикъ, наймись другую ночь караулить.» Онъ отвѣчаетъ: постой, я у дѣдушки спрошу. Дѣдушка опять приказалъ; опять три кармана насыпалъ: изгорьевъ, подпилковъ и угольевъ. Опять полночь приходитъ. Она говоритъ: «я съѣмъ тебя!» Онъ сталъ кидать. Она поѣла изгорья, подпилки и уголья. Пѣтухи прокричали; она опять въ гробъ легла. Государь опять посылаетъ: «подите, посмотрите: она мальчика съѣла». Они приходятъ, а онъ Богу молится. — Опять царь сталъ его нанимать на третью ночь. «Постой, я у дѣдушки спрошу!» Дѣдушка приказалъ. Опять взялъ три кармана: изгорьевъ, подпилковъ и

---

*) Разскащикъ не зналъ, что значитъ слово *изгорья*.

угольевъ. Въ полночь она опять выходитъ. «Я, говоритъ, тебя съѣмъ». Онъ сталъ въ нее кидать; она и изгорья, и подпилки, и уголья, всѣ поѣла, подошла, хотѣла его съѣсть. Онъ ее за косу схватилъ. Сталъ ее палкой колотить; пошли изъ нея крысы, и мыши, разныя гады. Какъ вышли, она и стала съ нимъ вмѣстѣ Богу молиться. Государь посылаетъ: «подите, посмотрите! она его съѣла!» Они пришли, посмотрѣли; и докладываютъ царю: она Богу молится. —

Царь говоритъ: «приведите ихъ ко мнѣ». Привели. «Что, говоритъ, мальчикъ, возьмешь ли ее замужъ!»—Я, говоритъ, у дѣдушки спрошу. Царь спросилъ у дочери; она говоритъ: «я пойду». Приходитъ онъ къ дѣдушкѣ. Дѣдушка приказалъ. Повели ихъ вѣнчать. Стали спать класть. Дѣдушка и говоритъ: «погоди; я ее разрублю на мелкіе части, перемоемъ.» Онъ ее перемылъ, дунулъ. Она вскочила такая красавица, что лучше чѣмъ прежде была. Дѣдушка и говоритъ. «Ну, говоритъ, внучекъ, давай ее пополамъ дѣлить». Ему жалко стало женихуто. «Давай, говоритъ; что жь!»—«Ну, говоритъ, внучекъ, живи ужь ты съ ней!»

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

12.

ОПЯТЬ ВОЛШЕБНИЦА.

Жили-были три купца. Одинъ меньшой померъ; остался у него сынъ Иванъ. Вотъ они кораблями занимались; разные товары отправляли въ чужіе края. Два брата нагрузили корабли; а тому нечѣмъ нагрузить, потому братья ничего ему не дали, а отецъ померъ. Нагрузилъ онъ половину корабля. Вотъ сидитъ и плачетъ подъ бережкомъ—около моря. Явился къ нему

старичекъ. «Что ты молодой *вьюноша*, о чемъ плачешь?» Онъ и говоритъ: «какъ же мнѣ не плакать,— братья меня бросили и не съ кѣмъ мнѣ ѣхать?»—Вотъ мать и благословила его ѣхать съ этимъ старичкомъ.

Ѣхали они, ѣхали; пріѣхали къ одному царству. У этого царя въ царствѣ въ церкви въ гробницѣ лежитъ дочь: вселились въ нее окаянные. Вотъ царь и говоритъ: «если ты, младый *вьюноша*, возьмешься отчитать, то позволю торговать». Онъ спросился у дѣдушки. Дѣдушка позволилъ; «только, говоритъ, очерти около себя кругъ побольше». Онъ пошелъ; очертилъ кругъ; въ полночь поднялся крикъ, гамъ; кто кричитъ: «жгите его,» кто кричитъ: «рвите его». Пѣтухъ пропѣлъ и ничего не стало. Государь утромъ приказываетъ: «выкиньте его кости!» Пришли, а онъ живъ. На другую ночь онъ два круга сдѣлалъ, и опять въ полночь крикъ, гамъ; кто кричитъ: «жгите его», кто кричитъ: «рвите его». Пѣтухъ пропѣлъ, и опять ничего не стало. Государь утромъ приказываетъ: «выкиньте его кости!» Пришли: а онъ стоитъ, молится, читаетъ. На третью ночь онъ три круга обвелъ. Въ полночь она встала изъ гробницы. «Ахъ, ты, говоритъ, врагъ эдакой! Что ты дѣлаешь?» — Онъ ударилъ ее по щекѣ. «Молись, говоритъ, Богу!» Она и стала молиться. Утромъ государь приказываетъ: «выкиньте его кости!» Пришли и видятъ, что оба молятся; тотчасъ доложили Государю. Привели ихъ къ нему. Государь говоритъ *вьюношѣ*: «женись на моей дочери!» Онъ говоритъ: какъ дѣдушка велитъ. Дѣдушка позволилъ. Женили ихъ.

Долго ли, мало ли времени прошло, и спросился онъ ѣхать домой. Царь имъ корабль полонъ нагрузилъ златомъ и серебромъ. Вдругъ выѣзжаютъ они на середину моря; старикъ взялъ отрѣзалъ ей голову, руки, и перемылъ ее. Изъ нея мыши, лягушки, крысы, разные гады выползли. И снова она живая стала. Пожилъ онъ сколько у матери; все забралъ съ

собой и мать и снова пріѣхалъ въ то царство. Какъ тотъ былъ царь, такъ онъ и теперь царствуетъ.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

13.

МАЧИХИНА ДОЧЬ И ПАДЧЕРИЦА.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. Старуха и померла, а у нея осталась дочь. Старикъ женился на другой женѣ, и у другой жены тоже была дочь. Старуха и не взлюбила падчерицу и говоритъ старику: «старикъ! завези свою дочь куда нибудь, чтобъ ее не было!» Старикъ завезъ ее въ лѣсъ, въ какую-то келейку; велѣлъ ей супъ варить, а самъ пошелъ дрова колоть. А въ то время былъ вѣтеръ. Старикъ привязалъ къ дереву полѣно: вѣтеръ дуетъ, а полѣно хлопаетъ. Она и думаетъ, что старикъ дрова колетъ, а онъ уѣхалъ домой.

Она сварила супъ и кричитъ: «иди, тятенька, обѣдать!» А его и нѣтъ. А человѣческая голова была въ лѣсу да и отвѣчаетъ: «сейчасъ, иду!» Голова подходитъ и говоритъ: «дѣвка, отворь мнѣ дверь!» Она отворила дверь. «Дѣвка, дѣвка! пересади меня черезъ порогъ.» Она пересадила. «Дѣвка, дѣвка! накрой на столъ.» Она накрыла на столъ. Голова сѣла съ ней обѣдать. Пообѣдали. «Дѣвка, дѣвка! сними меня съ лавки!» Она сняла съ лавки; убрала со стола. Онъ легъ спать на голомъ полу; она легла на лавкѣ. Она заснула, а онъ пошелъ за прислугой въ лѣсъ. Домъ сдѣлался больше: прислуга, лошади, все явилось. Прислуга приходитъ къ дѣвушкѣ и говоритъ: «вставайте: пора ѣхать кататься!» Сѣла она съ головой въ карету и взяла съ собой пѣтуха. Она и говоритъ пѣтуху, чтобъ онъ запѣлъ; онъ запѣлъ. Она въ другой разъ говоритъ, чтобъ онъ

запѣлъ; онъ и въ другой разъ запѣлъ. Она и въ третій разъ говоритъ, чтобъ онъ запѣлъ. Какъ онъ въ третій разъ пропѣлъ, голова развалилась и стали золотыя деньги.

Мачиха узнала это и говоритъ мужу: «вези и мою дочь туда же, куда возилъ эту!» Старикъ отвезъ въ келью и эту, и также обманулъ: привязалъ полѣно и уѣхалъ. Она сварила супъ и крикнула отца. А къ ней катится тоже такая же голова. Она испугалась и залѣзла въ печку. Голова и говоритъ: «дѣвка, дѣвка! пересади меня чрезъ порогъ!»—Не великъ панъ, самъ пересядешь.—Онъ пересѣлъ. «Дѣвка, дѣвка! накрой на столъ!» Не великъ панъ, самъ накроешь!—Онъ самъ накрылъ; самъ и пообѣдалъ. Когда она легла спать, онъ ее и съѣлъ. А собака и приходитъ къ матери, проситъ блина и говоритъ: «папина дочка въ каретѣ, а матушкина въ кошелькѣ бречитъ.» Она дала ей блинъ. Собака съѣла, стала просить другой и говоритъ: «папина дочка въ каретѣ, а матушкина въ кошелькѣ бречитъ!» Старуха бросила горячимъ камнемъ, убила собаку и стала ругать старика, что онъ ея дочь завезъ куда-то такъ, что ее собака съѣла.

(Записана мной въ Казани).

14.

ОПЯТЬ ПАДЧЕРИЦА И МАЧИХИНА ДОЧКА.

Жилъ старикъ со старухой. У нихъ была только одна дочь. Старуха умерла, а старикъ женился на другой. Отъ второй жены у него тоже родилась дочь. Старуха не любила падчерицу и все старалась погубить ее. Однажды старуха послала ее на рѣку мыть нитки и сказала ей: «смотри! если ты упустишь на дно нитки, то и не приходи домой!» Она пошла

на рѣку, пустила на рѣку нитки; нитки поплыли по рѣкѣ, а она по берегу тихонько шла за ними. Нитки доплыли до лѣса и утонули. Она взошла въ лѣсъ и увидала избушку на курьихъ ножкахъ. Она и говоритъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Избушка повиновалась. Падчерица взошла и увидала ягу-бабу. А у ней голова лежитъ въ одномъ углу избы, а ноги въ другомъ. Увидала ее баба-яга и говоритъ: «фу, фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ. Что ты дѣвушка: дѣло пытаешь или отъ дѣла лытаешь?» Дѣвушка разсказала ей, что ее послала мать мыть нитки и сказала, что если она ихъ упуститъ, то чтобъ и не приходила домой. Яга-баба заставила ее топить баню. Дѣвушка спрашиваетъ ягу-бабу: «гдѣ же у тебя дрова?» А яга-баба отвѣчаетъ: «у меня дрова позади бани!» А эти дрова были человѣческія кости. Пошла дѣвка топить баню, натаскала костей и положила ихъ въ печь, но какъ ни старалась, не могла ихъ зажечь: кости только курились. Только она сидитъ да плачетъ и видитъ: къ ней прилетѣлъ воробей и говоритъ: «Не плачь, дѣвушка! А ты поди въ лѣсъ и набери тамъ дровъ и затопи печь!» Она такъ и сдѣлала. Потомъ пошла и говоритъ ягѣ-бабѣ, что она затопила баню. А яга-баба отвѣчаетъ: «теперь поди наноси воды рѣшетомъ!» Она пошла и думаетъ: какъ я буду носить воду рѣшетомъ? Опять прилетѣлъ воробей и говоритъ ей: «чего плакать? Замажь рѣшето-то глиной!» Она такъ и сдѣлала. Натаскала воды, пошла звать ягу-бабу въ баню, а яга-баба отвѣчаетъ ей: «поди въ баню! Я сейчасъ пришлю къ тебѣ своихъ дѣтей!» Она и пошла въ баню. Вдругъ видитъ, что къ ней въ баню ползутъ червяки, лягушки, крысы и всякія насѣкомыя. Она ихъ всѣхъ перемыла и перепарила. Потомъ пошла за бабой-ягой, вымыла ее. Потомъ и сама вымылась. Пришла она изъ бани, яга-баба и велѣла ей поставить самоваръ. Она поставила; напились чаю. Баба-яга и послала ее въ

подполье. «У меня въ подвалѣ, говоритъ, стоятъ два сундука: красный и синій. Возьми себѣ красный!» Она такъ и сдѣлала, взяла красный сундукъ, пришла домой къ отцу. Отецъ обрадовался, открылъ сундукъ, а въ сундукѣ все были деньги.

Мачиха стала завидовать. Послала свою дочь къ бабѣ-ягѣ. Эта заставила ее топить баню костями. Вотъ прилетѣлъ къ ней воробей и говоритъ: «ты ступай въ лѣсъ и набери дровъ!» Она ударила его рукой: «уйди, говоритъ; я и безъ тебя знаю.» А сама не могла истопить бани. Потомъ яга-баба заставила ее носить воду въ рѣшетѣ. Опять прилетѣлъ воробей и говоритъ: «ты бы замазала рѣшето-то глиной». Она его опять ударила: «ступай, говоритъ; безъ тебя знаю.» А потомъ видитъ, что къ ней въ баню идутъ крысы, лягушки и всякія гадины; она половину ихъ передавила; а другія прибѣжали домой и пожаловались на нее своей матери. Пришла къ бабѣ-ягѣ и мачихина дочь. Баба-яга заставила ее поставить самоваръ. Та поставила. Послѣ чаю, баба-яга послала ее въ подвалъ и велѣла ей взять синій сундукъ. Она обрадовалась, побѣжала въ подвалъ, схватила сундукъ, прибѣжала домой. А ее за воротами встрѣчаютъ отецъ и мать. Вотъ она съ матерью и пошла въ чуланъ, открыла крышку у сундука. А въ немъ былъ жаръ: обѣ онѣ и сгорѣли.

(Записана мной въ г. Казани).

15.

ЗАМАРАШКА.

Жилъ-былъ купецъ; у купца было три дочери: двѣ — умныя, а третья, меньшая—дурочка. Поѣхалъ онъ на ярмарку и спрашиваетъ: «что вамъ на ярмаркѣ купить?» Всѣ онѣ и

просятъ купить на платье; и дурочка тоже: она сидѣла на печкѣ въ корчажкѣ. Онъ съѣздилъ на ярмарку, купилъ всѣмъ на платье. Царь сдѣлалъ балъ: двѣ старшія поѣхали, и дурочка просится тоже съ ними. Онѣ ее не взяли: куда тебя, черномазку, возьмемъ?—Она осталась. Приходитъ къ ней крёстная и спрашиваетъ: «ты хочешь на балъ?» Хочу, говоритъ.—«Ну, говоритъ, вылѣзай изъ корчажки!» Вышла она, одѣлась, надѣла платье одинаковое съ сестрами, *треснула* (стукнула) желѣзнымъ прутомъ по столу и явился слуга; еще *треснула* желѣзнымъ прутомъ по столу и явилась карета. Она сѣла въ карету; крёстная и наказываетъ: «ты, говоритъ, раньше пріѣзжай домой!» Та поѣхала; пріѣхала на балъ: всѣ раскланялись. Сѣла она напротивъ своихъ сестёръ. Одна и говоритъ: «ужь это не дурочка ли наша пріѣхала: платье-то у ней одинаковое?» Другая и говоритъ: «нѣтъ, она такъ не одѣнется!» — Потомъ она танцавала съ царемъ; царь и спрашиваетъ: «какъ ваша фамилія?» Она не сказываетъ. Посмотрѣла она на часы; видитъ: одиннадцатый часъ. «Пора ѣхать!» говоритъ. Её останавливаютъ ужинать. Она не осталась, уѣхала. Пріѣхала, раздѣлась, запачкалась сажей и сѣла въ корчагу. Пріѣхали сестры и разсказываютъ: «вотъ какая была тамъ красавица и въ одинаковомъ съ нами платьѣ!» Она и говоритъ: ужь не я ли это была?—«Гдѣ тебѣ? Сиди, знай!»

На другой день опять сдѣлалъ царь балъ для этой красавицы. Двѣ-то дочери стали собираться; а младшая и говоритъ: «ну, говоритъ, возьмите и меня посмотрѣть на ту красавицу, что была на балу!»—Куда тебя брать? — И уѣхали одни. Пришла крёстная: стала младшая сестра одѣваться; одѣлась вся въ золото! Потомъ крёстная опять стукнула желѣзнымъ прутомъ: явились слуга и золотая карета. А царь, кто ни ѣдетъ, всѣмъ дверь отворяетъ: думаетъ, что она. Какъ пріѣхала она на балъ, такъ отъ нея и

свѣтитъ. Опять танцовала съ царемъ. Онъ опять спрашиваетъ ея фамилію. Она не сказала. «Ну, думаетъ онъ, я узнаю же твою фамилію!» Какъ она стала выходить, онъ на крыльцѣ и положилъ смолы: какъ она ступила, башмакъ-то и прикипѣлъ. Башмакъ-то остался, а она уѣхала. Царь взялъ башмакъ, подскоблилъ его ножичкомъ.

Отправилъ онъ съ башмакомъ по всѣмъ дѣвушкамъ и объявилъ: «кому башмакъ въ пору будетъ, на той и женюсь.» Вотъ старшія сестры и хотятъ, чтобы имъ въ пору было; отрубятъ палецъ, надѣваютъ башмакъ; полонъ башмакъ крови, а толку нѣтъ. Какъ примѣривали сестры башмакъ, вышла и младшая изъ-за печки. Какъ будто ей сшитъ! — Царь на ней и женился.

(Записана мной въ Казани).

16.

ПАДЧЕРИЦА.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У него были дѣти разныхъ матерей. Эта старуха не любила падчерицу, изнуряетъ ее и домашней и полевой работой. Стала она старика бранить. «Ну, старый кобель! ты куда хочешь дѣвай своихъ дѣтей. Я ихъ не хочу и видѣть». Старикъ и думаетъ: кудажь мнѣ ихъ дѣть? *Отвѣчаетъ* ему старуха: «Хоть въ воду мечи, а чтобы не видала я ихъ. А если ихъ не прогонишь, то я съ тобой жить не хочу вмѣстѣ». — Ну, вотъ старичекъ рѣшился дочь свою куда нибудь проводить; собралъ ей сумочку, положилъ ей три рубашки и прочее, что для ней требуется, и сказалъ ей: «ступай моя дочь, куда хочешь».

Несчастная дѣвица вышла за вороты, помолилась на церковь и пошла въ лѣсъ. Входитъ въ такой огромный лѣсъ, въ

такой темный. Зашла она въ самую средину; стало ей скучно, такъ какъ не нашла она ни какой дороги въ лѣсу, ни жительства. Пошла она дальше лѣсомъ; вышла на тропинку. Пошла этой тропинкой и видитъ впереди себя домъ. Подходитъ она къ дому и удивляется: кто тутъ живетъ? Взошла она въ домъ; народу никого тамъ не видитъ; ходила, ходила по дому и по всѣмъ комнатамъ; нигдѣ ничего не могла найдти. Захотѣлось ей ѣсть; открыла она простой, сельскій столъ. Вынимаетъ оставшіеся куски хлѣба; поѣла эти кусочки и сама спряталась за печку. Сидитъ за печкой; слышитъ шумъ народа, ржаніе лошадей, лай собакъ. Отъ испуга она задрожала; въѣзжаютъ они на дворъ, и одинъ изъ нихъ бѣжитъ прямо въ избу; за нимъ входятъ всѣ разбойники. Добычу раздѣлили межь собой, что добыли. И закричалъ на нихъ атаманъ: «сбирайте поскорѣе обѣдать». Сунулся ихъ деньщикъ въ столъ, видитъ—оставшіеся куски хлѣба поѣдены; и сказалъ онъ своимъ товарищамъ: «ну, братцы, кто нибудь у насъ есть, либо былъ; были оставшіе куски хлѣба въ столѣ, а теперь ихъ нѣту». Сейчасъ приказалъ атаманъ искать на дворѣ и въ домѣ: нѣтъ ли кого. Дѣвушка испугалась, заплакала. Вдругъ они ее находятъ, выводятъ ее изъ-за печи; сталъ спрашивать ее атаманъ. «Чья ты такая, откуда сюда зашла»? Она ему все разсказала подробно. Атаманъ ее приласкалъ и сказалъ ей: «ну, живи у насъ и будь моя сестра! «Снялъ онъ съ себя крестъ, надѣлъ на нее, а съ нея на себя; и сказалъ товарищамъ: «ну, почитайте эту дѣвицу все одно, какъ меня». Она стала у нихъ жить, рубашки на нихъ стирать, кушанье готовить и комнаты убирать. Атаманъ очень сталъ любить эту дѣвицу, сталъ ее одѣвать довольно чисто, и все какъ родную сестру. Довѣрилъ ей ключи отъ всѣхъ вещей, отъ всего дому.

Въ нѣкоторое время ея отецъ поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, и заблудился въ лѣсу; долго ходилъ онъ по лѣсу, вдругъ при-

ходитъ къ этому дому. Довольно обробѣлъ. Однако взошелъ онъ въ домъ, увидалъ эту дѣвицу, не могъ ее признать, что она его дочь; сталъ у ней спрашивать: «кто здѣсь живетъ»? Она стала ему говорить: «любезный мой батюшка! или ты не могъ меня узнать? Я дочь твоя.» Тутъ она ему все разсказала. Собрала она ему пообѣдать; подноситъ ему четыре стакана вина; онъ выпилъ и пообѣдалъ довольно хорошо. Вдругъ въѣзжаютъ разбойники на дворъ, застали его въ избѣ, стали его спрашивать: «зачѣмъ ты, старикъ, сюда попалъ»? — Отвѣчаетъ имъ дѣвица: это мой батюшка; заблудился и пришелъ сюда. — Разбойники стали обѣдать; пригласили и его. Онъ съ ними пообѣдалъ. Вдругъ сталъ атаманъ спрашивать: скоро ли ты поѣдешь домой? — Старикъ отвѣчаетъ: «сейчасъ», говоритъ. Атаманъ и говоритъ: что жь, сестрица, пошли гостинчиковъ въ деревню-то. — «Эхъ, братецъ, я не знаю, что послать». Онъ приказалъ вынуть изъ сундука разные куски, оставшіеся ситцы. «Вотъ, говоритъ, выбирай изъ этихъ кусковъ мачихѣ, сестрѣ, и пошли». Она выбрала и послала. Атаманъ далъ старику 33 р. с. «Только не сказывай никому, что мы здѣсь живемъ, а то и тебѣ не жить, и вся ваша деревня не уцѣлѣетъ.»

Старикъ пріѣзжаетъ домой, отдаетъ гостинцы своей женѣ, дѣтямъ. Этой старухѣ любопытно было узнать, гдѣ ея падчерица живетъ. Но онъ не сказалъ. — Сталъ старикъ черезъ два мѣсяца сбираться къ своей дочери. Сейчасъ эта мачиха и говоритъ: «на, отвези ей гостинецъ», подаетъ ему рубашку и лепешекъ крестьянскихъ. Привезъ старикъ, отдалъ. Эта дѣвица очень рада, приняла; атаманъ такимъ же манеромъ приказалъ ситцу послать, а самъ ему далъ 80 р. с. Прибылъ старикъ домой и отдалъ гостинцы.

Вдругъ этому атаману захотѣлось попариться и приказалъ онъ истопить баню. Баню истопили. Онъ говоритъ: «любезная сестрица, ступай попарься ты, а потомъ я пойду попариться».

Пошла она париться; взяла эту рубашку, отъ мачихи что̀. Выпарилась и стала надѣвать эту рубашку. Только надѣла и упала мертвая. Атаманъ посылаетъ: что она такъ долго парится? Приходятъ, слышатъ: никто тамъ не говоритъ, не шевелится. Заглянули, а она лежитъ мертвая. Прибѣжали; сказали атаману. Атаманъ побѣжалъ, схватилъ ее и заплакалъ: «неужели тебѣ суждено здѣсь въ банѣ помереть»? Приказалъ онъ ее внесть въ домъ. Съ большаго огорченья и самъ не сталъ париться; приказалъ заложить тройку лошадей, поѣхалъ на хрустальный заводъ; и приказалъ слить гробъ два аршина долиной и аршинъ шириной. И приказалъ сдѣлать золотыя кольца, серебреныя цѣпи, на чемъ повѣсить гробъ. Гробъ приготовили, и кладетъ атаманъ свою названную сестру въ гробъ. И захотѣлось ему этотъ гробъ поставить въ лѣсу на дубу, подъ которымъ часто они гуляли, чай пили. Поставили гробъ на дубъ; прикрѣпили довольно крѣпко, чтобъ вѣтромъ не снесло. Какъ на разбой поѣдутъ, все къ ней заѣзжаютъ; какъ съ разбоя пріѣдутъ, все къ ней заѣзжаютъ.

Не далеко отъ этого лѣсу; верстахъ въ восьми разстояніе, жила помѣщица. У ней былъ сынъ, охотникъ бить дичь. Въ одно время пошелъ онъ стрѣлять дичь; ходилъ день цѣлый и ничего не видалъ. Вздумалось ему идти въ лѣсъ, не попадется ли какая дичина. Ходилъ довольно долго и ни одной не видалъ птицы. Вдругъ приходитъ къ этому дубу и увидалъ хрустальный гробъ и удивляется: зачѣмъ сюда гробъ зашелъ? Думалъ, думалъ; рѣшился домой идти. Дома приказалъ кучеру запрягать лошадь въ телѣгу. Кучеръ запрегъ, и поѣхали въ лѣсъ. Подъѣхали къ дубу, тайкомъ сняли гробъ и увезли домой. Привезли домой; украдучи отъ матери, постановилъ онъ его въ спальню. И опять сталъ продолжать онъ свою охоту. Какъ придетъ съ охоты, сейчасъ въ свою спальню, сидитъ и плачетъ; смотритъ на нее.

Мать стала замѣчать, что сынъ выходитъ изъ спальной и глаза заплаканы. Вдругъ въ одно время онъ ушелъ на охоту, мать приказала у дверей замокъ сломать. Взошли туда, и видятъ тамъ хрустальный гробъ и въ томъ гробу дѣвица мертвая, прекрасавица. Стала она разсматривать одёжу и увидала на ней толстую крестьянскую рубашку. Сейчасъ она приказала своей дочери принести тонкую рубашку. Сняли толстую рубашку съ этой дѣвицы, надѣли на нее тонкую. Вдругъ она вскочила: «ахъ, какъ я долго спала!» Онѣ испугались. «Что такое случилось!» Онѣ стали у ней разспрашивать. Она имъ разсказала все подробно; «но, говоритъ, не знаю, какъ сюда въ гробъ попала.» Гробъ этотъ закрыли, какъ былъ; ей подали хлѣба и чашку чаю подкрѣпить ея силы. Стали разсматривать ту толстую рубашку и нашли—тамъ зашиты спящія зелья. Барыня приказала эту рубашку сжечь въ огнѣ. Видятъ: подходитъ время прійдти ихъ сыну; ее оставили въ спальней, а сами оттуда вышли. Приказали накрывать столъ на четыре прибора. Только успѣли накрыть столъ, вдругъ онъ входитъ въ домъ. Видитъ: на столѣ накрыто на четыре прибора; и спрашиваетъ: маменька, или гости у насъ есть? — «Да, говоритъ, есть». — Беретъ его за руку и ведетъ къ нему въ спальню. Взошли въ спальню, увидалъ онъ ее; отъ радости заплакалъ, взялъ ее за руки и сталъ цѣловать. Потомъ пошли обѣдать. Онъ сталъ къ матери приставать, чтобы вѣнчаться на ней. Мать дала позволенье; онъ и женился.

А разбойники узнали, что украли у нихъ гробъ; стали разыскивать по всѣмъ деревнямъ. Разбойники нигдѣ не могли отыскать. Больше искать не стали; а баринъ сталъ жить, да добра наживать.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

17.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ И ПЕРСТЕНЬ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ не-русскомъ государствѣ жилъ-былъ царь. У него не было дѣтей; онъ молился Богу, чтобъ Богъ далъ какого-нибудь чада. Жена и забеременѣла. Только скоро приходитъ время ей родить. Вдругъ открывается война. Царю надо ѣхать на войну. Безъ него жена родила сына. Въ тотъ же самый день нужно было царю съ войскомъ проходить черезъ рѣку; и ужасно ему захотѣлось пить. Кто сталъ пить горсткой; а царь сталъ пить въ припадку. Вдругъ его чудо морское ухватило за бороду и держитъ его. Царь сталъ говорить: «отпусти, говоритъ, меня!» — А чудо отвѣчало: чѣмъ заплатишь?—«Что хочешь—все тебѣ дамъ.»—Отдай мнѣ то, чего дома не знаешь.—Царь согласился; чудо отпустило его.

Только онъ его отпустилъ; царю приходитъ эстафетъ, что у него дома родился сынъ. Царь заплакалъ, что надо чуду отдать сына. Возвратился съ войскомъ домой и говоритъ царицѣ, что такъ и такъ, что онъ отдалъ своего сына. И росъ онъ нѣсколько лѣтъ у царя. И послѣ, какъ сынъ выросъ, царь сталъ говорить сыну, что я тебя отдалъ чуду морскому. А сынъ объ этомъ и не думалъ: «что такое, говоритъ? Значитъ судьба моя такая. Благословите меня и отпустите!» А за нимъ ужь отъ чуда стали приходить; взяли его. Отецъ благословилъ и отпустилъ. Онъ и пошелъ, куда его повели.

Привели его подъ воду; а тамъ былъ стеклянный дворецъ, и тамъ была красавица. А его звали Иванъ царевичъ. А у чуда была украденная волшебница. Этотъ Иванъ царевичъ и влюбился; и она въ него влюбилась; и вздумали они: какъ бы имъ уйдти? Только она ему сказала: «вотъ тебѣ колечко, и я въ

этомъ колечкѣ!» И сказала: «поди ты въ такое-то царство, снеси это кольцо, и я буду тамъ. А если не принесешь, то и меня не увидишь.» А сама и обратилась въ кольцо. Онъ видитъ, что ее не стало и не знаетъ, что она обратилась въ колечко.

Онъ у чуда тихонько укрался и ушелъ; только не дошелъ нѣсколько; захотѣлось ему пить; подошелъ онъ къ колодцу, хотѣлъ рукой достать воды, а кольцо его соскочило и упало въ воду. Иванъ царевичъ началъ плакать, что потерялъ онъ свою невѣсту. Только онъ тутъ долго стоялъ; и одна служанка достала воды и въ водѣ очутился песокъ. Только кольца никакъ не достали. А онъ тутъ жилъ долго; безъ этого кольца не пошелъ; нерѣдко ходилъ на этотъ колодецъ и плакалъ. Вдругъ слышитъ голосъ: «Иванъ царевичъ, собери этотъ весь песокъ, (что былъ вываленъ), и изъ него очутится кольцо.» Онъ собралъ песокъ и обратился песокъ въ кольцо. Голосъ и говоритъ: «иди скорѣе, Иванъ царевичъ, не оглядывайся; а иначе меня и не увидишь. я замужъ иду!» Иванъ царевичъ пошелъ очень скоро.

Приходитъ туда, куда она велѣла. А ее собираютъ къ вѣнцу для другаго жениха. Онъ приходитъ и спрашиваетъ у жителей царскую дочь; и ему отвѣчаютъ, что она приготовлена совсѣмъ къ вѣнцу. Онъ сталъ проходить, тѣсниться; и народъ его толкаетъ. Какъ народъ ни толкаетъ, онъ прошелъ туда. Вдругъ она его увидала, подходитъ къ нему и беретъ его за руку и подводитъ его къ своему отцу. «Вотъ мой женихъ; а я за того не пойду.» Отецъ не знаетъ, что тутъ дѣлать. Тому отказали, а за этого выдали замужъ.

И послѣ они тутъ жили нѣсколько времени. Сталъ Иванъ царевичъ говорить тестю, чтобъ онъ отпустилъ его въ свое отечество съ женою. Тесть наконецъ согласился отпустить. Далъ ему множество имѣнья. Они и поѣхали къ его отцу.

Пріѣхали къ своему отцу, привезли множество имѣнья. Царь ужасно былъ радъ; тутъ возобновилося новое царство; царь сдалъ царство сыну своему; сдѣлался пиръ, балъ и они тутъ стали жить, да поживать, да добра наживать.

(Записана мною въ Москвѣ).

18.

МУЖИКЪ И НАСТАСЬЯ АДОВНА.

Жилъ мужикъ съ женой; онъ пошелъ Богу молиться; а жену дома оставилъ. И приказываетъ онъ своей хозяйкѣ: «если у тебя домъ пропадетъ, пиши ко мнѣ.» Она сына родила, и то не написала ему письмо. А жиды узнали, что она родила сына. Онъ подходитъ къ колодезю; и жидёнокъ выскочилъ, кричитъ: «дядюшка! что дома не знаешь, отдай мнѣ.» — Онъ говоритъ: я, говоритъ, все дома знаю!—«Нѣтъ, говоритъ, не знаешь: отдай мнѣ.»—Нѣтъ, говоритъ, не дамъ. А жидёнокъ и не далъ ему напиться.—Онъ такъ и пошелъ дальше; шелъ, шелъ, чоботы истопталъ, просфиру изглодалъ, костыль изломалъ. Подошелъ опять къ колодцу, хотѣлъ напиться. Выскочилъ жидёнокъ. «Дядюшка, отдай мнѣ что дома не знаешь!»— Нѣтъ, говоритъ, не отдамъ. — Такъ не напился и пошелъ дальше; шелъ, шелъ, чоботы истопталъ, просфиру изглодалъ, костыль изломалъ. Подошелъ опять къ колодцу, хотѣлъ напиться. Опять жидёнокъ выскочилъ. «Дядюшка, что дома не знаешь, отдай мнѣ!» — Тотъ думалъ, думалъ: «ну, говоритъ, возьми.» Тотъ и далъ ему воды напиться.

Пришелъ мужичекъ домой; хозяйка его встрѣчаетъ, и сынъ выросъ большой. Онъ вдругъ заплакалъ. Она *отвѣчаетъ* ему: «другъ мой милый! О чемъ ты заплакалъ? Намъ далъ

Богъ сынка!» Онъ и говоритъ: «намъ, говоритъ, этотъ сынокъ не кормилецъ, не поилецъ. Я его отдалъ къ жидамъ.» Сынъ заплакалъ. «Ну, говоритъ, батюшка, благослови меня, я пойду!» Онъ благословилъ его; онъ и пошелъ.

Шелъ, шелъ; видитъ: стоитъ избушка на веретенныхъ пяткахъ, на куриныхъ лапкахъ, стоитъ, повертывается. Онъ говоритъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Избушка повернулась; онъ зашелъ въ избушку. Лежитъ старуха изъ угла въ уголъ; однимъ ухомъ одѣта, а другой въ головахъ. *Отвѣчаетъ* она: «что, говоритъ, русскимъ духомъ пахнетъ! Что, говоритъ, добрый молодецъ, дѣло пытаешь или отъ дѣла лытаешь? Куда идешь?» — Не скажу; сперва напой, накорми, потомъ спрашивай. Она его напоила, накормила, спать положила. Выспался, всталъ. Она его и спрашиваетъ: куда, добрый молодецъ, идешь? — Онъ ей отвѣчаетъ: «я иду, бабушка, къ Аду. Мнѣ, говоритъ, Адъ — троюродный братъ.» Эта старуха ему и отвѣчаетъ: «вотъ на тебѣ клубочикъ; куда этотъ клубочикъ покатится, туда и ты ступай!» — Онъ распростился; пошелъ за клубочкомъ.

Клубочикъ катился, катился, да къ избушкѣ и прикатился. Стоитъ избушка на курьихъ лапкахъ, на веретенныхъ пяткахъ, стоитъ, повертывается. Онъ говоритъ: «избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Взошелъ въ избушку. Сидитъ старуха изъ угла въ уголъ. «Что, говоритъ, русскимъ духомъ пахнетъ? Что, добрый молодецъ, отъ дѣла лытаешь или дѣло пытаешь?» — Дѣло пытаю! — «Куда, добрый молодецъ, идешь?» — Не скажу; сперва напой, накорми, потомъ спрашивай. — Она его накормила, напоила; спать положила. Всталъ онъ. «Куда, добрый молодецъ, идешь?» — Я, говоритъ, иду къ Аду. Мнѣ Адъ — двоюродный братъ! — Она ему дала клубочикъ: «куда мой клубочикъ покатится, туда ты и ступай.» Онъ распростился, пошелъ за клубочкомъ.

Клубочикъ катился, катился, опять подкатился къ избушкѣ. Стоитъ избушка на курьихъ лапкахъ, на веретенныхъ пяткахъ, стоитъ, повертывается. «Избушка, избушка! стань къ лѣсу задомъ, ко мнѣ передомъ!» Онъ взошелъ въ избушку; тамъ старуха. «Что, говоритъ, русскимъ духомъ пахнетъ? Куда, добрый молодецъ, идешь?» — Не скажу; сперва напой, накорми, а потомъ спрашивай. — Она напоила, накормила, спать положила. Всталъ. Она его и спрашиваетъ: куда, добрый молодецъ, идешь? — «Къ Аду. Адъ мой родной братъ. Какъ мнѣ, бабушка, подойти?» Она и говоритъ: «на́ тебѣ, говоритъ, огоньку; на́ тебѣ крупицъ; на́ тебѣ махоточку (родъ горшка); на́ тебѣ ложечку. Сядь ты возлѣ пруду, кашку сиди да поваривай. Прилетятъ его тридцать три дочери въ прудъ купаться. Ты подкрадься: у Настасьи Адовной унеси сорочку!» Онъ распростился и пошелъ.

Такъ все и случилось, какъ старуха сказала. Тѣ дочери улетѣли; а у Настьсьи Адовной онъ укралъ сорочку. Она накрылась платочкомъ и подходитъ въ нему. «Здравствуй, добрый молодецъ!» — Здравствуй, красная дѣвица! — «Не видалъ ли ты, говоритъ, мою сорочку?» Онъ ей отвѣчаетъ: она у меня. «Отдай мнѣ ее!» — Я, говоритъ, не отдамъ: поди за меня замужъ. — «Я иду за тебя замужъ; приходи къ моему батенькѣ.» Онъ ей отдалъ сорочку; она и полетѣла.

Онъ приходитъ къ ея батенькѣ. Взошелъ въ сѣнцы. У него въ сѣнцахъ колокола висятъ, а на колоколахъ мужики висятъ. Онъ испугался. «Знать мнѣ тоже будетъ!» Однако ударилъ въ большой колоколъ. Отецъ ихъ *зашумѣлъ* (закричалъ): кто тамъ? — Отвѣчаетъ онъ: «я твой нареченный зятюшка!» Онъ къ нему выходитъ; въ горницу его къ себѣ ввелъ; на стулъ его посадилъ. Онѣ всѣ тутъ тридцать три дочери *пяльца шьютъ*. Онъ сталъ у него спрашивать: которую берешь?

Онъ ту и выбралъ, у которой сорочку укралъ. Они сейчасъ пошли вѣнчаться. Обвѣнчались.

Приходятъ къ отцу; онъ сдѣлалъ имъ иную горницу. «Ну, говоритъ, дѣти, вы мнѣ въ ночь спашите пашню и посѣйте пшеницу. Выростетъ пшеничка, вы ее сожните и обмолотите; измелите и мнѣ пирожекъ испеките.» Зять его и заплакалъ: какъ это можно въ одну ночь? — Она ему отвѣчаетъ: «ложися, мой другъ милый. Утро мудренѣе вечера!» Онъ легъ спать; она каши наварила, за окно покидала. «Мыши и крысы, собирайтесь пашню пахать!» Кто пашетъ, кто пшеницу сѣетъ, кто жнетъ, кто возитъ, кто мелетъ, кто пирогъ печетъ. Испекли ему пирожекъ. Она его и будитъ: «вставай, другъ мой милый; вотъ надо тебѣ пирожекъ нести!» — Онъ всталъ да понесъ.

Приноситъ къ отцу; онъ ему опять приказываетъ: «теперь ты мнѣ въ ночь мостъ построй; бархатомъ убери, а тафтой убей.» Онъ пришелъ опять, заплакалъ. Хозяйка ему и говоритъ: «о чемъ ты плачешь?» — Батюшка приказываетъ мостъ сдѣлать, тафтой услать, бархатомъ убрать. — «Ложись спать! Утро вечера мудренѣе.» Онъ легъ спать; она опять каши наварила, за окно покидала: «мыши, крысы, собирайтесь мостъ дѣлать!» — Тотчасъ кто лѣсъ рубитъ, кто столбы становитъ, кто устилаетъ, кто убиваетъ. Она его будитъ: «ну, другъ мой милый! вставай; пора батюшкѣ идти сказывать.»

Онъ пошелъ, сказалъ. Отецъ и говоритъ: «любезный мой зятюшка! сдѣлайте мнѣ въ ночь церковь; мнѣ къ обѣднѣ ѣхать.» Пришелъ ея хозяинъ (мужъ), опять заплакалъ. Она и говоритъ: «что ты плачешь!» Какъ же мнѣ не плакать; батюшка приказалъ въ ночь церкву построить! И она заплакала. Мыши не влѣзутъ и крысы не влѣзутъ: какъ же онѣ станутъ ее работать. Они поставили самоваръ; чаю напилися; обернулися голубчиками и полетѣли.

Летѣли, летѣли. Она ему и говоритъ: «другъ мой милый, Иванъ царевичъ! Прислонись къ землѣ: не гонится ли за нами батюшка родимый?» Онъ опустился къ землѣ, говоритъ: близко! Онъ обернулся пастухомъ, а жена его обернулась скотиной. Вотъ отецъ подходитъ къ зятю, не узнаетъ его; говоритъ: «здравствуй! Не видалъ ли тутъ, говоритъ, двое пробѣжали?» Я, говоритъ, не вижу, какъ вороны летаютъ. — Отецъ и мать уѣхали дальше. Они опять обернулись голубочками и полетѣли.....

Летѣли, летѣли; она ему и сказываетъ: «другъ мой милый! опустись къ землѣ: не гонится ли за нами батюшка родимый?» Онъ опустился къ землѣ, говоритъ: «близко!» Онъ обернулся прудомъ, она уточкой. Они подъѣхали, хотятъ эту утку поймать; она все ныряетъ. Мать догадалась: «это моя дочь.» Взяла перстень, *швырнула* (бросила) его въ воду. «Какъ этотъ перстень пропадетъ, такъ и ты пропадешь!» И уѣхала мать-то. Эта дочь нырнула, перстень подняла и на ручку надѣла.

«Что жь намъ съ тобою дѣлать? Давай состроимъ хоромы и будемъ жить.» Они жили, жили; онъ соскучился. «Я пойду, говоритъ, къ своему отцу, матери побывать.» Она ему отвѣчаетъ: ступай, мой другъ милый! со всѣми поздоровайся, только съ большой снохой не здоровайся!

Онъ приходитъ домой; со всѣми поздоровался, только съ большой снохой не поздоровался. Думаетъ: «что же я съ большой-то снохой не поздоровался?» Взялъ да и поздоровался. Какъ поздоровался, такъ и забылъ про свою хозяйку (жену). Она безъ него три года жила одна. А онъ на другой женѣ женится. Старуха шла, да къ ней и зашла. «Ты, милая тетенька, не знаешь, что твой хозяинъ женится!» Онѣ приходятъ къ нему; онъ ужь женился, сидитъ за столомъ, чай пьетъ. Новая жена-то сахару кусокъ уронила; старая-то кусокъ подняла и

подала. Онъ по перстню, что̀ въ прудъ былъ брошенъ, и узналъ. Онъ эту жену бросилъ, а съ старой опять сталъ жить.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

19.

ИВАНЪ ДОРОГОКУПЛЕННЫЙ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой пожилыхъ лѣтъ (sic!). У нихъ на старости лѣтъ, Богъ имъ далъ сына; только всѣхъ дѣтей было. И думаютъ: «какой бы его наукѣ научить, чтобъ хорошо ходили, легко работали, сладко ѣли?» Старикъ искалъ такихъ мастеровъ: нигдѣ нѣтъ. «Пойду я, говоритъ, старуха, поведу его на базаръ.» Взялъ онъ съ собой хлѣба и взялъ на дорогу денегъ.

Вдругъ старикъ шелъ, шелъ; сѣлъ отдохнуть, да при старости лѣтъ и говоритъ: «охъ усталъ!» Вдругъ выходитъ къ нему старикъ-волшебникъ. «На что ты меня кличешь?» говоритъ волшебникъ старику. — Тотъ старикъ говоритъ: «я тебя не кликалъ; я не знаю, что ты за человѣкъ!» Онъ говоритъ: «меня зовутъ Охъ; а ты сказалъ: «охъ!» Куда ты мальчика ведешь?» — Вотъ хочу отдать его наукѣ, чтобъ хорошо было ходить, легко работать, сладко ѣсть. — «Отдай, говоритъ, его мнѣ: у меня легко работать, хорошо ходятъ, сладко ѣдятъ; за мою науку денегъ мнѣ ассигнаціями одинъ рубль.» Отдаетъ старикъ деньги и мальчика. «Гдѣ же, говоритъ, мнѣ тебя искать?» — Черезъ годъ, говоритъ, приди на тоже мѣсто, сядь и скажи: «охъ!», я передъ тобой и буду. Когда узнаешь сына, возьмешь; не узнаешь, еще рубль отдашь на другой годъ. — Старикъ пришелъ домой, разсказалъ своей старухѣ, что̀ съ нимъ было.

Проходитъ годъ. Беретъ старикъ рубль денегъ, идетъ на тоже мѣсто. Пришелъ на тоже мѣсто, говоритъ: «охъ!» А Охъ передъ нимъ и стоитъ, и говоритъ: «что, старикъ, за сыномъ?» — За сыномъ. — «Пойдемъ со мною!» Привелъ его въ трехъэтажный домъ; напоилъ, угостилъ старика. И выводитъ онъ двѣнадцать жеребцевъ: единомастные всѣ, волосъ въ волосъ, ростъ въ ростъ. Не можно познать никакъ. «Узнавай, говоритъ, твоего сына; сынъ твой тутъ!» Старикъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, не могъ узнать и говоритъ: «нѣтъ не узнаю.» Когда ты, говоритъ, не узналъ сына, давай еще рубль денегъ, оставляй на другой годъ. — Отдалъ старикъ деньги; пришелъ домой, разсказалъ все старухѣ.

Приходитъ на второй годъ; беретъ денегъ, отправляется. Приходитъ на тоже мѣсто, говоритъ: «охъ!» Охъ выходитъ, стоитъ передъ нимъ. «Что, за сыномъ пришелъ?» — За сыномъ. — «Ну, пойдемъ со мной.» Привелъ его въ трехъэтажный домъ; угостилъ его. Вывелъ передъ него шесть паръ голубей. «Вотъ говоритъ, узнавай: тутъ твой сынъ. Узнаешь?» — Нѣтъ, говоритъ. «Ну, коли нѣтъ, такъ давай еще рубль, оставляй еще на годъ. — Старикъ отдалъ рубль; пошелъ домой. Сынъ обернулся голубемъ; нагналъ отца, ударился о землю, сдѣлался человѣкомъ. «На слѣдующій, говоритъ, разъ узнавай меня: я буду лѣвую заднюю ногу волочить.»

На трѣтій годъ старикъ опять приходитъ на тоже мѣсто, говоритъ: «охъ!» Охъ передъ нимъ и стоитъ. «Что за сыномъ?» — За сыномъ. — Вотъ онъ его угостилъ и вывелъ передъ него двѣнадцать хортовыхъ (борзыхъ) кобелей; говоритъ ему: «узнавай своего сына; сынъ твой тутъ». Старикъ сталъ смотрѣть, видитъ одинъ кобель заднюю лѣвую ногу волочитъ и говоритъ: «вотъ этотъ мой сынъ.» Тутъ старикъ-волшебникъ и приказываетъ: «ну, говоритъ, сдѣлайся молодцемъ.» Онъ сейчасъ ударился о землю, сдѣлался молодцемъ. Говоритъ

старикъ-волшебникъ: «ну, старикъ, сынъ твой въ наукѣ хорошъ, силы могучей. Дѣлай что хочешь; только не обманывайте въ своемъ городѣ людей.» Старикъ-волшебникъ и говоритъ сыну: «ну, ступай отправляйся, да слушай мое приказанье. Если мнѣ попадешься, на вѣки пропадешь.»

Идутъ они съ сыномъ путемъ-дорогой; перепёлокъ ловятъ. Перепёлокъ много; ястреба не берутъ. Онъ говоритъ отцу: «я сдѣлаюсь ястребкомъ, буду перепёлокъ гонять—только успѣй убирать. Увидятъ охотники, будутъ торговать ястребка; ты продавай за 25 рублей, только шнурочекъ съ ноги сними.» Ударился о землю, сдѣлался ястребкомъ, гонитъ перепёлокъ—только старикъ успѣваетъ убирать. Увидали это охотники и говорятъ: «продай намъ ястребка!» — Ладно, говоритъ; ястребка за 25 рублей продамъ, а шнурочекъ долой съ ноги!» Они ему говорятъ: «что это за шнурки? Возьми себѣ ихъ. Будетъ у насъ служить, такъ мы золотые повѣсимъ.» Старикъ получилъ деньги, пошелъ въ свой путь; а охотники пошли въ свою сторону. Вдругъ эти охотники взошли въ такую степь: перепёлокъ премножество. Ястребокъ гонитъ ихъ; трое не успѣютъ за нимъ убирать перепёлокъ. Вдругъ ястребъ погнался за одной перепёлкой и улетѣлъ у нихъ изъ глазъ. Охотники поискали; не нашли.

Нагоняетъ ястребъ своего отца, ударился о землю, сдѣлался молодцемъ. Вдругъ идутъ они чистою степью; охотники гонятъ лисицу; собакъ много, а не догоняютъ лисицу. Этотъ сынъ и говоритъ отцу: «сдѣлаюсь я кобелемъ; ты меня продавай, только ожерелокъ съ шеи не продавай.» Вдругъ онъ пустился за лисицей; и въ тужь минуту ее поймалъ. Охотники хотѣли у старика лисицу отнять; говорятъ: «наша лисица,—мы ее выгнали.» Старикъ говоритъ: чистое поле—всякому охотиться воля. — «Ну, такъ продай намъ твоего кобеля.»—Извольте купите: только ожерелокъ долой сниму. —

«Эка невидаль ожерелокъ; мы ему золотой купимъ.» Продалъ онъ его за 50 рублей. Старикъ пошелъ въ свой путь, а охотники на охоту. Вдругъ встрѣчаютъ такое множество лисицъ, зайцевъ; онъ ни одной собакѣ ходу не далъ, все самъ ловитъ. Пустился за одной лисицей въ дальнюю сторону и убѣжалъ у нихъ съ глазъ. Стали его искать, не нашли.

А онъ нагналъ своего отца, ударился о землю, сдѣлался молодцемъ. Вотъ повелъ его отецъ въ ярмарку жеребцемъ. Сынъ и говоритъ: «батюшка! проси за меня три тысячи рублей; меня продавай, а узды не продавай!» Даютъ цѣну хорошу, а трехъ тысячъ никто не даетъ. Вдругъ увидалъ его старикъ-волшебникъ, который училъ его. Вдругъ говоритъ онъ старику: «что, старикъ, продаешь жеребца?» — Продаю. «Что просишь?» — Три тысячи рублей. — Ну, старикъ сейчасъ по рукамъ; деньги даетъ; отдалъ деньги. Старикъ и говоритъ: «уздечку долой.» А волшебникъ говоритъ: нѣтъ, эдакой конь безъ узды не покупается никогда. Вдругъ пошли они въ Нижній Земскій Судъ: какъ прикажутъ? — Старикъ говоритъ: «я продавалъ безъ уздечки»; а волшебникъ говоритъ: «я съ тѣмъ покупалъ». Судъ приказалъ ему отдать пять рублей асс. за уздечку и увесть коня. Вотъ и пошелъ старикъ со слезами домой.

А волшебникъ сѣлъ на жеребца; началъ его мучить, гонять. Пріѣхалъ домой, привязалъ на конюшнѣ безъ корму, безъ водопою. А самъ волшебникъ легъ спать. Вдругъ вышла сестра волшебника посмотрѣть на жеребца. Сестра и думаетъ: «братъ не скоро встанетъ; поведу я, напою его.» Привела къ рѣчкѣ поить. Моетъ у этой рѣчки дѣвица платье. Вдругъ жеребецъ встрепенулся; соскочила съ него узда; онъ бросился въ воду, сдѣлался ершомъ рыбою. Сестра испугалась, прибѣжала домой; а онъ (ершъ) вышелъ изъ воды, сдѣлался молодцемъ и говоритъ дѣвицѣ, что̀ мыла платье. «Красная

дѣвица, сдѣлаюсь самъ я тебѣ на середній палецъ перстнемъ, дорогимъ камнемъ съ жемчужными зернами. Когда волшебникъ будетъ спрашивать: «откуда?» ты говори, что нашла. (Потому онъ его узнаетъ, какъ хочешь оборотись). Станетъ тебѣ говорить: «отдай!», ты не отдавай; будетъ деньги давать 1,000 р., не бери. Будетъ Судомъ стращать, ты не бойся, не отдавай. Когда въ Судъ приведутъ, тебѣ скажутъ: «отдай такъ перстень, когда денегъ не надо!» Ты возьми съ пальца сними, да слово скажи, брось о землю: «не доставайся ни ему, ни мнѣ». А какъ я разсыплюсь мелкими зернышками, ты на одно наступи; а когда я подъ ногой забьюсь, то отпусти.» Сказалъ это, бросился въ воду, сдѣлался ершомъ.

Проснулся старикъ-волшебникъ, который обучалъ его. Сестра и говоритъ: «конь въ воду бросился, поплылъ и потонулъ.» Старикъ только ахнулъ: «что жь ты меня давно не разбудила?» Прибѣжалъ онъ къ рѣчкѣ, сдѣлался щукою; давай ерша искать. Нашелъ ерша; а ершъ оборачивается къ нему хвостомъ: «хотя, говоритъ, ты щука востра, да не возьмешь ерша съ хвоста.» Вдругъ выскочилъ онъ на берегъ, сдѣлался у дѣвицы перстнемъ. Старикъ выскочилъ изъ воды и говоритъ: «гдѣ, дѣвушка, взяла перстень?» — Нашла. «Отдай: онъ мой.» — Не отдамъ. «Ну хоть продай; на тебѣ тысячу рублей.»—Нѣтъ, не продамъ.—Повелъ онъ ее въ Судъ; Судъ присудилъ: когда денегъ не надо, такъ такъ отдай. Она взяла, съ пальца кольце сняла, ударила о землю. «Не доставайся же ни ему, ни мнѣ.» Перстень разсыпался мелкими зернышками. Она наступила на одно. Старикъ ударился о землю, сдѣлался пѣтухомъ; давай эти зерна клевать. Вдругъ онъ подъ ногой у дѣвицы забился. Дѣвица отпустила; онъ обратился соколомъ, ударилъ пѣтуха и убилъ его на смерть, этого своего учителя. Вылетѣлъ и прилетѣлъ къ отцу.

Приходитъ онъ съ отцемъ къ своей матери; мать ужасно

рада была. Пожилъ онъ малое время дома. Сдѣлалась въ этомъ городѣ ярмарка, въ которомъ волшебникъ запрещалъ ему торговать. И говоритъ сынъ отцу своему: «теперь меня на вѣки продай въ видѣ человѣка, а не какимъ волшебствомъ. Проси за меня сто рублей.» (Тогда вѣдь это до́рого было, какъ нынче сто тысячъ). Повелъ онъ его на ярмарку. Встрѣтились съ нимъ королевскіе люди, которыхъ король послалъ, сказалъ: «на первой встрѣчѣ что̀ *стрѣнется*, то и купите; что̀ будутъ просить, то и давайте.» Встрѣтили они его. «Здравствуй, старикъ!» — Здравствуйте. — «Нѣтъ ли чего продать?» Есть; вотъ веду сына продавать. — «Что просишь?» Сто рублей. — Они подумали про себя: «хотя дорого, да король не велѣлъ торговаться; надо дать.» Ну и купили.

Привели его къ королю во дворецъ. Король приказалъ ему во дворцѣ жить и спросилъ его: «какъ тебя звать?» Онъ говоритъ: я не знаю. — «Звать его Иванъ Дорогокупленный! дорого купили.» Самъ царь, значитъ, имя ему назначилъ. А онъ волшебную имѣлъ великую силу и хитрость; зналъ такую силу, что не то что было, а зналъ что впередъ будетъ. — А въ Индѣйскомъ королевствѣ королевна была сильная волшебница, и было у ней обѣщанье за́мужъ идти. У ней обѣщанье такое: 12 жениховъ будутъ ее сватать; съ двѣнадцати жениховъ голову долой; а за тринадцатаго за́мужъ идти. И головы всѣ на тычинкѣ въ саду постановить. Были двѣнадцать тычинъ въ саду; на одиннадцати есть головы; на двѣнадцатой быть этому королю, у котораго живетъ Иванъ Дорогокупленный. Этотъ король *пишетъ* къ ней *газеты*, хочетъ ее въ супружество. Она къ нему пишетъ наоборотъ: «если я пришлю къ тебѣ лукъ и стрѣлу, которая еще не стрѣляна, попробовать ее. Если ты выстрѣлишь, дашь мнѣ о томъ знать, то иду за тебя за́мужъ. Который я пришлю лукъ, тотъ лукъ привезутъ шесть паръ воловъ; а стрѣлу три пары воловъ.»

Вдругъ когда онъ послалъ къ ней посланника: «радъ, съ охотой; могу!» Когда прислали лукъ и стрѣлу королю въ дворецъ, король собралъ всѣхъ генераловъ, сенаторовъ, думчихъ всѣхъ. «Кто можетъ симъ *орудовать* и выстрѣлить, тому отдамъ полцарства; мѣсто ему одно противъ меня, другое рядомъ со мной, а третье гдѣ угодно.» А самъ не могъ орудовать. Собрались всѣ; не могли никто изъ нихъ выбраться не то, что выстрѣлить, и поднять, чтобъ на лукъ наставить. — Услыхалъ объ этомъ Иванъ Дорогокупленный. (А онъ давно зналъ: самъ волшебникъ). «Эка, пускай доложатъ королю; не желаю я впредь отъ него ничего, увидитъ заслугу, самъ меня пожалуетъ. Я могу сей стрѣлой орудовать.» Вдругъ со смѣхомъ докладываютъ царю; сами смѣются. Король говоритъ ему: «ну, Иванъ Дорогокупленный: если ты это дѣло сдѣлаешь, то первый будешь у меня; если похвастаешь, то голова будетъ отсѣчена.» Вдругъ Иванъ Дорогокупленный взялъ натянулъ лукъ, направилъ стрѣлу. Стрѣла полетѣла въ Индѣйское царство и сшибла второй этажъ у королевскаго дворца. Королевна рада и испугалась, какъ будто нашла противъ себя сильнѣе.

Вдругъ пишетъ она ему второе письмо. «Пришлю я тебѣ неѣзжаннаго жеребца, который неѣзжанный, и если объѣздишь, то прошу покорно на немъ пріѣхать на законный бракъ.» И въ этомъ письмѣ писано: «приведутъ этого коня шесть богатырей на шести цѣпяхъ желѣзныхъ.» Вдругъ король задумался, собралъ онъ всѣхъ придворныхъ. «Кто можетъ сослужить эту службу, не то что половину королевства, что ему угодно, то и отдамъ.» Никто избранникъ не нашелся. Взглянуть страшно. А Иванъ Дорогокупленный говоритъ: «я, говоритъ, не на эдакихъ коняхъ ѣзжалъ!»—Доложили царю. Царь говоритъ: «правда это, что ты говоришь,—можешь коня выѣздить?» Могу! — Ведутъ жеребца. Онъ сѣлъ на него; собралъ всѣ

шесть цѣпей въ руку; давай его между ушами цѣпями бить. До тѣхъ поръ *пздилъ* (т. е. билъ), покуда конь замертво палъ. Онъ слѣзъ съ него, наступилъ на конскія плечи и оторвалъ ему голову долой вмѣстѣ съ шестью цѣпями. Взмахнулъ, бросилъ эту голову съ цѣпями королевнѣ прямо во дворецъ.

Вдругъ посылаетъ королевна посланника: «приказала пріѣзжать; согласна на законный бракъ.» — Вдругъ король собирается съ великою радостью; собираетъ всѣхъ генераловъ, думчихъ, а Ивана Дорогокупленнаго не беретъ. Вдругъ Иванъ Дорогокупленный и говоритъ: «хотя король меня не беретъ, но ему живому тамъ не быть безъ меня!» Король объ этомъ узналъ и велѣлъ призвать его къ себѣ. «Иванъ, правда что ты говоришь?» — Истинно. — Король приказалъ его взять вмѣсто лакея. Подъѣзжаютъ къ королевскому дворцу, увидали огромнѣйшій садъ; въ немъ стояло 12 тычинъ сухихъ. Иванъ Дорогокупленный и говоритъ: «видите садъ?» — Вижу. — «Сколь прекрасенъ?» Я не видалъ такихъ. Очень прекрасенъ садъ. — «А видите 12 тычинъ сухихъ?» Вижу. — «Что на нихъ? На одинадцати человѣчьи головы; на двѣнадцатой—вашей бы головѣ быть.» Пріѣзжаютъ они во дворецъ.

Поѣхали въ соборъ *получать* законный бракъ. Вдругъ Иванъ Дорогокупленный и говоритъ королю: «когда пріѣдете отъ вѣнца, не ложитесь съ нею спать; прикажите мнѣ.» Король видитъ, что онъ правду говоритъ; повѣрилъ его словамъ. Король свою одёжу на него надѣлъ; повели ихъ на отдыхъ. Только легли опочивать; она волшебной силой наложила на него руку (одной рукой душила она жениховъ-то). Вдругъ онъ какъ ударилъ ея руку объ стѣну; вся спальня задрожала. «Душенька, она ему и говоритъ, что вы такъ кидаетесь?» — Тѣло отяготѣло на мнѣ. — Онъ призаснулъ; она сама на него взвалилась, хотѣла его задавить. Онъ уда-

рилъ ее объ стѣну такъ, что два камня изъ стѣны выскочили. А у него были заготовлены съ собой прутья. Закричалъ онъ своимъ слугамъ: «подайте мнѣ желѣзные прутья!» Слуги подали. Началъ онъ ее бить. Вдругъ она стала его умолять, что было въ ней по двѣнадцати всякихъ силъ; проситъ его: «оставь хоть мнѣ третью часть силы!» Онъ говоритъ: «нѣтъ, женщины не имѣютъ такихъ силъ; а оставлю тебѣ женскую силу самую плохую!» Оставилъ ей силу женскую самую плохую. Самъ вышелъ во дворецъ и говоритъ королю настоящему; и говоритъ: «ваше величество, ступайте, велите ей встать. Ударьте по щекѣ, сшибете съ-разу, то ложитесь спать. А не сшибете, опять вонъ выходите!» Вдругъ король переодѣлся въ свое одѣяніе; приходитъ; ударилъ ее по щекѣ—она и упала. Тогда онъ переночевалъ съ нею.

На другой день приближніе присылаютъ: «подите, приберите тѣло; думаютъ, что она его задавила.» Приходятъ они; она закричала: «выйдите вонъ; тутъ нѣтъ вашего дѣла.» Стали, взошли сейчасъ во дворецъ, попили, погуляли, отправились въ свое королевство.

Пріѣхавши домой, король пожаловалъ Ивана Дорогокупленнаго выше всѣхъ. Сенаторы и генералы узнали, что все дѣлалъ Иванъ Дорогокупленный и говорятъ волшебницѣ: «какъ бы Ивана смерти предать?» *Имъ съ* ненависти, что онъ выше ихъ сталъ. Придумали, чтобъ сдѣлалась королева больна, что будто видѣла она сонъ, что зарѣзать Ивана Дорогокупленнаго, вынуть, изжарить его сердце, я буду здрава. Вдругъ король посылаетъ королевѣ всякихъ докторовъ; никто не можетъ ее излечить. Она и говоритъ: «видѣла я во снѣ, что если зарѣзать Ивана Дорогокупленнаго, вынуть, изжарить его сердце, я буду здрава.» Король сожалѣлъ и не хотѣлъ Ивана смерти предать, а потомъ согласился. Приказалъ вывесть его въ чистое поле и зарѣзать и принести сердце. Но королева при-

казала: «выньте изъ него сердце и по-колѣнъ ноги отрубите.» А то не вѣритъ еще. Вывели его въ чистое поле, хотятъ его рѣзать. Иванъ Дорогокупленный и говоритъ: «ахъ, братцы, пощадите душу мою! — Ноги вы у меня отрубите, а заколите собаку и выньте изъ ней сердце.» — Они исполнили его прошенье, отрубили у него ноги; у собаки взяли сердце; принесли королевѣ. Она приказала сердце это бросить собакѣ: «пускай собака собачье съѣстъ.» Сама нашла волшебныя книги, начала волшебствомъ заниматься, силою сбираться.

Иванъ Дорогокупленный ползкомъ уползъ въ темный дремучій лѣсъ; легъ подъ огромнымъ дубомъ. Лежалъ подъ дубомъ; человѣкъ мимо его бѣжитъ, земля дрожитъ. Онъ говоритъ: эй, братъ! куда скоро бѣжишь? Провѣдай меня! — Онъ вдругъ воротился и говоритъ: «кто ты такой?» — Я Иванъ Дорогокупленный, былъ у короля въ славѣ; но теперь, по грѣхамъ моимъ, отсѣкли у меня ноги. — «Ну что жь! грѣхи у насъ съ тобой равны.» А у него отсѣчены руки, который бѣжалъ-то. — Ты какъ прозываешься? — «Марко Швыдкій (проворенъ бѣгать: и конь его не догонитъ, и птица не долетитъ). Давай будемъ жить вмѣстѣ. У тебя нѣтъ рукъ; а у меня нѣтъ ногъ!» Согласились. Стали жить. Гдѣ что надо, сейчасъ Иванъ Дорогокупленный сядетъ на Марку Швыдкаго; Марко Швыдкій побѣжитъ, Иванъ Дорогокупленный схватитъ; и никакая почта не можетъ ихъ догнать.

Услыхали они: въ одномъ мѣстѣ у одного короля неизлечимая дочь была болѣзнями своими. Король ежедневно кличъ кликалъ: «кто бы изыскался мою дочь вылечить, половину царства отдалъ бы.» Марко Швыдкій и говоритъ: «поѣдемъ въ это королевство, королевну увеземъ и вылечимъ.» — Какъ же мы ее увеземъ? — «А она сама раздаетъ милостыню; я подбѣгу, ты ее схватишь, и увеземъ.» — Подбѣгаютъ они; народу, нищихъ многое множество. Королевна и говоритъ: «что

за диво! Я эдакихъ больныхъ не видала; я своей рукой имъ милостыню подамъ.» Подошли они къ ней подъ окно. Иванъ Дорогокупленный взялъ ее за руку, подхватилъ подъ мышку; а Марко Швыдкій побѣжалъ. Король разослалъ по всѣмъ дорогамъ почты; не то, что ихъ догнать; не видали, куда и поѣхали.

Вдругъ привезли ее въ лѣсъ въ землянку; назвали ее сестрой и говорятъ ей: «сестра, отчего ты больна? Мы тебя вылечимъ.» Она призналась: «ко мнѣ змѣй летаетъ, грудь сосетъ!» — Это въ нашихъ рукахъ. Гдѣ жъ онъ къ тебѣ летаетъ? — «Въ трубу». Вотъ сейчасъ Марко Швыдкій говоритъ Ивану Дорогокупленному: «ты сядь у двери; а я стану у трубы, не пущу; а ты поймай». Вотъ прилетѣлъ змѣй въ глухую полночь въ трубу. Иванъ Дорогокупленный и поймалъ его; хотѣли ему голову отсѣчь. «Не сѣките, говоритъ; я найду вамъ такое озеро, что у одного будутъ ноги, а у другаго руки выростутъ.» — Покажи намъ то озеро! — Взялъ Иванъ Дорогокупленный змѣя подъ мышку; сѣлъ на Марка Швыдку, и пошли къ озеру; прибѣжали къ озеру. Марко хотѣлъ броситься въ озеро. Иванъ Дорогокупленный и говоритъ: «нѣтъ, постой; не кидайся. Дай я сломлю вотъ этотъ зеленый дубъ!» Сломилъ одной рукой дубъ и бросилъ его въ озеро; не то, что пожелтѣлъ, весь дубъ въ озерѣ сгорѣлъ. Они хотѣли змѣю голову оторвать и туда же въ это озеро бросить. Змѣй опять сталъ просить: «не бросайте; будутъ у васъ руки и ноги. Я вамъ покажу озеро.» Прибѣжали къ этому озеру; Марко Швыдкій опять хотѣлъ броситься. Иванъ Дорогокупленный говоритъ: «погоди; дай сломлю сухой дубъ!» Сломилъ дубъ, бросилъ въ озеро; дубъ сталъ зеленѣть и пустилъ листья. «Ну, кидайся!» Марко бросился въ озеро, лѣзетъ назадъ съ руками: руки выросли. —«На-ка подержи змѣя!» — Иванъ Дорогокупленный бросился въ озеро, сдѣлался съ ногами. «Ну, повеземъ теперь сестру къ королю!» Привезли близко ко дворцу и пустили ее

во дворецъ; а сами вернулись назадъ и пошли всякій въ свой путь.

Эта королева, послѣ Ивана Дорогокупленнаго, собралась съ большею силою; эта, которая приказала его зарѣзать-то. Послѣ заставила короля не только ее почитать, а и коровъ стеречь; дала ему двѣнадцать коровъ бѣлыхъ: если у одной будетъ шерсть замарана у коровы, то смертью казненъ будетъ. То идетъ Иванъ Дорогокупленный, подходитъ близко къ тому королевству и находитъ короля; стережетъ король двѣнадцать бѣлыхъ коровъ. Король нашелъ человѣческую кость, выкопалъ яму и хочетъ похоронить ее. Иванъ Дорогокупленный подошелъ близко къ нему, поклонился ему и спрашиваетъ: «что ты дѣлаешь?» — Вотъ, говоритъ, хочу похоронить кость: не друга ли моего прежняго, Ивана Дорогокупленнаго, на этомъ мѣстѣ зарѣзали? — «Да, хорошо ты объ немъ думаешь и помнишь его память. Чьи же это коровы и кто ихъ пасетъ?» — Пасу я; коровы моей королевы. Она собралась послѣ Ивана Дорогокупленнаго съ большой волшебной силою. — «Что же ты? — Пора тебѣ домой гнать!» Нѣтъ еще: перемою ихъ вотъ въ озерѣ, тогда домой погоню. — «Ну, мой же ты коровъ, да безъ меня домой не гоняй; а я пойду въ лѣсъ!» Король перемылъ всѣхъ коровъ, а Иванъ Дорогокупленный нарубилъ лыкъ; свилъ себѣ толстый и долгій кнутъ. Подошелъ къ королю, говоритъ: «гони коровъ домой, да не тамъ, гдѣ ты гонишь, а гдѣ я прикажу». Погналъ ихъ по болоту, вымаралъ въ грязи, стегалъ кнутомъ, измаралъ всѣхъ коровъ. Король и говоритъ: я счелъ тебя за добраго человѣка, а ты сыскалъ мнѣ лютую смерть. Теперь я сказненъ буду. — «Не бойся; будешь меня помнить и станешь по старому жить. Когда подгонишь коровъ близко ко дворцу и выскочитъ королева за тобою, ты бѣги отъ нея прямо въ баню; я тебя тамъ буду поджидать.» Иванъ Дорогокупленный изготовилъ себѣ въ банѣ желѣзные, волшеб-

ные прутья. Когда подогналъ король коровъ, увидала королева, что коровы въ грязи; выскочила и бросилась на него, хотѣла сказнить. Онъ отъ нея бѣжать; она за нимъ. Добѣжалъ до бани, вбѣжалъ въ баню; она и говоритъ: «ну не далеко ты ушелъ.» А Иванъ Дорогокупленный говоритъ: «да нѣкуда дальше и бѣжать. Ты сама нашла прежнее свое счастье? Что, супостатка, меня хотѣла злой смерти предать и короля заставить скотину стеречь!» И говоритъ своимъ помощникамъ: «давайте прутья!» Подали ему желѣзные, разогрѣтые прутья; начали ее наказывать; началъ онъ изъ нея всѣ волшебныя силы выгонять. Всѣ волшебныя силы изогналъ; оставилъ одну только женскую и ту самую плохую. Съ тѣхъ поръ Иванъ Дорогокупленный во дворцѣ у короля жилъ и во первыхъ почтенъ былъ.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

20.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ И МАРЬЯ МАРЕВНА.

Жилъ-былъ царь съ царицею; у нихъ было четверо дѣтей: три дочери, четвертый сынъ, Иванъ царевичъ. Жилъ этотъ царь съ своимъ семействомъ благополучно. Въ нѣкоторое время пошелъ онъ въ садъ прогуливаться; отъ холоднаго воздуха *могъ* онъ простудиться и жизнь кончилъ. Осталась на семъ царствѣ царствовать его супруга. Она царствовала семь лѣтъ; и такимъ же манеромъ она померла.

Дѣти у нихъ были малы; царствомъ управлять еще не могли. Мать покойная приказала дядѣ царствомъ управлять до возрасту лѣтъ Ивана царевича. Дѣти очень скучали объ отцѣ и матери, и полгода изъ дворца никуда не выходили, не выѣзжали. Въ одинъ прекрасный майскій день стали угова-

ривать ихъ, чтобъ они пошли въ садъ прогуляться. Пошли они въ садъ гулять. Вдругъ поднялась буря, вихорь; зашла черная туча; подбѣгаютъ они къ парадному крыльцу. Вдругъ вихорь завертѣлъ, схватилъ старшую сестру и унесъ. Сестры и братъ ихъ страшно испугались; слуги и министры бросились разыскивать старшую сестру; не могли нигдѣ найдти ее. Этотъ братъ и оставшіяся сестры никуда не ходили гулять. Опять ихъ стали уговаривать прогуляться въ садъ; пошли они; сдѣлался такимъ же манеромъ вихорь и унесъ середнюю сестру. Слуги и министры бросились разыскивать, ничего не нашли. Этотъ братъ и оставшаяся сестра не ходили ни куда; стали ихъ уговаривать прогуляться; пошли они; сдѣлался такимъ же манеромъ вихорь и унесъ младшую сестру.

Прошло этому три года; сынъ сталъ проситься у дядюшки путешествовать по всему свѣту; взялъ онъ добраго коня и большую сумму денегъ. Поѣхалъ онъ въ чистое поле; ѣхалъ онъ шесть дней и шесть ночей; вдругъ встрѣчается ему на дорогѣ старецъ; старикъ сталъ на колѣни и сталъ спрашивать у Ивана царевича: «куда ѣдешь и куда путь свой держишь?»— Отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: я ѣду сватать Марью Маревну, прекрасную королевну!—«Эхъ, Иванъ царевичъ, трудно тебѣ разыскать ее».—Потомъ этотъ старецъ сталъ говорить: «прости меня, Иванъ царевичъ!» Отвѣчаетъ ему Иванъ царевичъ: ты передо мной никакой вины не сдѣлалъ.—Опять говоритъ старецъ: «прости меня! я скажу свою вину». Иванъ царевичъ подумалъ, подумалъ: ну, прощаю, говоритъ. Старикъ и говоритъ: «вотъ вина моя: я твою сестру унесъ». Иванъ царевичъ заплакалъ и спрашиваетъ: что можно видѣть сестру? — «Можно». Ударился старикъ о землю, сдѣлался чернымъ ворономъ: «садись на меня, Иванъ царевичъ. А коня твоего пускай въ зеленые луга».—Иванъ царевичъ замоталъ повода, пустилъ потомъ въ зеленый лугъ. «Ступай мой добрый конь,

ищи себѣ вѣрнаго хозяйна». Самъ сѣлъ на ворона; воронъ поднялся подъ облако; летѣлъ нѣсколько времени; вдругъ говоритъ Ивану царевичу: «видишь ли, Иванъ царевичъ, что выше насъ?»—Вижу, говоритъ: синѣется небо.—«Видишь ли, что ниже насъ?»—Вижу, говоритъ: горитъ земля.— Отвѣчаетъ ему воронъ: «это не земля горитъ, а это дворецъ твоей старшей сестры». Воронъ сталъ спущаться ниже и ниже и опустился близь дворца, ударился о землю и сдѣлался молодцемъ.

Сказалъ онъ Ивану царевичу: «подожди, Иванъ царевичъ, у дворца». Самъ пошелъ во дворецъ, приходитъ къ своей супругѣ. Супруга увидала своего мужа, обрадовалась. «Ахъ, милый другъ, давно я тебя не видала. Гдѣ ты былъ и путешествовалъ?»— Я, говоритъ, леталъ по всему свѣту и видѣлъ разныя разности; еще, говоритъ, видѣлъ твоего брата Ивана царевича.—Она вздохнула и заплакала. «Гдѣ, говоритъ; теперь Иванъ царевичъ ужь померъ!»— Нѣтъ, говоритъ, онъ не померъ, а онъ, говоритъ, живъ.—Вдругъ этотъ молодецъ выходитъ изъ дворца и проситъ Ивана царевича во дворецъ къ себѣ; вводитъ его въ гостиную и сажаетъ его на кресло. А самъ пошелъ къ своей супругѣ въ спальню и проситъ ее, чтобъ она пожаловала въ гостиную. Входитъ она въ гостиную. «Вотъ, любезная супруга, это твой братъ!» Она подбѣгаетъ къ нему торопливо, беретъ его въ свои объятія и заплакала и спрашиваетъ его: «все ли ты здоровъ, братецъ мой?» Отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: «слава Богу, говоритъ, здоровъ». — Спрашиваетъ: «какими судьбами ты сюда попалъ?»—Отвѣчаетъ Иванъ царевичъ: «ѣхалъ я сватать Марью Маревну, прекрасную королевну. Вдругъ встрѣчается вашъ супругъ, признался въ своей винѣ и взялъ меня съ собою къ вамъ».

Погостилъ онъ у ней нѣсколько времени; сталъ у нихъ спрашиваться: «пора, говоритъ, мнѣ идти въ путь». — Они

собрали его въ путь; приготовили, что для дороги требуется ему. Вдругъ этотъ самый черный воронъ и говоритъ своей супругѣ: «любезная моя супруга! подари ты ему серебреную чашечку!» Отвѣчаетъ ему Иванъ царевичъ: для чего же, говоритъ, мнѣ ваша чашка? — Сестра подаетъ и говоритъ: «возьми, любезный братецъ; въ ней находится секретъ!» — Спрашиваетъ онъ у ней: какой же секретъ? — Сестра взяла эту чашечку, ударила краишкомъ; вдругъ являются слуги и дворецъ. — «Вотъ, любезный мой братецъ, весь секретъ въ немъ». Онъ увидалъ этотъ секретъ, очень обрадовался. Что если я захочу, чтобъ этого не было, какъ же дѣлаться?—Она перепрокинула къ верху дномъ и ударила: что явилось, все пропало. Она снимаетъ съ руки золотое кольцо, подаетъ Ивану царевичу; а у Ивана царевича проситъ его кольцо себѣ. Иванъ царевичъ обмѣнялся кольцами и спрашиваетъ: для чего же это такъ? — Говоритъ сестра: «въ знакъ памяти и еще если что съ тобой случится, если будешь нездоровъ, то кольцо твое у меня потемнѣетъ, а если помрешь, сдѣлается совершенно черное; также и мое у тебя кольцо!» Потомъ онъ распростился съ ними и пошелъ въ путь дорогу.

Ѣхалъ онъ сутки цѣлые, не встрѣтилось ему ни селенья, ни избушки и ни колодезя никакого. Иванъ-царевичу захотѣлось пить и ѣсть; вспомнилъ, что имѣетъ у себя секретное блюдечко. Расположился онъ на прекрасномъ лугу, ударилъ этимъ блюдечкомъ; является два молодца. «Что вамъ угодно, Иванъ царевичъ?» — Чтобъ была здѣсь палатка; разныя кушанья и напитки!—Вдругъ все передъ нимъ явилось; входитъ онъ въ палатку, садится за убранный столъ, началъ онъ кушать; откушавши, приказалъ приготовить кровать; является передъ нимъ кровать; ложится онъ на малое время отдохнуть; отдохнувши встаетъ, опять беретъ это блюдечко, ударяетъ къ верху дномъ, и все исчезло.—

Потомъ пошелъ онъ опять дальше своей дорогой; вдругъ является ему старикъ, говоритъ: «прости меня! я твою средню̀ю сестру унесъ». Иванъ царевичъ простилъ его. — А можно, говоритъ, ее видѣть?—«Можно.» Ударился онъ о землю, сдѣлался орломъ; Иванъ царевичъ сѣлъ на него и прилетѣли во дворецъ къ средней сестрѣ. Та его такимъ же манеромъ приняла; погостилъ онъ у ней, и сталъ въ путь собираться. Даритъ она ему серебреную ложечку и говоритъ: «ударишь ты этой ложечкой, и будетъ у тебя что пить, ѣсть, слуги, все будетъ.» Такимъ же манеромъ кольцами помѣнялась съ Иванъ царевичемъ. Распростился съ ними Иванъ царевичъ, пошелъ дальше.

Шелъ, шелъ своей дорогой; опять встрѣчается ему старикъ; онъ ему вину простилъ. «Да какая, говоритъ, вина?»— Я, говоритъ, младшую сестру увезъ. — «А можно ее видѣть?» — «Можно.» Ударился этотъ старикъ о землю, сдѣлался соколомъ; Иванъ царевичъ сѣлъ на него, и такимъ же манеромъ прилетѣли во дворецъ къ младшей сестрѣ. Та его такимъ же манеромъ приняла; погостилъ онъ у ней и сталъ въ путь собираться. Даритъ она ему золотые часы; говоритъ: «только надо слегка ударить, все явится.» Такимъ же манеромъ кольцами помѣнялись. Распростился онъ съ меньшей сестрой и поѣхалъ къ Марьѣ Маревнѣ.

Пріѣзжаетъ онъ къ ней въ городъ, подходитъ ко дворцу, спрашиваетъ у часовыхъ: «что, Марья Маревна у себя?» — Отвѣчаютъ часовые: у себя. — «Доложите Марьѣ Маревнѣ; пріѣхалъ къ ней Иванъ царевичъ сватать за себя замужъ!»— Вдругъ приходятъ, докладываютъ Марьѣ Маревнѣ. Она услыхала эти слова, ужасно разсердилась: «какой такой невѣжа осмѣлился такъ дерзко предлагать!» Приказала ему руки ско-

вать и отвесть его въ острогъ. Прибѣгаютъ часовые, слуги; сковали ему руки и ноги; отвели его въ острогъ. Входитъ онъ въ острогъ, видитъ: ужасно много народу; образованы довольно хорошо; всѣ бородастые, черные! И спрашиваютъ эти самые бородачи Ивана царевича: какими судьбами ты, голубчикъ, сюда попалъ? — «А вотъ какъ, милостивые государи: пріѣхалъ я сватать Марью Маревну, прекрасную королевну; она на меня разсердилась и велѣла посадить.» Сталъ спрашивать Иванъ царевичъ этихъ бородачей. «Мы сами, говорятъ, такіе же женихи ея, пріѣхали сватать ее, а между тѣмъ она насъ въ острогъ посадила.» Иванъ царевичъ отвѣчаетъ имъ: «что дѣлать, стало быть, участь наша такая горькая!» Живетъ онъ въ острогѣ день, другой и третій; такъ ему непріятно показалось, именно потому: кушанье плохое, сѣрыя щи и черствый хлѣбъ! Больше ничего имъ не давалось! —

Вдругъ онъ сталъ говорить своимъ товарищамъ: «что, братцы, можно здѣсь повеселиться или нѣтъ?»—Отвѣчаетъ ему нѣсколько голосовъ: нѣтъ, Иванъ царевичъ, здѣсь очень строго; здѣсь не позволяютъ намъ веселиться. Хоть бы ты принесъ милліонъ денегъ, за всѣ эти милліоны не дадутъ тебѣ дряннаго калача. Иванъ царевичъ думалъ, думалъ; рѣшился веселиться; говоритъ онъ своимъ товарищамъ: «милліоновъ я не имѣю, а что есть, тѣмъ повеселимся.» Вынимаетъ онъ блюдечко, ударяетъ краишкомъ. Являются передъ нимъ два молодца. «Что вамъ угодно, Иванъ царевичъ?» — Иванъ царевичъ сталъ говорить: ну, братцы-товарищи, кто изъ васъ желаетъ стричься, бриться и перемѣнить острожную одѣжу? — И закричали всѣ: «всѣ хотимъ, Иванъ царевичъ!» Приказываетъ онъ двумъ этимъ человѣкамъ, чтобъ явились цырульники, брили и стригли (того), кто желаетъ. Цырульники стали

стричь, брить; и еще приказалъ Иванъ царевичъ принести одёжи самой лучшей королевской. «Вотъ, братцы, вамъ одёжа — одѣваться.» Всѣ одѣлись въ цвѣтную одёжу. Еще онъ приказалъ слугамъ, чтобъ явились столы и были убраны разными кушаньями и напитками. Сейчасъ все явилось передъ ними и проситъ онъ своихъ товарищей, чтобъ садились за столъ пить, ѣсть и веселиться. — Всѣ сѣли за столъ, стали пить, ѣсть и веселиться. Еще приказалъ Иванъ царевичъ, чтобъ отличные явились музыканты, хоръ пѣвчихъ. Только стали пить за здоровье Ивана царевича, заиграли музыканты за здоровье Ивана царевича, запѣлъ хоръ пѣвчихъ за здоровье Ивана царевича. Услыхали часовые; прибѣгаетъ начальникъ, видитъ: «у нихъ убраны столы и они пируютъ.» Ни слова имъ не сказалъ, пошелъ обратно къ Марьѣ Маревнѣ, прекрасной королевнѣ.

Докладываютъ Марьѣ Маревнѣ, прекрасной королевнѣ: «котораго вы посадили недавно, этотъ самый сдѣлалъ тамъ большой пиръ. Всѣ короли, посаженные вами въ острогъ, пьютъ, гуляютъ, веселятся. Мы не знаемъ, гдѣ они берутъ вина; откуда пришли пѣвчіе и музыканты: около замку у насъ ужасно стража крѣпка.» Марья Маревна посылаетъ въ замокъ вѣрнаго своего министра узнать, что такое происходитъ и отчего. Приходитъ министръ къ нимъ въ замокъ и спрашиваетъ: «позвольте узнать: отчего это у васъ происходитъ?» — Иванъ царевичъ отвѣчаетъ ему: это все дѣлаетъ у меня секретная чашечка. Потомъ приглашаетъ его Иванъ царевичъ нѣсколько напитковъ выкушать. Министръ очень радъ, садится за столъ; подаютъ ему кушанья и напитковъ. Онъ нѣсколько покушалъ и напитковъ выпилъ; вылѣзаетъ изъ стола и благодаритъ ихъ. Потомъ распросилъ у нихъ подробно объ

этой секретной чашечкѣ; спросилъ, что она стоитъ. — Иванъ царевичъ отвѣчаетъ: «она не продажная, а завѣтная!» Министръ говоритъ: сколько завѣту? — Иванъ царевичъ улыбнулся и отвѣчаетъ: «вотъ какой завѣтъ: чтобъ Марья Маревна, прекрасная королевна, показала свои голыя ножки!» Министръ пересказалъ Марьѣ Маревнѣ. Она согласилась, приказала позвать его къ себѣ. Приходитъ онъ къ Марьѣ Маревнѣ; увела она его въ свою комнату, показала ему свои голыя ножки. Онъ и отдалъ секретную чашечку.

Опять посадили его въ острогъ; спрашиваютъ его короли: что же, отдалъ?—«Отдалъ», говоритъ. Они стали плакать: «напрасно, говорятъ, отдавалъ.» Стало опять скучно. Вотъ Иванъ царевичъ ударилъ ложкой; явилось все и начался такимъ же манеромъ пиръ. Доложили Марьѣ Маревнѣ; послала она своего министра узнать. Спрашиваетъ Ивана царевича министръ: продажная ложечка или завѣтная? — «Завѣтная»! — Сколько завѣту.... Марья Маревна согласилась. Иванъ царевичъ и отдалъ секретную ложечку.

Опять посадили его въ острогъ. Короли опечалились. Иванъ царевичъ вынулъ свои золотые часы, ударилъ, явилось все; поднялся опять такимъ же манеромъ пиръ. Узнала Марья Маревна, послала своего министра. Спрашиваетъ министръ у Ивана царевича: сколько завѣту?.... Она согласилась. Послѣ того отдаетъ она ему часы, ложечку и чашку, и пошли они по дворцу разгуливаться.

Потомъ онъ сталъ ее просить, чтобъ выпустить этихъ королей изъ острога. Она говоритъ: «я, говоритъ, рада отпустить ихъ.» Онъ выпустилъ ихъ; далъ каждому по три тысячи руб. сер. на дорогу и распростился съ ними. Жилъ онъ съ ней три

недѣли довольно благополучно; кушалъ и почивалъ вмѣстѣ. Вдругъ она стала сбираться за три тысячи верстъ ѣхать въ другой городъ. Отдаетъ она свои королевскія бумаги на распоряженье его и отдаетъ ключи ото всякихъ вещей и приказываетъ ему: «вотъ тебѣ ключи и вотъ серебреный ключъ. И которая комната заперта этимъ ключемъ, въ ту не ходи!» — Она уѣхала. Иванъ царевичъ ходилъ по всѣмъ комнатамъ и въ эту зашелъ, въ которую запретила ему ходить. Тамъ прикованъ змѣй на 12 цѣпяхъ; и говоритъ онъ ему томнымъ голосомъ: «Иванъ царевичъ! дай мнѣ воды напиться » Иванъ царевичъ беретъ кружку воды и даетъ ему пить. Выпилъ эту кружку, проситъ другую. Иванъ царевичъ подалъ другую. Выпилъ другую, проситъ третью. Иванъ царевичъ подалъ третью. Выпилъ змѣй эту кружку и заревѣлъ: «ну, Иванъ царевичъ! за эту услугу три вины тебѣ прощу!» Потомъ рванулся, перервалъ всѣ двѣнадцать цѣпей и улетѣлъ.

Черезъ три дня прилетѣлъ этотъ змѣй, прогналъ Ивана царевича изъ дворца, ключи отобралъ. Иванъ царевичъ остановился въ гостинницѣ жить. Пріѣзжаетъ Марья Маревна, входитъ во дворецъ, видитъ: змѣй ходитъ свободенъ. Змѣй закричалъ на нее: «а, шельма, хотѣла меня уморить!» — Потомъ стала она узнавать, гдѣ Иванъ царевичъ проживаетъ, разыскала его; пріѣхала къ нему, стала ему говорить: «эхъ, Иванъ царевичъ, говорила я тебѣ не отпирай двери. Еслибъ ты не отперъ, онъ бы жизнь кончилъ; ему оставалось только три часа житья.» Побыла она у него малое время и уѣхала опять во дворецъ.

Черезъ нѣсколько времени, Иванъ царевичъ узналъ, что змѣй уѣхалъ на шесть мѣсяцевъ; пріѣзжаетъ онъ къ Марьѣ Маревнѣ и говоритъ ей, чтобы она съ нимъ уѣхала въ его землю. Она очень рада; сейчасъ приказали лошадей заложить; сѣли и поѣхали. Ѣхали пять мѣсяцевъ; вдругъ остановились въ

одномъ городѣ отдохнуть на нѣсколько времени. Вдругъ прилетаетъ домой змѣй и узналъ: Марьи Маревны нѣтъ. Сталъ спрашивать слугъ. Слуги говорятъ: «мы не знаемъ, куда Марья Маревна уѣхала.» Прибѣгаетъ змѣй на конюшню; сталъ спрашивать у своего коня: «скажи ты мнѣ, конь мой любезный: куда Марья Маревна уѣхала и съ кѣмъ?» — Конь отвѣчаетъ: уѣхала она съ Иваномъ царевичемъ въ его землю! — «Можешь ли ты догнать ихъ?»—Отвѣчаетъ конь: посѣй рожь; когда выростетъ, сожни, намолоти, солоду надѣлай, пива навари, напьемся пива; за ними поѣдемъ и нагонимъ ихъ на дорогѣ. Посѣяли рожь; выросла, сжали, намолотили, солоду надѣлали, пива наварили, напились пива; поѣхали и догнали Ивана царевича съ Марьей Маревной. Змѣй беретъ Марью Маревну къ себѣ; а Ивану царевичу говоритъ: «вотъ тебѣ первая вина прощается».

Привозитъ змѣй опять Марью Маревну въ тотъ же дворецъ; а Иванъ царевичъ обратно поѣхалъ за ними. Пожили нѣсколько времени. Змѣй опять уѣхалъ на три мѣсяца. Иванъ царевичъ опять такимъ же манеромъ уѣхалъ съ Марьей Маревной; змѣй такимъ же манеромъ догналъ и говоритъ: «вотъ тебѣ, Иванъ царевичъ, вторая вина прощается.» Привозитъ опять змѣй Марью Маревну въ тотъ же дворецъ; Иванъ царевичъ обратно поѣхалъ за ними. И опять змѣй уѣхалъ на два мѣсяца, а Иванъ царевичь съ Марьей Маревной опять уѣхалъ; и змѣй опять такимъ же манеромъ догналъ и говоритъ: «вотъ тебѣ, Иванъ царевичъ, третья вина прощается.» Привозитъ опять змѣй Марью Маревну во дворецъ, и Иванъ царевичъ поѣхалъ обратно за ними. Змѣй уѣхалъ опять на полтора мѣсяца. Иванъ царевичъ опять беретъ Марью Маревну и увозитъ. Змѣй опять такимъ же манеромъ догоняетъ ихъ, беретъ Марью Маревну, а его на четыре части разрубилъ и бросилъ.

Вдругъ у его сестеръ кольца почернѣли; сестры глядятъ:

«ну, нашъ братецъ жизнь кончилъ.» Слетаются ихъ мужья и совѣтуются между собою: «надобно разыскивать Ивана царевича, гдѣ онъ жизнь кончилъ.» Воронъ полетѣлъ на Западъ, орелъ на Востокъ, соколъ на Сѣверъ: стали разыскивать. Воронъ летитъ и видитъ: большое стадо вороньевъ сидятъ и клюютъ тѣло Ивана царевича. Воронъ подлетаетъ къ этимъ вороньямъ, схватилъ изъ нихъ одного ворона, сталъ его рвать. Этотъ воронъ и кричитъ: «прости меня; я тебѣ услужу!» — Что ты мнѣ услужишь? — «Что тебѣ угодно, все могу сдѣлать.» — «Коли такъ, лети поскорѣй, разыскивай живой и мертвой воды.» Далъ ему воронъ два пузырька; тотъ полетѣлъ и принесъ живой и мертвой воды. Сложилъ воронъ эти четыре части, помазалъ ихъ мертвой водой; онѣ и срослись; прыснулъ живой водой: всталъ, ожилъ Иванъ царевичъ.

«Ахъ, говоритъ, какъ я долго спалъ!» — Воронъ ему и говоритъ: вѣкъ бы тебѣ спать, еслибы не я. — «Что такое?» — Ты былъ изрубленъ на четыре части. — «Да! помню: змѣй меня изрубилъ.» Сталъ Иванъ царевичъ спрашивать у ворона: «что мнѣ дѣлать, воронъ? Какъ мнѣ достать Марью Маревну?» — Вотъ, говоритъ, какъ: поѣзжай въ такое-то царство, наймись у такого-то короля табунъ стеречь. Отстережешь трое сутокъ, и онъ тебѣ будетъ за работу давать тысячу рублей или разныхъ коней, ты не бери ничего, только проси кобыленку клячу, которая валяется на заднемъ дворѣ, издыхаетъ. Возьмешь эту кобыленку, корми ее двѣнадцать зорь; на этой кобыленкѣ можешь ты уѣхать отъ змѣя. — Тутъ Иванъ царевичъ распростился съ ворономъ; пріѣхалъ Иванъ царевичъ въ это царство. Въ первый разъ выгналъ стеречь; весь табунъ разбѣжался кой-куда. Онъ ударилъ чашечкой, явились слуги: «что вамъ угодно?» спрашиваютъ. Онъ приказалъ лошадей собрать. Собрали ему лошадей, пригналъ онъ ихъ къ этому царю. На второй разъ и на третій разъ все такимъ же манеромъ.

Выпросилъ онъ у короля кобыленку клячу, что валяется на заднемъ дворѣ, кормилъ ее шесть зорь; лошадь стала бѣгать какъ угодно: рысью, галопомъ, всячески. Три зори еще покормилъ, крылья у ней выросли по аршину; еще двѣ зори покормилъ, еще по аршину выросли; садится онъ на эту лошадь. Лошадь поднимаетъ его подъ самое облако. Онъ довольно времени на ней катался и говоритъ ей: «можешь ли мнѣ служить?» — Покорми еще зорю меня, тогда я могу тебѣ служить.—Покормилъ еще зорю, сѣлъ на нее; она спрашиваетъ: какъ летѣть: ниже лѣсу стоячаго или выше облака ходячаго? — «Ну-ко, ступай ниже лѣсу стоячаго!» — Полетѣла эта кобылица; Иванъ царевичъ едва держится; отъ ея полета ни одна птица на деревѣ не усидитъ. — «Ну-ко, ступай выше облака ходячаго.» Поднялась она выше облака ходячаго; ѣхалъ онъ нѣсколько времени, приказалъ ей опущаться ниже и опустился подъ самымъ городомъ, гдѣ Марья Маревна живетъ.

Пріѣзжаетъ онъ въ гостинницу, лошадь становитъ въ конюшнѣ, взошелъ въ номеръ, приказалъ подать кушать. Подаютъ кушать; спрашиваетъ онъ у человѣка: «что Марья Маревна дома или нѣтъ?» — Дома. Вотъ цѣлый мѣсяцъ никуда не выѣзжаетъ изъ дворца.— «А змѣй дома?» — Змѣй уѣхалъ на шесть дней. — Откушалъ Иванъ царевичъ, отправляется во дворецъ къ Марьѣ Маревнѣ, входитъ во дворецъ; увидала его Марья Маревна.—А, другъ мой, ты еще живъ?—«Живъ. Неугодно ли ѣхать со мной?» Я очень рада, да догонитъ насъ змѣй.—«Ничего, поѣдемъ; не догонитъ!» Привели его лошадь, сѣли на одну оба, полетѣли.

Прилетаетъ змѣй и прямо на конюшню къ коню. «Что, можно ли догнать Ивана царевича съ Марьей Маревной?»—Могу.— «А рожь, говоритъ, сѣять?» — Гдѣ тутъ сѣять, ступай бери мечъ, спѣши скорѣе, и то въ пору догнать.—Сѣлъ змѣй догонять; догоняетъ на дорогѣ и кричитъ подъ змѣемъ жере-

бецъ: «подожди, матка, подожди, мать кобылица!» — Отвѣчаетъ подъ Иваномъ царевичемъ кобылица: нѣтъ, говоритъ, сынъ мой, ты помоложе меня; ты долженъ потише и пониже ѣхать! — Догналъ змѣй Ивана царевича, взмахнулъ мечемъ; вдругъ кобылица вскинула задомъ и разшибла голову змѣю. Змѣй упалъ на землю; Иванъ царевичъ опустился, разбилъ его на мелкія части и закопалъ въ разныя мѣста. Пріѣхалъ въ свое царство; созвалъ сестеръ и обвѣнчался съ Марьей Маревной. Стали жить, да поживать, да добра наживать.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

21.

ТРИ ВЬЮНОШИ.

Жилъ-былъ купецъ; у купца было три дочери; и выпросились они у отца съ матерью въ садъ гулять; гуляли, гуляли; старшая и говоритъ: «еслибы меня батюшка отдалъ за хлѣбопёка, завсегда бы я мягкіе хлѣбы кушала». А середняя дочь говоритъ: «ну, кабы меня батюшка отдалъ за повара, всего бы было у меня вдоволь». Меньшая говоритъ: «кабы меня батенька отдалъ за Иванъ-царевича сына, я бы родила ему трехъ *вьюношевъ* по локти ручки въ серебрѣ, по бокамъ часты звѣзды; во лбу свѣтелъ мѣсяцъ и въ затылкѣ красно солнце.»—

Вотъ Иванъ царевичъ сынъ гулялъ и слышалъ; напередъ заѣхалъ и написалъ на воротахъ *цифирь*. Вотъ пріѣзжаетъ Иванъ царевичъ къ своему отцу къ матери, проситъ позволенія жениться. Отецъ съ матерью позволяетъ; онъ взялъ да съ сыномъ и поѣхалъ къ этому купцу. Прежде купецъ испугался. «Что такое? какія за мной винности есть: царь пріѣ-

халъ ко мнѣ на дворъ?» Встрѣчаетъ царя. Царь входитъ къ нему въ домъ и спрашиваетъ: есть у тебя три дочери? — «Есть», говоритъ. — Что согласенъ ихъ всѣхъ замужъ отдать: старшую дочь за хлѣбопёка; середнюю за повара, а младшую за его сына. — Тотъ согласился отдать, и три свадьбы сыграли.

Вотъ младшая дочь забеременѣла; Иванъ царевичъ (сынъ) отъѣзжаетъ и приказываетъ отцу съ матерью: «маменька, тятенька! не бросьте мою хозяйку при этомъ случаѣ». Самъ уѣхалъ. — Вотъ стала она собираться родить и говоритъ: «надо, говоритъ, баню истопить». Ну, говоритъ, сестрицы, какъ бы сходить за бабушкой». — Ахъ, говорятъ они, сестрица; мы свои, а не чужія; мы тебя не бросимъ при этомъ случаѣ. — Ну, она родила, сдѣлалась безъ памяти; родила двухъ *вьюношевъ* по локти ручки въ золотѣ, по колѣно ножки въ серебрѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, на затылкѣ красно солнце. Онѣ, эти сестры-то, взяли ихъ въ ящикъ засмолили. Взяли отъ собакъ двухъ щенятъ; ей подкинули. Она опамятовалась и говоритъ: «сестрицы, подайте мнѣ ребёночка посмотрѣть!» — Ахъ, говорятъ, милая сестрица, не то тебѣ показать, не то нѣтъ? Кабы ты бы родила себѣ дѣтище, а то двухъ щенятъ. Ну вотъ онѣ пошли свекровь поздравлять. «Ваше царское величество! ваша, говорятъ, невѣстка, а наша сестра родила двухъ щенятъ». Она сейчасъ къ сыну письмо написала. Сынъ пріѣзжаетъ, говоритъ: «первый разъ прощается, что на другой будетъ.»

Она въ другой разъ забеременѣла; опять стала сестёръ просить, чтобъ баню истопить; они опять истопили. Она опять проситъ ихъ за бабушкой сходить. «Сестрица, милая, говорятъ, надъ тобой было несчастье; мы, говоритъ, никому не выказали, а чужая-то на весь свѣтъ разнесетъ; а у насъ-то будетъ все скрыто.» Вотъ она третьяго *вьюноша* (дѣвуш-

ку) родила: по локти ручки въ золотѣ, по колѣна ножки въ серебрѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а въ затылкѣ красно солнце. Онѣ и третьяго *вьюноша* посадили въ тотъ же ящикъ, засмолили, да и пустили на рѣчку. Пошли къ свекору, сказали: «родила ваша невѣстка, а наша сестра часть древа.» Мужъ-то кинулся въ сенатъ на нее съ прошеніемъ. «Вотъ ей, говоритъ, двѣ вины простили; въ третій она родила часть древа.» — Ну, ее велѣли въ каменный столбъ закласть. Ее въ каменный столбъ и заклали. Оставили окошечко, чтобъ ей подавать по стаканчику водицы да по кусочку сухарика изъ сутокъ въ сутки.

А эти вьюноши приплыли къ мельницѣ по рѣчкѣ. Мельникъ поймалъ ихъ; взялъ ихъ размолилъ; они всю комнату ему такъ и *осьяли*; и съ старухой съ своей покоили ихъ. Имъ — что рости было въ три года, а они въ три дня ростутъ. Вотъ этотъ мельникъ съ мельничихой помираетъ. «Ну, говоритъ, *вьюноши*, вы, говоритъ, живите хорошенько. Эта сестра пусть вамъ вмѣсто матери; вы должны ее слушать, а ты ихъ покой вмѣсто дѣтей.» Вотъ они живутъ послѣ мельника всѣ трое хорошо — ладно; другъ друга почитаютъ.

И услыхали они: есть на морѣ птица Говорокъ. Вотъ встала она (сестра-то), напекла блиновъ и проводила она этихъ братьевъ за птицей Говоркомъ. Они осѣдлали коней и поѣхали; пріѣхали къ лѣсу; стоитъ тамъ избушка, а въ этой избушкѣ живетъ старенькая старушка. Они и спрашиваютъ: «бабушка, какъ намъ проѣхать достать птицу Говорокъ?» — А вы, говоритъ, *вьюноши*, поѣзжайте къ морю; какъ пріѣдете къ морю, не привязывайте коней къ осиновому колу; а привяжите къ березовому! Они пріѣхали къ морю, не привязали къ березовому-то, а привязали къ осиновому, да тамъ и остались и не возвратились.

А эта *вьюношь* дожидалась, дожидалась ихъ; на третій

Выпросилъ онъ у короля кобыленку клячу, что валяется на заднемъ дворѣ, кормилъ ее шесть зорь; лошадь стала бѣгать какъ угодно: рысью, галопомъ, всячески. Три зори еще покормилъ, крылья у ней выросли по аршину; еще двѣ зори покормилъ, еще по аршину выросли; садится онъ на эту лошадь. Лошадь поднимаетъ его подъ самое облако. Онъ довольно времени на ней катался и говоритъ ей: «можешь ли мнѣ служить?» — Покорми еще зорю меня, тогда я могу тебѣ служить.—Покормилъ еще зорю, сѣлъ на нее; она спрашиваетъ: какъ летѣть: ниже лѣсу стоячаго или выше облака ходячаго? — «Ну-ко, ступай ниже лѣсу стоячаго!» — Полетѣла эта кобылица; Иванъ царевичъ едва держится; отъ ея полета ни одна птица на деревѣ не усидитъ. — «Ну-ко, ступай выше облака ходячаго.» Поднялась она выше облака ходячаго; ѣхалъ онъ нѣсколько времени, приказалъ ей опущаться ниже и опустился подъ самымъ городомъ, гдѣ Марья Маревна живетъ.

Пріѣзжаетъ онъ въ гостиннцу, лошадь становитъ въ конюшнѣ, взошелъ въ номеръ, приказалъ подать кушать. Подаютъ кушать; спрашиваетъ онъ у человѣка: «что Марья Маревна дома или нѣтъ?» — Дома. Вотъ цѣлый мѣсяцъ никуда не выѣзжаетъ изъ дворца.— «А змѣй дома?» — Змѣй уѣхалъ на шесть дней. — Откушалъ Иванъ царевичъ, отправляется во дворецъ къ Марьѣ Маревнѣ, входитъ во дворецъ; увидала его Марья Маревна.—А, другъ мой, ты еще живъ?—«Живъ. Неугодно ли ѣхать со мной?» Я очень рада, да догонитъ насъ змѣй.—«Ничего, поѣдемъ; не догонитъ!» Привели его лошадь; сѣли на одну оба; полетѣли.

Прилетаетъ змѣй и прямо на конюшню къ коню. «Что, можно ли догнать Ивана царевича съ Марьей Маревной?»—Могу.— «А рожь, говоритъ, сѣять?» — Гдѣ тутъ сѣять, ступай бери мечъ, спѣши скорѣе, и то въ пору догнать.—Сѣлъ змѣй догонять; догоняетъ на дорогѣ и кричитъ подъ змѣемъ жере-

бецъ: «подожди, матка, подожди, мать кобылица!» — Отвѣчаетъ подъ Иваномъ царевичемъ кобылица: нѣтъ, говоритъ, сынъ мой, ты помоложе меня; ты долженъ потише и пониже ѣхать! — Догналъ змѣй Ивана царевича, взмахнулъ мечемъ; вдругъ кобылица вскинула задомъ и разшибла голову змѣю. Змѣй упалъ на землю; Иванъ царевичъ опустился, разбилъ его на мелкія части и закопалъ въ разныя мѣста. Пріѣхалъ въ свое царство; созвалъ сестеръ и обвѣнчался съ Марьей Маревной. Стали жить, да поживать, да добра наживать.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

21.

ТРИ ВЬЮНОШИ.

Жилъ-былъ купецъ; у купца было три дочери; и выпросились они у отца съ матерью въ садъ гулять; гуляли, гуляли; старшая и говоритъ: «еслибы меня батюшка отдалъ за хлѣбопёка, завсегда бы я мягкіе хлѣбы кушала». А середняя дочь говоритъ: «ну, кабы меня батюшка отдалъ за повара, всего бы было у меня вдоволь». Меньшая говоритъ: «кабы меня батенька отдалъ за Иванъ-царевича сына, я бы родила ему трехъ *вьюношевъ* по локти ручки въ серебрѣ, по бокамъ часты звѣзды; во лбу свѣтелъ мѣсяцъ и въ затылкѣ красно солнце.»—

Вотъ Иванъ царевичъ сынъ гулялъ и слышалъ; напередъ заѣхалъ и написалъ на воротахъ *цифирь*. Вотъ пріѣзжаетъ Иванъ царевичъ къ своему отцу къ матери, проситъ позволенія жениться. Отецъ съ матерью позволяетъ; онъ взялъ да съ сыномъ и поѣхалъ къ этому купцу. Прежде купецъ испугался. «Что такое? какія за мной винности есть: царь пріѣ-

халъ ко мнѣ на дворъ?» Встрѣчаетъ царя. Цзрь входитъ къ нему въ домъ и спрашиваетъ: есть у тебя три дочери? — «Есть», говоритъ. — Что согласенъ ихъ всѣхъ замужъ отдать: старшую дочь за хлѣбопёка; середнюю за повара, а младшую за его сына. — Тотъ согласился отдать, и три свадьбы сыграли.

Вотъ младшая дочь забеременѣла; Иванъ царевичъ (сынъ) отъѣзжаетъ и приказываетъ отцу съ матерью: «маменька, тятенька! не бросьте мою хозяйку при этомъ случаѣ». Самъ уѣхалъ. — Вотъ стала она собираться родить и говоритъ: «надо, говоритъ, баню истопить». Ну, говоритъ, сестрицы, какъ бы сходить за бабушкой». — Ахъ, говорятъ они, сестрица; мы свои, а не чужія; мы тебя не бросимъ при этомъ случаѣ. — Ну, она родила, сдѣлалась безъ памяти; родила двухъ *вьюношевъ* по локти ручки въ золотѣ, по колѣно ножки въ серебрѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, на затылкѣ красно солнце. Онѣ, эти сестры-то, взяли ихъ въ ящикъ засмолили. Взяли отъ собакъ двухъ щенятъ; ей подкинули. Она опамятовалась и говоритъ: «сестрицы, подайте мнѣ ребёночка посмотрѣть!» — Ахъ, говорятъ, милая сестрица, не то тебѣ показать, не то нѣтъ? Кабы ты бы родила себѣ дѣтище, а то двухъ щенятъ. Ну вотъ онѣ пошли свекровь поздравлять. «Ваше царское величество! ваша, говорятъ, невѣстка, а наша сестра родила двухъ щенятъ». Она сейчасъ къ сыну письмо написала. Сынъ пріѣзжаетъ, говоритъ: «первый разъ прощается, что на другой будетъ.»

Она въ другой разъ забеременѣла; опять стала сестёръ просить, чтобъ баню истопить; они опять истопили. Она опять проситъ ихъ за бабушкой сходить. «Сестрица, милая, говорятъ, надъ тобой было несчастье; мы, говоритъ, никому не выказали, а чужая-то на весь свѣтъ разнесетъ; а у насъ-то будетъ все скрыто.» Вотъ она третьяго *вьюноша* (дѣвуш-

ку) родила: по локти ручки въ золотѣ, по колѣна ножки въ серебрѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а въ затылкѣ красно солнце. Онѣ и третьяго *вьюноша* посадили въ тотъ же ящикъ, засмолили, да и пустили на рѣчку. Пошли къ свекору, сказали: «родила ваша невѣстка, а наша сестра часть древа.» Мужъ-то кинулся въ сенатъ на нее съ прошеніемъ. «Вотъ ей, говоритъ, двѣ вины простили; въ третій она родила часть древа.» — Ну, ее велѣли въ каменный столбъ закласть. Ее въ каменный столбъ и заклали. Оставили окошечко, чтобъ ей подавать по стаканчику водицы да по кусочку сухарика изъ сутокъ въ сутки.

А эти вьюноши приплыли къ мельницѣ по рѣчкѣ. Мельникъ поймалъ ихъ; взялъ ихъ разсмолилъ; они всю комнату ему такъ и *осьяѣли*; и съ старухой съ своей покоили ихъ. Имъ — что рости было въ три года, а они въ три дня ростутъ. Вотъ этотъ мельникъ съ мельничихой помираетъ. «Ну, говоритъ, *вьюноши*, вы, говоритъ, живите хорошенько. Эта сестра пусть вамъ вмѣсто матери; вы должны ее слушать, а ты ихъ покой вмѣсто дѣтей.» Вотъ они живутъ послѣ мельника всѣ трое хорошо — ладно; другъ друга почитаютъ.

И услыхали они: есть на морѣ птица Говорокъ. Вотъ встала она (сестра-то), напекла блиновъ и проводила она этихъ братьевъ за птицей Говоркомъ. Они осѣдлали коней и поѣхали; пріѣхали къ лѣсу; стоитъ тамъ избушка, а въ этой избушкѣ живетъ старенькая старушка. Они и спрашиваютъ: «бабушка, какъ намъ проѣхать достать птицу Говорокъ?» — А вы, говоритъ, *вьюноши*, поѣзжайте къ морю; какъ пріѣдете къ морю. не привязывайте коней къ осиновому колу; а привяжите къ березовому! Они пріѣхали къ морю, не привязали къ березовому-то, а привязали къ осиновому, да тамъ и остались и не возвратились.

А эта *вьюношь* дожидалась, дожидалась ихъ; на третій

годъ поѣхала сама. «Дай, говоритъ, я поѣду: не найду ли я своихъ родимыхъ братьевъ!» — Пріѣхала къ этой избушкѣ; поставила своего коня; вошла въ избушку и говоритъ этой старушкѣ: «здравствуй, говоритъ, старушенька! Не видала ли ты тутъ *вьюношевъ*? не проѣзжали ли?»—Видѣла, говоритъ, *вьюношей*; видѣла, матушка; только ты, говоритъ, поѣдешь туда же: на̀ тебѣ блюдечко; пріѣдешь на море, не привязывай своего коня къ осиновому колу, а къ березовому, такъ ты увидишь братцевъ; а коли къ осиновому привяжешь, такъ и сама тамъ останешься. Возьми, говоритъ, въ блюдечко почерпни водицы и сорви травки, и возьми, говоритъ, кропи на всѣ четыре стороны: и птица Говорокъ за тобой пойдетъ и братцы за тобой поѣдутъ. Вотъ она пріѣхала, стала на всѣ четыре стороны кропить, и птица Говорокъ за ней пошла и братья за ней встали, пошли; и съ сестрой поздоровались. «Ахъ, говорятъ, сестрица, долго мы уснули!» — Еще бы вамъ, братцы, спать, кабы не я. — «Ахъ, говорятъ, сестрица, мы всего, говорятъ, три часа спали!»—Нѣтъ, говоритъ, братцы, вы три года спали. — Вотъ они ѣдутъ; птица Говорокъ за ними летитъ, и страсть сколько народу валитъ. Ну, вотъ они пріѣхали въ домъ свой, и эта птичка сѣла за столбокъ.

Прослышалъ царь, что въ такомъ мѣстѣ, у такихъ *вьюношевъ* есть птица Говорокъ. Ну, вотъ этотъ царь пріѣзжаетъ къ нимъ; эта дѣвушка взметалася: «что мнѣ дѣлать? Чѣмъ его угощать? Чѣмъ мнѣ его подчивать?» — А птица Говорокъ говоритъ: будетъ угощенъ, будетъ уподчиванъ. — Вотъ она его всѣмъ угощала, всѣмъ подчивала. Царь подымается и изъ-за стола вонъ; вотъ она и говоритъ (птица Говорокъ): что жь ты, говоритъ, дѣвица, холодное позабыла?—Она сейчасъ подала огурецъ: дорогими камнями начиненъ и всю горницу *осьяѣлъ*. Царь и говоритъ: «какъ это можно такое кушанье кушать?»—А птица Говорокъ и говоритъ: «а какъ это можно

человѣку родить двухъ щенятъ да часть древа?» Онъ взялъ поѣхалъ домой; пріѣзжаетъ къ сыну и сказываетъ, какъ онѣ его этимъ кушаньемъ угощали. Взявши того, не откладывавши лошадей, поѣхали съ сыномъ опять къ нимъ.

Опять дѣвушка взметалась: чѣмъ мнѣ ихъ угощать, чѣмъ подчивать? — Вотъ птица Говорокъ и говоритъ: «не ворчи, дѣвушка; будетъ онъ угощенъ, будетъ уподчиванъ.» Вотъ она стала ихъ угощать всякими закусками; вотъ поднимаются они вонъ изъ стола, птица Говорокъ и говоритъ: «что жь ты, дѣвушка, холодное позабыла?» — Она сейчасъ имъ подала холодное, опять тотъ же огурецъ. Онъ и говоритъ: «какъ это можно царю это кушанье кушать?» Онъ только надвелъ ножикъ, огурецъ весь и разсыпался. А птица Говорокъ и говоритъ: «какъ это можно женщинѣ часть древа родить да двухъ щенятъ?» А онъ и говоритъ: да, точно такъ у меня невѣстка родила двухъ щенятъ да часть древа. — А она и говоритъ: «нѣтъ, говоритъ, это напрасно. Вотъ ваши дѣти; это сестры ихъ скрали; имъ ненавистно стало: гдѣ это видано, чтобы меньшая сестра старшими повелѣвала.» — Какъ же намъ теперь быть: ее ужь теперь, смотри, въ живыхъ нѣтъ. —

Иванъ царевичъ сейчасъ кинулся въ сенатъ, всѣ эти дѣла скомандовалъ; столбъ этотъ разбили и она, какъ сейчасъ родилась, ничуть не похудѣла, еще *полутчьла* (похорошѣла). Вотъ что Богъ-то дѣлаетъ! Взяли ее и поѣхали; и *вьюношевъ* этихъ взяли, и птица Говорокъ за ними полетѣла; и сады ихъ за ними пошли: и пташки соловьюшки всѣ запѣли на распѣвъ. А этихъ сестёръ къ конному хвосту привязали, да по чистому полю растрепали. А мнѣ дали красный колпакъ, какъ зачали меня въ шею толкать; а дали мнѣ синій кафтанъ; ворона летитъ, говоритъ: «синь кафтанъ», а я думала: «скинь кафтанъ». Взяла и скинула.

(Записана мною въ с. Жолчинѣ).

22.

БЕЗРУЧКА.

Жилъ-былъ братъ съ сестрой; братъ охотникъ былъ за охотою ѣздить, зайцевъ ловить. А сестрица охотница была заячьи пупочки ѣсть. Онъ поѣдетъ, говоритъ: «прощай, сестрица!» А пріѣдетъ: «здорово, сестрица!» Каждый разъ такъ; и ничего она не ѣдала, кромѣ заячьихъ пупочковъ. Вотъ женѣ и не любо стало, что братъ съ сестрой прощается и здоровается. Въ первый разъ поѣхалъ, жена взяла на стойлѣ коня зарѣзала. Ѣдетъ мужъ; она его и встрѣчаетъ. «Поди, мой другъ милый, поди, мой другъ любезный! Что твоя милая сестрица надѣлала: что нелучшаго коня на стойлѣ зарѣзала!» — А онъ и говоритъ: «Ну, не съ конемъ жить, а съ родимой сестрицей!» Пришелъ, опять говоритъ: «здорово сестрица», да заячьи пупочки подаетъ ей на ножѣ. И опять поѣхалъ за зайцами: «прощай, говоритъ, сестрица!» —

Женѣ опять *пуще* досадно стало. Во второй разъ что не лучшаго вола на стойлѣ зарѣзала. Вотъ идетъ опять мужъ; она опять встрѣчаетъ его: «поди, мой другъ милый, поди, мой другъ любезный! что твоя сестрица надѣлала: что нелучшаго вола на стойлѣ зарѣзала.» — А онъ опять и говоритъ: «ну, говоритъ, не съ воломъ жить, а съ родимой сестрицей.» Пришелъ, опять говоритъ: «здорово, сестрица!» потомъ опять поѣхалъ за зайцами. «Прощай, говоритъ, сестрица!»

Она опять въ третій-то разъ дѣтища своего въ колыбели зарѣзала. Идетъ мужъ съ охоты; она опять его встрѣчаетъ: «поди, мой другъ милый, поди, мой другъ любезный!» — посмотри, что твоя сестрица надѣлала. Ты все ей прощаешь!»— Онъ спрашиваетъ, говоритъ: что такое? — «Твоего дѣтища,

говоритъ, въ колыбели зарѣзала.» — Онъ разсердился на сестру, собралъ сходъ, и говоритъ: «братцы мои! что вы мнѣ присовѣтуете съ сестрой дѣлать? И всѣ бѣды и всѣ вины ей прощалъ: вопервыхъ любаго коня, вовторыхъ любаго вола, вътретьихъ любаго дѣтища зарѣзала.» Народъ и присовѣтывалъ: дай ей, говоритъ, топоръ; коли она свои руки отрубитъ, то она твоего дѣтища зарѣзала; коли она своихъ рукъ не отрубитъ, то не она твоего дѣтища зарѣзала. — Дали ей топоръ; она и говоритъ: «нѣтъ, говоритъ, братецъ родимый! я своихъ рукъ не могу рубить; а коли хотите, рубите сами». Братъ топоръ взялъ, руки ей отрубилъ, одѣлъ ее въ шубеночку, подпоясалъ и послалъ со двора: «ступай, куда хочешь»—

Она ходила, ходила, ходила и пришла въ царскій садъ; перелѣзла кой-какъ черезъ плетень и стала жить въ саду; захотѣлось ей поѣсть, она яблочки надкусывала: сорвать ей нельзя, рукъ нѣтъ. Царскій сынъ гулялъ и видитъ, что у нихъ яблочки надкусанныя. Приходитъ, отцу-матери сказываетъ: «батенька-маменька! что это у насъ въ лѣсу за звѣрокъ такой? Яблочки не сорваны, а надкусаны. Знать какой-нибудь звѣрокъ, говоритъ, есть. Батенька и маменька, говоритъ, позвольте мнѣ, говоритъ, погулять съ собачками.» — Отецъ позволилъ.

Пошелъ онъ гулять; ходилъ, ходилъ по саду съ собачками и пришелъ къ малинѣ; тутъ такъ пристали собачки, *брешутъ* (лаютъ). Онъ и говоритъ: «скажи, кто есть христіанинъ? Коли старая старушка, будь мнѣ бабушка. Коли молодая молодушка, будь мнѣ тетушка; коли красная дѣвица, будь мнѣ невѣста. А коли не выйдешь, такъ я собачками затравлю!» Вотъ она и вышла, и такая-то прекрасавица дѣвушка, только безъ рукъ. Привелъ онъ ее къ отцу къ матери; проситъ у отца-матери позволенья жениться. Они своего сына уговаривать: мы тебѣ возьмемъ съ имѣньемъ, богатую, а эта безру-

кая! — Онъ и говоритъ: «не вамъ съ ней вѣкъ вѣковать, а мнѣ.» Они позволили жениться; онъ на ней женился.

Сдѣлалась она беременна; а онъ уѣзжаетъ, и отцу—матери приказываетъ: «маменька—тятенька! не бросьте мою хозяйку при этомъ случаѣ.» Вотъ она потомъ ему родила сына по́ локти ручки въ золотѣ, по колѣно ножки въ серебрѣ, по бокамъ часты звѣзды, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, а на затылкѣ красно солнце. Отецъ съ матерью пишутъ къ своему сыну письмо. «Дитятко наше милое, любезное! Родила твоя хозяйка дѣтище и мы отъ роду такого не видали; такого Богъ далъ дитя, *свѣту просвященье*.» И послали человѣка съ письмомъ къ нему, къ сыну. Вотъ человѣкъ пошелъ съ письмомъ и, не знавши, зашелъ къ снохѣ, которая дитятю-то зарѣзала. Она этого человѣка такъ приласкала, напоила, накормила и постель послала. Онъ легъ спать и уснулъ. Она, взявъ это письмо, изорвала и написала къ нему другое письмо. «Дитятко милое! родила твоя хозяйка, а наша невѣстка такое дѣтище, что мы отъ роду не видывали: волчиныя лапы, медвѣжьи взгляды, собачья морда.» Принесъ этотъ человѣкъ ему письмо; онъ оттуда письмо пишетъ: «милые папенька — маменька! не *трогьте* (трогайте) мою хозяйку до моего пріѣзда.»—Онъ опять, человѣкъ этотъ, опять зашелъ къ этой женщинѣ. Она опять его припокоила и паръ ему собрала; онъ полѣзъ париться. Она сейчасъ проглядѣла письмо и изорвала и написала письмо: «милые мои папенька и маменька! чтобы къ пріѣзду моему моей хозяйки не было, чтобъ сослать ее.» Вотъ человѣкъ, не знавши, приноситъ къ отцу матери письмо. Отецъ съ матерью прочитали; слезно заплакали. «Ну, говоритъ, милая невѣстушка! нельзя намъ тебя держать.» Взяли ее одѣли; за пазушку ребёночка положили, и сослали ее со двора.

Она и пошла; ходила, ходила да къ рѣчкѣ и пришла. Захотѣлось ей напиться; она припагнулася; ребеночекъ у ней упалъ

въ рѣчку изъ пазухи. Идетъ старичекъ и говоритъ: о чемъ ты, голубушка, плачешь? — «Батюшка мой, у меня вотъ ребеночекъ въ рѣчку упалъ; а мнѣ не чѣмъ достать его; у меня рукъ нѣту.» — Онъ и говоритъ: поди, вонъ стоятъ два колодезя. На лѣво колодезь стоитъ, ты поди посмотри въ него; а на право-то колодезь стоитъ: правой кухтой (оставшейся частью руки) перекрестись да окуни въ колодезь-то; а потомъ, говоритъ, лѣвой кухтой перекрестись да окуни въ колодезь. — Она пошла; правой-то перекрестилась, окунула, ей Богъ далъ руку; она другой перекрестилась, окунула, ей Богъ далъ другую. Потомъ пошла, подходитъ къ рѣчкѣ: ребеночекъ ея сидитъ, играетъ цвѣточками. Это ужь Господь Богъ его вынулъ. А старичекъ и спрашиваетъ: что жь ты, милая, у этого колодезя видѣла, который на лѣвой рукѣ? — Она говоритъ: «тамъ, говоритъ, я видѣла ужи, змѣи, всякая гадина.»—Тутъ-то, говоритъ, твоей снохѣ то быть; а ты, говоритъ, ступай; спаси тебя Богъ! —

Она шла, шла и пришла къ своей снохѣ-то и попросилась ради Христа ночевать. А на то время ея братъ и мужъ пріѣхали изъ полка и добиваются, кто бы сказалъ сказочку хорошенькую. Она и говоритъ: «коли угодно, господа, я вамъ скажу сказочку. Только я стану сказывать—не перебивать и изъ комнаты не выходить»... (Окончанье также какъ въ варіантѣ у г. Аѳанасьева, вып. 3-й, № 13).

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

23.

СЕРЕБРЕНАЯ ГОЛУБКА.

Въ одномъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ жилъ былъ царь молодой. Ѣздила къ этому царю волшебница; у ней была

дочь. Хотѣлось ей отдать ее за царя замужъ. Царь, знавши эту волшебницу, никогда и не думалъ на ней жениться. Понравилась царю также царская дочь, онъ на ней и женился; онъ это тихонько отъ волшебницы-то. Потомъ царь задаетъ балъ и сзываетъ весь городъ. Пріѣзжаетъ и волшебница съ дочерью и удивляется: «когда это царь женился?»—

Долго ли, коротко ли прошло время, царица забеременѣла; черезъ нѣсколько времени пріѣзжаетъ волшебница съ дочерью къ царю въ гости. И зоветъ волшебница царицу въ садъ гулять и съ своей дочерью. Пошли. Вдругъ волшебница и оборотила царицу въ серебреную голубку, а свою дочь сдѣлала такъ, какъ лице царицы и привела ее какъ царицу. А у царя сердце почувствовало, а не знаетъ къ чему это.

Сколько времени голубка летала, летала и вдругъ устала, о берегъ ударилась и сдѣлалась царицей и сама удивилась, отчего это такъ случилось; и видитъ за рѣкой городъ, и отъ этого удару, отъ трясенья родила себѣ двухъ сыновей. И какъ они ее удивили, сейчасъ съ ней и заговорили: «мамаша, говорятъ, переплывемте эту рѣку!»—Какъ же?—«Да вонъ, говорятъ, доска плыветъ; вы насъ-то къ ней привяжите, а самито плывите».—Она послушалась ихъ, привязала ихъ къ доскѣ, и переплыли рѣку. Вышла съ ними на берегъ, поблагодарила Бога, пошла къ городу, понесла своихъ дѣтей. Приходитъ въ городъ, просится у одной старушки, и спрашиваетъ: «пусти, говоритъ, меня, старушка, пожить!»—Иди, матушка, иди, молодушка! Какого ты роду?—Видитъ, что она нѣжная.—«Ну, бабушка, поживу, такъ я тебѣ скажу». И только старушка видитъ, что ея дѣти такія маленькія, а говорятъ; и выросли они въ нѣсколько дней. Стали просить мать, чтобы выучить ихъ грамотѣ. Наняла она имъ учителя; скорехонько выучились грамотѣ; и хотѣлось имъ выучиться на кларнетѣ и

флейтѣ. И такъ выучились играть дивно, что никто отъ роду не слыхивалъ, чтобъ кто такъ игралъ.—

А въ этомъ городѣ на расхватъ этихъ мальчиковъ, чтобы послушать ихъ музыку; а играютъ они все свое похожденье; все такъ и выговариваютъ кларнетъ и флейта. Идетъ царь, ихъ отецъ; онъ былъ въ томъ же городѣ; она (прежняя жена) думала, что ужь у царя другая и не ходила къ нему; оплакивала только свою судьбу. Царь идетъ и вслушивается, что такое они наигрываютъ и такъ понятно; и вдругъ его сердце забилось и такъ ему понравились эти мальчики. Онъ подходитъ и спрашиваетъ: «чьи эти мальчики?»—Они сказываютъ: маменькины. «Гдѣ же она живетъ?»—Она живетъ у бабушки. «Какъ ее зовутъ?»—Они сказали, какъ ее зовутъ. Она какъ ихъ отпускала ходить по улицѣ всегда съ материнымъ благословеньемъ: благословила имъ по яичку. Взялъ ихъ царь къ себѣ во дворецъ.

Потомъ государь имъ отдѣлилъ комнату, приставилъ дядьку; а ужь эта волшебница *пронюхала* (узнала), что это ея дѣти и наказала ей (дочери) непремѣнно извести этихъ мальчиковъ. Приходитъ ночь, царь проводилъ ихъ спать. Царица, волшебницева дочь, сдѣлала составъ яду, и идетъ ихъ извести. Подошла къ двери и спрашиваетъ: «дѣти, вы спите?» — Они еще не спали, говорятъ: нѣтъ. Она ушла прочь. Прошло сколько времени, она опять приходитъ, спрашиваетъ: «дѣти, вы спите?» — А благословенье-то ихъ, яички и говорятъ: нѣтъ. Она опять пошла прочь отъ двери: хотѣлось ей спящихъ отравить. Потомъ приходитъ она въ третій разъ; они, яички-то, только полночь одну отвѣчали; а это ужь за полночь, они и не отвѣчаютъ. Она входитъ къ нимъ, намазала имъ рты какимъ-то составомъ. Они такъ и заснули мертвымъ сномъ.

Мать ихъ узнала сердцемъ, что что-то такое недоброе;

ударилась о землю, сдѣлалась серебреной уточкой, прилетѣла прямо въ окно, ударилась о полъ, сдѣлалась царицей, и видитъ своихъ дѣтей умершихъ. Поплакала надъ ними, опять ударилась о землю, сдѣлалась голубкой и вылетѣла вонъ. Въ это время царь шелъ къ нимъ посмотрѣть, какъ они пріятно спятъ, и увидалъ такое чудо—серебреную голубку, разбудилъ ихъ дядьку, и говоритъ онъ ему: «давай покараулимъ! что это за голубка?» И стали они приготовляться, чтобъ ее захлопнуть. Вдругъ прилетаетъ голубка, ударилась о полъ, сдѣлалась опять царицей и начала *что это такое* (что-то) дѣлать надъ своими дѣтьми. Тотъ и другой оба чихнули; она перекрестилась. Царь съ дядькой потихоньку смотритъ: «что это за диво такое! ты видишь?»—«Вижу, ваше величество, такое диво!»—Потомъ она ихъ перекрестила, сдѣлалась голубкой, хотѣла летѣть; они вдругъ захлопнули окно. Ударилась она о стекло и сдѣлалась царицей. Царь вбѣгаетъ и видитъ, что это его жена; а его царица, волшебницева дочь, спитъ. Сколько времени, когда онъ съ той женой жилъ, все ему казалось, что это какъ будто не она. Тутъ она ему все разсказала. Потомъ царь оставилъ царицу ту въ кабинетѣ; встаетъ утромъ, собираетъ балъ, всѣхъ своихъ знакомыхъ, всѣхъ королей, всѣхъ собираетъ. Со всѣми посовѣтовался, какую бы смерть задать волшебницевой дочери. Всѣ присовѣтовали разстрѣлять, и разстрѣляли ее вмѣстѣ съ матерью. А съ этой женой онъ сталъ жить, да поживать.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

24.

ИВАНЪ-ДУРАКЪ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой. У нихъ было три сына: двое умныхъ, а третій дуракъ. Къ этому старику повадился

ходить воръ на поле и ѣсть просо. Онъ и велѣлъ своимъ тремъ сыновьямъ караулить просо по очереди. Первый, старшій, не могъ поймать вора; средній — тоже. На третью ночь пошелъ младшій; взялъ краюшку хлѣба, лапоть и веревку и пошелъ взлѣзъ на березу; завязалъ веревку петлей и спустилъ на землю. Видитъ: идетъ воръ, а этотъ воръ былъ сивка-бурка, а съ ней двѣнадцать лошадей. Онъ и подставилъ петлю прямо противъ нея, и какъ она стала ѣсть просо, ногой-то и попала въ петлю. А онъ петлю-то и затянулъ; затянулъ и сошелъ на землю. Она и стала его просить, чтобъ онъ ее не водилъ къ отцу; дала ему три лошади: двѣ братьямъ, а третью худенькую ему. Онъ согласился; пришелъ къ отцу одинъ и разсказалъ, кто у него ѣстъ просо

Много ли, мало ли спустя, всѣ братья отпросились у отца странствовать. Они сначала заѣхали къ ягѣ-бабѣ; сватаютъ у ней дочерей себѣ замужъ. А у ней была только одна дочь; и была у ней другая сестра; у той было двѣ дочери. Она и послала за ними. Да братья на нихъ не женились: «хотимъ-де на трехъ родныхъ сестрахъ жениться». Вотъ яга-баба и посылаетъ ихъ къ третьей своей сестрѣ. А у этой сестры было три дочери: двѣ хорошихъ, а третья не хорошая. Пріѣхали къ этой сестрѣ. Конь и говоритъ дураку: «смотри, къ вамъ приведутъ трехъ невѣстъ; ты, смотри, не бери хорошихъ, а возьми не хорошую; оботри ее и поцѣлуй!» Дуракъ такъ и сдѣлалъ. Какъ только пришла ночь, они всѣ вмѣстѣ съ женами легли спать на полати. А на этихъ полатяхъ былъ топоръ-ходунъ и коверъ-самолётъ. Три сестры легли къ стѣнѣ, а три брата къ краю. Лошадь и говоритъ дураку: «смотри! яга-баба хочетъ васъ всѣхъ троихъ зарѣзать, а насъ, коней, себѣ взять. А вы смотрите, переложите ея дочерей къ краю, а сами ложитесь къ стѣнѣ. Она и зарѣжетъ своихъ дочерей, а не васъ. А ты, дуракъ, не спи: какъ она ихъ зарѣжитъ, я заржу, а ты буди,

братьевъ и бери съ полатей топоръ-ходунъ и коверъ-самолётъ, что лежатъ за щепами. Потомъ садись на насъ, и поѣзжайте въ разныя стороны.» Такъ все и было. Братья поѣхали въ одну сторону, а дуракъ въ другую.

Пріѣхалъ онъ въ одинъ городъ; а въ этомъ городѣ была стрѣльба. Царь былъ влюбленъ въ Елену прекрасную, и одинъ человѣкъ вызывался достать ее и не досталъ: за это его и разстрѣливали. Царь и говоритъ дураку, чтобъ онъ досталъ Елену прекрасную; а за это дастъ ему три мѣста: первое мѣсто противъ себя; второе мѣсто рядомъ; третье на своемъ.— Закручинился Иванъ-дуракъ. Конь ему и говоритъ: «не о чемъ тужить, достанемъ!»

А Елена прекрасная была у не русскаго царя: и ее никуда не пускали. Вотъ Иванъ-дуракъ поймалъ кошку такую прекрасную, какой она не видывала. Выучилъ свою кошку плясать; и вотъ она пляшетъ подъ окномъ Елены прекрасной. Елена прекрасная просто дивова́лась. А дуракъ ей и говоритъ: «ежели вамъ угодно, я завтра вамъ сдѣлаю садъ и будутъ тамъ пѣть соловьи и разныя птицы!» И сдѣлалъ садъ. Вотъ и вышла она въ этотъ садъ. Онъ разослалъ коверъ; она сѣла на коверъ и онъ всталъ на него. И вдругъ полетѣлъ коверъ-самолётъ и привёзъ ихъ къ царю. А царь встрѣтилъ ихъ со звономъ. Её проводили во дворецъ; она и говоритъ, чтобъ *безпремѣнно* достали ей ея няньку: «а то за́мужъ не пой ду!» Царь и приказываетъ Ивану-дураку достать няньку. Иванъ-дуракъ закручинился, приходитъ къ коню и плачетъ: «какъ мнѣ няньку достать?» Конь ему и велѣлъ купить ситцевъ. Вотъ онъ купилъ ситцевъ, пріѣхалъ на корабляхъ въ тотъ городъ, гдѣ была нянька. Приходитъ къ ней на́ домъ; говоритъ: «я пріѣхалъ съ разными товарами! Не угодно ли купить?» — Она и говоритъ: «теперь господъ дома нѣтъ; а я завтра къ вамъ сама прійду!» Вотъ она приходитъ къ нему на

корабль. Сталъ онъ водить ее изъ одной каюты въ другую — товары показывать. А корабль межь тѣмъ ѣдетъ да ѣдетъ. Такъ онъ и увёзъ ее къ Еленѣ. Елена прекрасная опять говоритъ: «чтобъ *безпремѣнно* достать мнѣ моего коня!» Царь опять велитъ Ивану дураку. Закручинился Иванъ-дуракъ, пришелъ къ коню, плачетъ: «какъ мнѣ достать коня?» Конь ему и говоритъ: «возьми двѣнадцать шкуръ съ булавками!» Онъ взялъ, отправился, пришелъ къ конюшнѣ, гдѣ былъ Еленинъ конь... Конь заржалъ; самъ вышибъ двѣнадцать дверей желѣзныхъ и бѣжитъ за дуракомъ.... Онъ надѣлъ на свою лошадь эти шкуры.... Какъ послѣднюю шкуру сбросилъ, такъ она и взошла на дворъ къ царю-то.

Тутъ царь женился на Еленѣ; а ему далъ мѣсто противъ себя, подлѣ себя и свое. И стали они жить да поживать.

(Записана мной въ г. Казани. Мы не рѣшились возстановлять на угадъ незначительныхъ пропусковъ, оказавшихся въ концѣ сказки отъ поспѣшности записыванья).

25.

ДВА БРАТА.

Жилъ-былъ старикъ со старухой и были они страшно лѣнивы. Онъ и поѣхалъ за дровами; видитъ: лежатъ два яйца; онъ ихъ и поднялъ; принесъ продавать и продалъ очень дорого одному купцу. Поѣхалъ на другой день въ лѣсъ и увидѣлъ утку; онъ опять этому же купцу продалъ. Купецъ сдѣлалъ особенную комнату, нанялъ горничную, чтобъ за ней ходить и не отпускаетъ ее никуда изъ комнаты. А самъ уѣхалъ на ярмарку и не велѣлъ ее безъ себя ни колоть, ни отпускать никуда.

Только пришелъ къ купцу въ домъ гость. Онъ и увидалъ эту утку, а подъ крыломъ у ней написано: «кто голову съѣстъ, тотъ будетъ царемъ; кто горло съѣстъ, тотъ будетъ золотомъ харкать» (плевать). Поваръ увидалъ эту утку и отдалъ голову и горло хозяйскимъ дѣтямъ. Подалъ на столъ безъ головы и горла; а гостю только головы да горла и хотѣлось. Гость и спрашиваетъ: «куда дѣвались горло и голова?» Я, говоритъ, отдалъ дѣтямъ хозяйскимъ. Вотъ онъ и говоритъ, чтобъ зарѣзать ихъ и вынуть горло и голову. Поваръ взялъ ихъ, завёзъ къ рѣчкѣ, пустилъ; а самъ зарѣзалъ другую курицу, подалъ вмѣсто той. Гость-то съѣлъ; посидитъ, посидитъ, да и харкнетъ: а золота-то и нѣтъ.

А дѣти-то возлѣ рѣчки проснулись. Старшій увидѣлъ столбъ и взлѣзъ на него и увидалъ царство. А въ томъ царствѣ не было царя; и сдѣланъ былъ хрустальный мостъ, и велъ онъ въ городъ, чтобъ, кто первый пройдетъ по мосту, того и сдѣлать царемъ. Онъ и прошелъ; его и сдѣлали царемъ.

Меньшой братъ тоже проснулся, а старшаго брата ужь нѣтъ. Взлѣзъ онъ на столбъ. увидалъ этотъ же мостъ; прошелъ по мосту. Увидалъ кельёнку, вошелъ въ неё; видитъ: старуха торгуетъ яблоками и орѣхами—тѣмъ и жила. Она и заставила его торговать яблоками; а онъ какъ выйдетъ, всѣ яблоки мальчишкамъ роздастъ, а самъ золота нахаркаетъ. Все такъ и торговали и накопили денегъ. Послалъ онъ старуху къ царю покупать старый дворецъ. Она пошла; царь и проситъ за него пять пудовъ золота; а у нихъ было только три. Стали они опять торговать; накопили еще два пуда. Купили дворецъ, стали жить да поживать. И вотъ посылаетъ онъ старуху сватать у царя дочь. Царь и велѣлъ привести его самого. Она и привела его. Царь-то и узналъ въ немъ брата. Стали жить да поживать.

(Записана мной въ г. Казани).

26.

ТОЖЕ ДВА БРАТА.

Жилъ мужъ съ женой скудно. У нихъ нѣтъ ничего. Онъ пошелъ къ сосѣду. Они молотятъ гречиху; онъ взялъ да гречишки положилъ въ карманъ. Пришелъ, гусыню покормилъ. Она яйцо снесла. Поѣхалъ онъ на базаръ. взялъ сто рублей за него. Привезъ домой; она ему еще яйцо снесла. Онъ и за него на базарѣ взялъ сто рублей. Ну, эти сто рублей привезъ; она ему третье яйцо снесла. Онъ и за третье взялъ сто рублей. Пріѣзжаетъ домой. «Ну, говоритъ, жена! какъ ты, говоритъ, свою голову бережешь, такъ и гусыню мою береги.» А самъ уѣхалъ въ иную землю товаромъ торговать.

Она безъ него полюбила дворянина; приходитъ дворянинъ. «Зарѣжь твою гусыню, а то не буду въ гости ходить.» Она зарѣзала. Приходятъ сыновья: гусыню и съѣли. Одинъ съѣлъ крылышки и кишечки; другой пупочекъ. Дворянинъ приходитъ къ ней въ гости. Она сейчасъ гусыню подаетъ. Онъ ей и сказываетъ: что ты мнѣ гусыню подала! Что въ гусынѣ было, то подай. — Она сейчасъ побѣжала къ поварамъ, спрашиваетъ: «а гдѣ у нея крылышки, пупочекъ и кишечки?» — Они говорятъ: твои сыновья поѣли. — «Зарѣжте, говоритъ, моихъ сыновьевъ.» Они, эти сыновья, пришли къ поварамъ; повара сидятъ и плачутъ. «О чемъ вы, повара плачете?» — Приказала, говорятъ, ваша мать васъ зарѣзать. — «Ихъ! говорятъ, вы не знаете: вонъ у суки щенята; вотъ и зарѣжте!» Они взяли и зарѣзали щенятъ. Мать приходитъ; они ей и отдали; она понесла къ дворянину. Тотъ и наѣлся.

А сыновья ушли въ другія земли. Кто крылышки и кишечки съѣлъ, тотъ сдѣлался царемъ. Кто пупочекъ съѣлъ, нанялся

къ купцу работникомъ. Купецъ видитъ, что онъ хорошо торгуетъ, взялъ дочь замужъ за него отдалъ; и самъ уѣхалъ отъ него въ иныя земли торговать. А зять остался дома. Стали на него жаловаться купцу, что «зять плохо торгуетъ: что стоитъ три цѣлковыхъ, онъ за два да за рубль отдаетъ.» А онъ это чтобъ народъ приманивать, а самъ золотомъ харкалъ. Не послушалъ купецъ; пріѣзжаетъ самъ. «Ну, говоритъ, зять, дай мнѣ отчетъ: что ты безъ меня наторговалъ?» — Онъ принесъ ему, что наторговалъ; и еще цѣлую мѣру золота, что наплевалъ. А купецъ-то не знаетъ, что онъ золотомъ плюетъ. Онъ ужаснулся: сосчитать не могъ. Взялъ опять уѣхалъ. «Живи, говоритъ, какъ жилъ, любимый затюшка!»

Вотъ жена тутъ его не взлюбила; полетѣла съ нимъ на море. У нихъ былъ самолётный коверъ. Онъ уснулъ на морѣ; она его взяла въ море столкнула. Вотъ ему во снѣ снится: «приплывутъ къ тебѣ три доски, ты на одну встань, на другую переступи, третья впередъ будетъ переходить.» Онъ проснулся, и плывутъ къ нему три доски. Онъ на одну всталъ, на другую переступилъ, третья впередъ переходитъ. Онъ перешелъ на берегъ. «Господи, хоть бы какая провальная яма пришла: мнѣ бы лучше было!» И провалился онъ къ жидамъ и говоритъ: «я, говоритъ, умѣю на балалайкѣ играть.» Они ему что струнъ натаскали. Онъ ихъ всѣ порвалъ. Они ему отвѣчаютъ: что ты, братецъ, рвешь? — «Они у васъ братцы, плохія: дайте я вамъ выберу.» — Вотъ жиды его съ собой взяли струны выбирать. Онъ и помянулъ: «Господи, куда это они меня несутъ?»—И сталъ на своемъ берегѣ.

Пошелъ по своей сторонѣ и видитъ: ростутъ три яблони. Онъ съ одной сорвалъ яблочекъ, съѣлъ; и у него выросъ горбъ да рогъ. Онъ съ другой сорвалъ и опять у него выросъ горбъ да рогъ. Онъ съ третьей сорвалъ и съѣлъ: соскочили съ него и горбы и рога. Вотъ онъ и приходитъ къ дому сво-

ему и шумитъ (кричитъ): «яблоковъ, яблоковъ!» Услышала она. «Няньки, говоритъ, пойдите: мнѣ яблочковъ купите. Почемъ, говоритъ, яблоки?» — По двугривенному за яблоко. Она купила четыре яблока. Выросъ у ней горбъ да рогъ: четыре горба и четыре рога. Сидитъ она дома; никуда не движима: во всѣ углы уперлась. Вотъ онъ взялъ ушелъ, въ иное платье нарядился. «Вашу, говоритъ, могу вылечить барыню.» Пришелъ онъ къ ней въ горницу и всѣхъ выгналъ изъ горницы. «Я, говоритъ, буду ее лечить.» Всѣ вышли изъ комнаты, онъ вытащилъ плеть, началъ ее бить. «Отдай, говоритъ, мой пупочекъ.» Она ему отдала. Повела его въ баню парить. Онъ и говоритъ: «подай мой пупочекъ, я, говоритъ, съѣмъ!» Отдала; онъ и съѣлъ. Выпарился въ банѣ и попросилъ у ней напиться. Она ему подала зельевъ. Онъ напился этихъ зельевъ и опять этотъ пупочекъ выблевалъ. Она сама его съѣла и стала золотомъ харкать.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

27.

РАБОТНИКЪ.

Жилъ-былъ хозяинъ въ селѣ; нанялъ онъ себѣ работника, сдѣлалъ съ нимъ условіе: чтобы жить работнику всегда у хозяина, потому что у него работники не уживались. Если работникъ не уживется, то у него изъ спины ремень, а въ голову молоткомъ; если уживется, то у хозяина изъ спины ремень, а въ голову молоткомъ. — Вотъ хозяинъ видитъ, что работникъ у него уживается. Хозяинъ что не заставляетъ работника дѣлать, онъ все дѣлаетъ. Хозяинъ видитъ, что дѣло плохо. А у нихъ въ лѣсу водилось множество медвѣдей.

Хозяинъ и послалъ его за медвѣдемъ; сказалъ ему: «поди, приведи мнѣ бурка (медвѣдя) изъ лѣсу!» Работникъ пошелъ, привелъ медвѣдя; спрашиваетъ: хозяинъ! куда жь мнѣ бурку дѣвать? — Хозяинъ видитъ: дѣло плохо. «Запряги, говоритъ, его въ телѣгу. Поди, собирай мои долги: мнѣ долженъ въ одномъ омутѣ водяной дѣдушка!»

Работникъ поѣхалъ на медвѣдѣ къ этому омуту. Пріѣхалъ, распрёгъ медвѣдя, пустилъ подлѣ себя гулять. А у работника были *вершки* (пакля); онъ началъ изъ нихъ вить веревочки. Выскочилъ изъ воды чертёнокъ и спрашиваетъ: что ты, дядюшка, вьешь?—«Веревочки вью! берега (т. е. одинъ берегъ къ другому) сжимать, а васъ старыхъ чертей изъ воды выживать!» Чертёнокъ бросился прямо въ омутъ и сказываетъ своему водяному дѣдушкѣ: «дѣдушка, дѣдушка! Я былъ на берегу; тамъ сидитъ мужичёкъ, веревки вьётъ. Я его спрашивалъ: что ты дѣлаешь? Онъ сказалъ: «хочу берега сжимать, васъ старыхъ чертей выживать!»—Поди, спроси: что ему надо?— А работникъ вырылъ яму; на яму поставилъ шляпу, а въ шляпѣ на днѣ вырѣзалъ дыру. Чертёнокъ вышелъ и спрашиваетъ: «что же тебѣ надо?»—Наноси мнѣ вотъ въ эту шляпу золота. Чертёнокъ пошелъ, сказалъ дѣдушкѣ.—Поди, говоритъ дѣдушка, скажи ему: кто кого опередитъ бѣжать?—Пришелъ чертёнокъ къ работнику; а у работника былъ заяцъ. Работникъ и говоритъ: «у меня есть мальчикъ съ пальчикъ, и онъ тебя опередитъ!» Пустилъ чертёнка съ зайцемъ. Заяцъ туда, сюда, сталъ вертѣться и убѣжалъ изъ глазъ. Чертёнокъ и не видалъ, куда тотъ убѣжалъ. Приходитъ назадъ въ омутъ къ дѣдушкѣ и говоритъ: «у него есть мальчикъ съ пальчикъ: тотъ меня опередилъ и изъ глазъ у меня ушелъ.» — Поди, скажи ему: кто кого переборетъ?— Приходитъ чертёнокъ къ работнику и говоритъ: «дядюшка, дядюшка! Давай бороться!»— Гдѣ тебѣ, говоритъ, бороться? У меня есть старичёкъ, и тотъ

тебя поборетъ! — И послалъ его къ медвѣдю. Стали они бороться. Медвѣдь ударилъ такъ, что чертёнокъ сразу улетѣлъ подъ небеса. Воротился назадъ чертёнокъ и говоритъ дѣдушкѣ: «дѣдушка, дѣдушка! У него есть старичёкъ: онъ меня какъ ударилъ, такъ я подъ небеса улетѣлъ!» — Дѣдушка далъ ему палку: поди, скажи ему: кто выше эту палку кинетъ? — Чертёнокъ пошелъ, сказалъ. Работникъ и говоритъ чертёнку: «кидай же ты напередъ.» Чертёнокъ кинулъ палку высоко до облака. Приходится работнику кидать палку. Онъ и говоритъ чертёнку: «зажмурься! я брошу такъ высоко, что ты ужь не увидишь—такъ высоко!» Тотъ зажмурился, а онъ бросилъ палку въ кусты *). Когда тотъ *разжмурился*, работникъ и говоритъ: «видишь—моя палка изъ виду вонъ улетѣла!» — Чертёнокъ возвратился въ омутъ. «Дѣдушка, дѣдушка! Я высоко кинулъ палку, а онъ еще выше!» — Нечего дѣлать, стали носить золото, сыпать въ шляпу. А шляпа была на ямѣ: сколько они не носятъ, все шляпа не наполняется. А у нихъ ужь почти вышло все золото, и стали они скучать, когда шляпа наполнится. Лишь яма была полна золотомъ, онъ самъ сказалъ, что больше не надо; взялъ переложилъ золото въ телѣгу, запрёгъ медвѣдя, повезъ къ хозяину.

Хозяинъ удивился, что работникъ его везетъ цѣлый возъ золота. Работникъ и говоритъ: «хозяинъ! вотъ я золото привезъ; куда мнѣ дѣвать золото и куда бурку?» Хозяинъ не зналъ, что сказать, говоритъ: «пусти къ нашей лошади!» Работникъ пустилъ; медвѣдь и съѣлъ лошадь.

Вотъ хозяинъ видитъ—дѣло плохо; начинаетъ съ женой сушить сухари—бѣжать отъ работника. Насыпали мѣшки су-

---

*) Въ варіантѣ этой сказки, который я слышалъ въ г. Ишимѣ—работникъ бьетъ палкой чертёнка по головѣ, объясняя что это отъ свисту, съ какимъ летѣла палка.

харей. Работникъ, не будь дуренъ, сухари изъ одного мѣшка высыпалъ, а самъ туда и сѣлъ. Ночью хозяинъ съ хозяйкой собрались, взяли мѣшокъ, побѣжали куда глаза глядятъ. Бѣжали, бѣжали и устали. Хозяйка и говоритъ: «сядемъ на корточкахъ; отдохнемъ да съѣдимъ пирожокъ.»—А работникъ изъ мѣшка и говоритъ: хозяинъ, хозяюшка, я здѣсь!—«А! онъ насъ догоняетъ, побѣжимъ дальше.» — Вотъ они бѣжали, бѣжали и устали. «Давай отдохнемъ.» Сѣли отдыхать, а работникъ изъ мѣшка: хозяинъ, хозяюшка, я здѣсь! — Соскочили хозяинъ съ хозяйкой, побѣжали опять; бѣжали, бѣжали, устали и говорятъ: «ну, хоть сейчасъ догоняй: силы больше нѣтъ!» Сѣли; стали доставать пирожокъ. Развязали мѣшокъ, а оттуда и вылѣзъ работникъ. «Ну, что, хозяинъ, вырѣзать ремень изъ спины, а въ голову молоткомъ?» — Хозяинъ сталъ просить его помириться; они помирились; стали жить какъ родня.

(Записана мною въ Москвѣ).

28.

СТАРИКЪ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой; у нихъ не было дровъ. Старуха и посылаетъ его за дровами. Вотъ онъ и поѣхалъ. Нарубилъ дровъ, нашелъ одно бревно въ лѣсу, началъ его колоть; возился, возился, никакъ не можетъ расколоть. «Ахъ, чортъ возьми», говоритъ. Только онъ сказалъ, выскочилъ чертёнокъ: на что ты меня, дѣдушка, зовешь? — «Вотъ, говоритъ, надо расколоть дерево.» — Ты бы, дѣдушка, клинъ вбилъ! — Тотъ вбилъ клинъ и раскололъ. Чертёнокъ взялъ руками въ расколотое мѣсто, хотѣлъ его разорвать. Старикъ выдернулъ клинъ, у чертёнка руки придавило. Отпусти меня;

я, говоритъ, дамъ тебѣ ружье-самострѣлъ: какая бы ни была птица, всякую застрѣлишь. — «Мало», говоритъ старикъ. — Дудку, говоритъ, еще дамъ: какъ свиснешь, всѣ плясать будутъ. — Вотъ свиснулъ этотъ чертёнокъ; на его свистъ явился другой чертёнокъ. Онъ велѣлъ ему принести дудку и ружье. Чертёнокъ принесъ; мужикъ взялъ, давай играть на дудкѣ: чертёнокъ весь заскакалъ, руки ему до крови изодрало. «Дѣдушка, говоритъ, пусти пожалуста!» Мужикъ отпустилъ его.

Пошелъ мужикъ съ дудкой и съ ружьемъ. Видитъ птичку; онъ выстрѣлилъ: птичка упала въ рѣпейникъ. Только у рѣпейника шелъ дьякъ; онъ и говоритъ ему: «достань-ка птичку изъ рѣпейника.» Только дьякъ зашелъ въ рѣпейникъ, онъ заигралъ въ дудку: дьякъ заплясалъ, весь рѣпьемъ искололся, плачетъ да скачетъ. Однако старикъ сжалился, бросилъ играть. Дьякъ ушелъ и сталъ жаловаться. Мужика присудили повѣсить на висѣлицѣ; схватили его и повели вѣшать; а онъ дудку съ собой носитъ. Привели его на поле, стали вѣшать. Онъ вынулъ дудку и давай играть; всѣ стали плясать; онъ ихъ измучилъ; до того плясали, что отъ устали попадали на земь. Царь за это его и простилъ.

(Записана мной въ г. Казани).

29.

МУЖЪ СЪ ЖЕНОЙ.

Былъ одинъ крестьянинъ; у него была презлая жена. Что онъ говоритъ что хорошо, а она—худо. Вотъ онъ думалъ, что съ ней дѣлать. Ходитъ по лѣсу и все придумываетъ, что дѣлать. Разъ идетъ и говоритъ: «хоть бы мнѣ лѣшій попался и

научилъ, что мнѣ дѣлать съ женой». Прошелъ не много впередъ, ему и попадается какой-то человѣкъ навстрѣчу, спрашиваетъ его: «отчего ты такой скучный? Я тебѣ помогу, скажи». Онъ ему и говоритъ: моему горю никто не поможетъ, и началъ о женѣ разсказывать. Человѣкъ говоритъ: «пойди завтра, какъ солнце закатится, ты ее и столкни въ рѣку! Если ты жену утопишь, то и сына утопи; а то ты отъ него будешь больше терпѣть горя, чѣмъ отъ нея». Пришелъ онъ домой, хочется жену утопить; а сына-то и жалко. Да и не знаетъ, какъ ее выманить къ рѣкѣ. Вотъ онъ на другой день и говоритъ работнику: «пойдемъ-ка, какой-то тамъ въ рѣкѣ мѣшокъ. Одинъ-то я и не вытащу; вѣрно, съ деньгами». Она выслушала это и пошла. Онъ подкараулилъ ее: пошелъ за ней. Какъ она пришла къ мѣшку (а мѣшокъ-то былъ съ камнями), старается его вытащить, онъ ее и толкнулъ туда, и мѣшокъ на нее бросилъ. Какъ только кинулъ и бѣжитъ. А она и кричитъ ему: «ахъ, ты разбойникъ. Я, вѣдь, здѣсь не умру; а если не дашь мнѣ сына, то я тебѣ покою не дамъ». Онъ пришелъ домой; разсказываетъ всѣмъ, что жена пропала не извѣстно куда.

И надо было ему ѣхать черезъ мостъ въ городъ черезъ рѣку. Какъ только онъ ѣдетъ, жена обернулась въ лягушку и кричитъ: «ква, ква, ква! отдай моего сына». И стала его совѣсть мучить; онъ отдалъ сына сосѣдямъ, а самъ пошелъ въ монастырь; только и радуется, что жена не кричитъ ему. Пожилъ онъ въ монастырѣ нѣсколько лѣтъ. Пошелъ за грибами въ лѣсъ для братіи. И видитъ невидимое множество грибовъ: что дальше, то лучше; набралъ онъ огромный мѣшокъ грибовъ. Подходитъ онъ близко — игуменъ и ѣдетъ; и спрашиваетъ: «покажи-ка грибы». Онъ какъ развязалъ мѣшокъ; изъ мѣшка-то и выскочила его жена и кричитъ: отдай моего сына! —Игуменъ осердился; выгналъ его изъ монастыря.

Пошелъ онъ странствовать; а самъ не знаетъ, гдѣ жена. Пошелъ онъ на сына посмотрѣть; приходитъ туда, куда отдалъ его воспитывать. «Сынъ, говорятъ, твой былъ баловень; все бѣгалъ къ рѣкѣ, игралъ съ лягушками». Пошелъ онъ въ другой монастырь. Только на дорогѣ напали на него разбойники и все у него отняли. Одинъ колотилъ его и всего ограбилъ. Онъ и подумалъ: «какъ этотъ разбойникъ похожъ на мою жену; ужь не сынъ ли это мой?» Какъ только онъ это подумалъ, сынъ и сказалъ: а, видно, ты батюшка узналъ меня. Это я тебя за мать колотилъ; вѣдь, она теперь въ лѣсу. — Отецъ, взялъ, проклялъ его. Только идетъ онъ въ горѣ по лѣсу, гдѣ ему попался лѣшій. Лѣшій опять спрашиваетъ его: что ты такой скучный?—«Какъ же мнѣ не печалиться; ты же меня научилъ жену утопить!» — А зачѣмъ сына не утопилъ? Теперь я отъ тебя отступаюсь; иди отъ меня дальше.—Подошелъ онъ къ рѣкѣ, хотѣлъ утонуть, бухнулся въ рѣку, думалъ, что онъ утонетъ.

Но вдругъ спустился такъ хорошо и сталъ на дно и пошелъ по улицѣ; шелъ, шелъ и дошелъ до дому: «какъ хорошо, думаетъ. Что же это людей нѣтъ? Хорошо бы здѣсь пожить». Подошелъ къ дому, постучался въ ворота. Ужасныя собаки такъ залаяли, что онъ и упалъ. Слышитъ, что кто-то идетъ такими тяжелыми ногами. А онъ лежитъ и думаетъ: «ну, вѣрно, меня убьютъ». Только отворяютъ ворота самые старые старикъ и старуха и говорятъ: «а, батюшка, наконецъ-то и ты пришелъ; а то мы бы тебя утащили. Пойдемъ-ка къ намъ: тебѣ комната приготовлена. Да мы вѣдь не одни; а тебя здѣсь еще кое-кто ждетъ». Онъ дивится, радуется. А у нихъ были ковры, убранство. Чудо!

Подводятъ его къ серебренымъ дверямъ; постучали въ двери: пошла музыка по всему дому, отворились съ музыкой двери; и въ комнатѣ накрыты прекраснѣйшія кушанья. За

этимъ богатымъ столомъ сидитъ его жена съ сыномъ. Они обрадовались ему, посадили его съ собою. Онъ было сперва испугался; но потомъ видитъ, что жена и сынъ перемѣнились: такіе добрые; онъ и не вѣритъ своимъ глазамъ; спрашиваетъ: «разскажите мнѣ, что все это значитъ? Вѣдь, я тебя утопилъ. Отчего ты такая ласковая?»—Оттого, что меня маленькую во время сна лѣшій унесъ отъ матери и воспитывалъ; онъ меня и научалъ, чтобъ я грубила съ тобой. Онъ же тебя и научилъ, чтобъ ты меня бросилъ въ воду. Еслибъ ты не пришелъ, то мы бы вѣчно страдали; а ты пришелъ, такъ будемъ жить счастливо.

Лишь кончили обѣдъ, вдругъ сдѣлалась буря въ водѣ. Онъ ужасно испугался, а жена и говоритъ: это за нами пріѣхали. Взяла она его за руку и вывела на крыльцо. Видитъ онъ: подъ водой по дорогѣ несется тройка прекрасныхъ лошадей. Вотъ они сѣли въ экипажъ, и ихъ въ одну минуту вынесли на берегъ и въ нѣсколько часовъ провезли ихъ трехъ 3000 верстъ, и подъѣхали они къ великолѣпному замку. Въѣзжаютъ, всѣ люди встрѣчаютъ ихъ, а она была лѣшіемъ оттуда унесена. Этотъ домъ былъ барина; они были волшебники и они же дѣлали домъ подъ водой. Съ тѣхъ поръ стали они (мужъ съ женой) жить счастливо.

(Записана мной въ Москвѣ).

30.

ИВАНЪ-ДУРАКЪ И БРАТЬЯ.

Жили-были три брата: два умныхъ, а третій Иванъ дуракъ. Два брата были богатые, а Иванъ-дуракъ бѣдный. Вотъ Иванъ-дуракъ сдѣлалъ телѣгу, созвалъ своихъ братьевъ и говоритъ: «купите, братцы, у меня телѣгу: она сама бѣгаетъ».—

Ну, ладно, говорятъ, посмотримъ, какъ она бѣгаетъ.—Иванъ-дуракъ поставилъ телѣгу на горку; сѣлъ въ нее, она сама и покатилась. Братья купили телѣгу, а Иванъ-дуракъ ушелъ. Они сѣли въ телѣгу; кричатъ: «ну, ну!»—Не ѣдетъ телѣга!—«Ну, обманулъ насъ Иванъ-дуракъ. Пойдемъ, убьемъ его!»

А Иванъ дуракъ пришелъ домой, взялъ пузырь, налилъ его кровью и привязалъ женѣ къ боку; повѣсилъ на стѣнѣ плётку и сѣлъ за столъ. Пришли къ нему братья и говорятъ ему: «ты насъ обманулъ; мы пришли тебя убить».—Не бейте, братцы: я вамъ продамъ плётку, которая оживляетъ. — «Ну, ладно; посмотримъ». Вотъ Иванъ-дуракъ говоритъ своей женѣ: «давай обѣдать!»— Погоди. — «Ну давай скорѣе!» — Постой не много.—Вотъ-Иванъ дуракъ схватилъ со стола ножъ да и хвать жену въ бокъ. Кровь полилась; жена пала на̀ полъ. Иванъ-дуракъ схватилъ со стѣны плётку и давай жену драть. Она соскочила. «Ну, сколько просишь за плётку?» — Два куска золота.—Они отдали золото, взяли плётку и пошли домой. Старшій братъ сѣлъ за столъ и закричалъ: «давай жена обѣдать!» — На̀ вотъ! *сдурѣлъ?* Погоди не много! — Онъ схватилъ со стола ножъ, хвать её въ бокъ; она упала. Онъ взялъ плётку, давай её драть. Она не встаетъ. «Ахъ, братъ! обманулъ насъ Иванъ-дуракъ! Пойдемъ утопимъ его!»

Вотъ они взяли съ собой мѣшокъ и пошли къ Ивану-дураку. Посадили его въ мѣшокъ и понесли топить въ прорубь. Доходятъ до кабака; Иванъ-дуракъ и говоритъ имъ: «на̀-те, вотъ вамъ братцы, четыре гривны; зайдите, выпейте!»—Они взяли деньги, пошли въ кабакъ, а его завязали въ мѣшокъ, оставили у кабака. Иванъ-дуракъ началъ кричать изо всего горла: «батюшки, батюшки! меня, человѣка не грамотнаго, тащатъ на царство. Я не умѣю ни судить, ни рядить». Въ это время мимо его на парѣ бурыхъ лошадей ѣхали исправникъ (sic!). Онъ остановился и спросилъ, что онъ кричитъ? Иванъ-дуракъ и

говоритъ ему: «меня, человѣка не грамотнаго, тащатъ на царство: я не умѣю ни судить, ни рядить».—Давай я сяду въ мѣшокъ: я умѣю судить и рядить. А ты садись въ мой экипажъ и поѣзжай домой!—

Вотъ братья вышли изъ кабака, взяли мѣшокъ и пошли къ проруби; бросили туда мѣшокъ. Только буль, буль, буль!... И ушли. Идутъ домой. На-встрѣчу имъ ѣдетъ Иванъ-дуракъ на парѣ бурыхъ. «Откуда ты это взялъ пару бурыхъ?»—Братцы, я вамъ говорилъ, какъ вы меня бросили: буры, буры, буры! Вы, видно, не слыхали и ушли; а тамъ еще есть буры, есть много.—«Ну, иди топи и насъ скорѣе!» Пошли всѣ трое. Иванъ-дуракъ сперва старшаго брата толкнулъ. Буль, буль, буль! Другой братъ и говоритъ: «топи меня скорѣе: онъ всѣхъ возьметъ бурыхъ». Онъ столкнулъ и другаго. А самъ пошелъ домой; сталъ жить да поживать.

(Записана г. П. Мельковымъ въ Тобольскѣ).

31.

ЛѢНИВАЯ ЖЕНА.

Жилъ мужъ съ женой. Жена была ужасно лѣнива. Ей ничего не хотѣлось дѣлать, и до того дошло у нихъ, что не было рубашки. Мужъ и говоритъ: жена, что же ты не работаешь?—А жена отвѣчаетъ: «мнѣ некогда!» — Что же ты не прядешь?—«У меня мотовила нѣтъ; поди же ты сходи въ лѣсъ, сруби дерево и сдѣлай мнѣ мотовило; я и стану прясть». — Мужъ взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. А она ему и сказала, гдѣ и какое дерево срубить; а сама по другой дорогѣ убѣжала; нашла пустое дупло, да въ него и сѣла. Мужъ приходитъ, начинаетъ рубить дерево; а она оттуда и говоритъ: «мужикъ,

не дѣлай мотовила: жена умретъ!» Сдѣлать мужику хотѣлось, да и жалко, что жена умретъ; онъ и не сталъ дѣлать мотовила.

А она впередъ его успѣла прибѣжать и легла на печку. — «Мужъ, что же ты мотовила не сдѣлалъ?» — Да вотъ такъ и такъ. — «То-то и дѣло.» — Только чрезъ нѣсколько времени мужикъ опять пошелъ мотовило дѣлать; она опять прибѣжала другой дорогой и тоже кричала. Такъ онъ и не сдѣлалъ мотовила. И въ третій разъ тоже.

Въ четвертый разъ взялъ да и срубилъ. —Пусть, говоритъ, жена умретъ, а сдѣлаю мотовило. — Сдѣлалъ мотовило, приноситъ домой; а жена раньше его прибѣжала, легла на печку. Мужъ и говоритъ: вотъ тебѣ жена и мотовило! — «Ну, какъ же я буду прясть? Вѣдь, какъ сяду, такъ и умру!» — Вотъ она беретъ льну, садится прясть; напряла нитку, другую; а третью стала прясть, стала у ней рука опущаться, а потомъ и сама повалилась; упала и захрапѣла, начала умирать. Мужъ и догадался, что она *привередничаетъ*.—Жена, не умирай! Я тебя воскрешу!—Она ему ничего не отвѣчаетъ; духъ сталъ захватываться. — Жена, никакъ ты кончаешься? — Взялъ да плетью ее и началъ бить. Какъ она вскочила, *давай* бѣжать. Онъ билъ ее до тѣхъ поръ, пока она созналась, что это все отъ лѣни; и стала она съ тѣхъ поръ рукодѣльная, и стали они хорошо жить.

(Записана мной въ Москвѣ).

32.

УПРЯМАЯ ЖЕНА.

Жилъ мужикъ съ женой. Мужъ ѣздилъ въ торгъ; купилъ коты (башмаки). Пріѣзжаетъ мужъ съ базару домой. Жена

поглядѣла: въ кошлѣ коты. «Мужъ, говоритъ, кому коты купилъ?» — Матушкѣ. — «Умру; зачѣмъ коты матери купилъ?» — День не ѣстъ, два не ѣстъ. Пришелъ мужъ. Дура, что ты дѣлаешь, за что умираешь? — «Ну, скажи, кому коты купилъ?» — Матушкѣ. — Она не пьетъ. не ѣстъ; больна лежитъ. Опять мужъ приходитъ. — Дура, за что умираешь? — «Ну, скажи; кому коты купилъ?» — Матушкѣ. Она *пуще* захворала; послала за священникомъ. Приходитъ мужъ: дура, за что умираешь? — «Кому ты коты купилъ?» — Матушкѣ. — Пришелъ священникъ, пріобщилъ ее, масломъ соборовали. Опять мужъ подходитъ; она спрашиваетъ. «Кому ты коты купилъ?» — Матушкѣ. — «Дѣлай гробъ; клади меня въ гробъ!» — Сдѣлали гробъ; положили въ гробъ, понесли хоронить; отслужили погребальное. Мужъ подходитъ къ ней. — Глупая! за что умираешь? — «Скажи: кому коты купилъ?» — Матушкѣ! — «Зарывайте меня въ землю!» — Такъ и зарыли.

(Записана мною въ с. Жолчино)

33

БОГАТЫРИ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ мужъ съ женой. У нихъ былъ сынъ Ивашка. Вотъ какъ онъ подросъ, отдали они его грамотѣ учиться. Сталъ онъ учиться и сталъ на улицѣ съ ребятами играть: кого хватитъ за̀ руку, рука прочь; кого хватитъ за̀-голову, голова прочь. Всѣ за это разсердились на Ивашку и выслали его изъ города.

Идетъ онъ путемъ-дорожкой. Видитъ: человѣкъ дубы съ корнями вырываетъ. «Здравствуй, Дубыня! что ты это дѣла-

ешь?» — Дубы вырываю! — «Будь ты мнѣ братомъ названнымъ; пойдемъ со мной.» — Ладно, пойдемъ. — Пошли. Идутъ путемъ-дорогой, видятъ: человѣкъ мѣтится стрѣлой. Они и спрашиваютъ: «въ кого ты мѣтишься?»—Хочу мухѣ въ лобъ попасть за столько-то верстъ. — «Будь ты намъ братомъ названнымъ; пойдемъ съ нами!»—Онъ пошелъ съ ними. Идутъ путемъ-дорогой, видятъ: сидитъ человѣкъ съ повязанной головой. — «Что у тебя голова повязана?» — Волосы завязаны; какъ ихъ опущу, такъ и сдѣлается морозъ. — «Будь ты нашимъ названнымъ братомъ!» — Онъ и пошелъ съ ними. — Идутъ они дальше, видятъ: человѣкъ сидитъ на деревѣ; одну ноздрю зажалъ, а изъ другой дуетъ. — «Что ты дуешь?» — Да вонъ за тысячу верстъ стоитъ мельница, я дую, а она вертится. — «Пойдемъ, говорятъ, съ нами; будь намъ братомъ названнымъ!» — Идутъ они дальше, видятъ: сидитъ человѣкъ и слушаетъ. «Что ты слушаешь?» — Слушаю, какъ трава ростетъ! — «Будь ты нашимъ названнымъ братомъ!»

Пошли они теперь всѣ семеромъ; приходятъ въ нѣкоторое царство. А въ этомъ царствѣ царь объявилъ, что «царская дочь побѣжитъ къ колодцу за водой, и если кто ее перегонитъ, то за того ее за-мужъ отдадутъ. А если кто возмется, да не перегонитъ, тому голову долой!» Вотъ Ивашка пришелъ къ царю и говоритъ: «можно ли, если за меня другой сбѣгаетъ?»— Можно; только если онъ не перебѣжитъ, то тебя казнить!— Вотъ Ивашка пустилъ скорохода съ деревянными ногами—и скороходъ полетѣлъ скорѣе стрѣлы, долетѣлъ до колодца, взялъ воды въ кружку, побѣжалъ назадъ и на половинѣ дороги поставилъ кружку, легъ спать. А царевна еще и половины впередъ не пробѣжала. Подбѣжала она къ скороходу, взяла его кружку съ водой, а свою пустую ему поставила. Побѣжала она съ той кружкой домой, а скороходъ все спитъ.

А въ это время Ивашка съ богатырями стоялъ на башнѣ. Увидали они, что скороходъ все спитъ, а царевна ужь близко къ городу. Вотъ тотъ, который мѣтился за столько то верстъ мухѣ въ лобъ, взялъ стрѣлу, пустилъ прямо скороходу въ платье — и тотъ разбудился, соскочилъ, схватилъ кружку и какъ стрѣла слеталъ къ колодцу, взялъ воды и раньше царевны поспѣлъ.

Царю и не хочется за Ивашку дочь за-мужъ отдать. Велѣлъ онъ пригласить ихъ обѣдать въ желѣзную комнату. Они пришли; подали имъ обѣдать, да и заперли ихъ тамъ. А снизу подъ поломъ подложили огонь: думали ихъ сжечь. У нихъ было ужь обгорѣли концы стульевъ; только мужикъ съ завязанными волосами, взялъ волоса-то и опустилъ: тотчасъ все замерзло, даже кушанье покрылось льдомъ. И сдѣлался сверху морозъ, а съ низу жаръ: они и не сгорѣли и не замерзли. А межь тѣмъ царь думаетъ, что они всѣ сгорѣли, и велѣлъ отворить двери. Отворили двери; а они всѣ невредимы.

Царь удивился; а все царю жаль отдать дочь за простаго мужика, Онъ и говоритъ имъ: «возьмите золото вмѣсто царевны! Я вамъ дамъ золота столько, сколько можетъ одинъ человѣкъ унести'» Ивашка согласился; велѣлъ свозить со всего царства холста и портнымъ сшивать; и сшили они огромнѣйшій мѣшокъ. Ссыпали царское золото — не наполнился мѣшокъ. Свезли золото со всего царства, и то не наполнился. Тутъ Дубыня взялъ поднялъ этотъ мѣшокъ и понесъ. Пошли вмѣстѣ съ нимъ и Ивашка и всѣ названные братья, вышли они изъ города. Ушли ужь далеко.

Только царю стало жаль золота и послалъ онъ за богатырями въ погоню войско. А богатыри не знаютъ себѣ ничего; идутъ преспокойно. Только тотъ, который слушалъ какъ трава ростетъ, приложилъ ухо къ землѣ и говоритъ: «надо пересѣсть въ лодки — уплыть отъ нихъ!» — Сѣли на лодки,

поплыли. Войско царя тоже сѣло, поплыло за ними; стали догонять. Тутъ тотъ, что дулъ на мельницу за тысячу верстъ, взялъ одну ноздрю направилъ на царскую погоню, а другую на свои паруса, да какъ подулъ... Царскую погоню назадъ отбросило, а они тотчасъ приплыли къ другому берегу.

Вышли на берегъ, подходятъ къ своему городу; видятъ — стоитъ рать, сила могучая. Имъ и нельзя проѣхать въ свой городъ. Вотъ они и дѣлаютъ совѣтъ: «какъ намъ въ городъ вступить?» Дубыня и говоритъ: тотъ, что царскую погоню сдунулъ, пусть сдунетъ половину стѣны; я побью половину вражей рати, а изъ города люди побьютъ другую половину рати. Такъ и сдѣлали. Побѣдили рать могучую и стали въ своемъ городѣ жить да поживать.

(Записана мной въ Казани отъ разскащика, нѣсколько разъ сбивавшагося; онъ, быть можетъ, исказилъ въ частностяхъ сказку, но тѣмъ не менѣе—основа ея чисто народно-сказочная, что доказывается варіантами у Гриммовъ № 71 и № 134 и у Вольфа, стр. 301; сходна и у Менцеля, стр. 130).

34.

ТИМОНЯ.

Жилъ-былъ старикъ со старухой; у нихъ былъ сынъ Тимоня. Думаютъ они, куда его отдать?—«Отдать, говоритъ старикъ, его столярному!» — А старуха говоритъ: малярному или кузнечному. До тѣхъ поръ спорили, что и подрались. Послѣ драки, они и повезли сына: кто первый попадется, тому въ мастерство и отдать. Шли они лѣсомъ, вышли на дорогу; попались имъ разбойники. Вотъ они ихъ и спрашиваютъ: «далеко ли вы идете?»—Да вотъ, батюшки, хотимъ сына отдать въ какое-нибудь мастерство. — А въ какое мастер-

ство? — «Да въ какое-нибудь!» Отдайте къ намъ; у насъ славное мастерство! — А какое у васъ мастерство?—«У насъ мастерство портное: кого стегнемъ, то кафтанъ да шуба.— А что есть деньги?» — Есть цѣлковый! — Старикъ отдалъ. «Теперь давай дѣлать условіе на сколько лѣтъ.» И условились на семь лѣтъ.—А гдѣ вы, кормильцы, имѣете жительство?— «А что тебѣ за дѣло до жительства? Когда сынъ твой отживетъ, тогда узнаешь и жительство!»

Вотъ они взяли Тимоню и повели. А старикъ со старухой возвратились домой. Разбойники привели Тимоню домой, одѣли его въ разбойническое платье, *обзорудили* его. И говорятъ: Тимоня, что еслибъ тебѣ кто попался? — «А что-жь такое? Попался, и голова долой!» — Будетъ путь! говорятъ разбойники; и стали съ нимъ ѣздить на всѣ разбои. И все ему удавалось больше ихъ.

И сталъ Тимоня доживать года; и залѣзли они къ архимандриту въ кладовую. Тимоня походилъ, добро покидалъ; только послушникъ ему помѣшалъ. Тимоня этого послушника связалъ, положилъ на кровать, а ротъ платкомъ заткнулъ; и все изъ кладовой повыкидалъ, бросилъ послѣднюю шубу разбойникамъ; да и говоритъ: «все ваше, а послѣдняя шуба моя.» Наконецъ Тимоня, выкидавши, слѣзъ и сталъ шубу себѣ просить, и вышелъ у нихъ изъ этого споръ. Тимоня товарищамъ и говоритъ: «погодите, не спорьте; я у архимандрита спрошу!» Разбойники говорятъ: ну, не ходи, возьми шубу! — А Тимоня говоритъ: «когда за споромъ дѣло стало, такъ спрошу же архимандрита!» Влѣзъ онъ въ окно къ архимандриту и сталъ спрашивать: «ваше высоко-преподобіе! вашу кладовую воры покрали. Кому принадлежитъ ваша шуба?» — А архимандритъ въ просонкахъ думалъ, что послушникъ спрашиваетъ и говоритъ: что ты, братецъ, шутишь что ли со мной? Мнѣ и такъ спать хочется!—А Тимоня повторилъ: «ваше высокопреподо-

біе! Воры покрали вашу кладовую: кому принадлежитъ ваша шуба?»—Архимандритъ и говоритъ: конечно, братецъ, тому, кто укралъ ее! Тимоня сказалъ ему: «ну, прощайте, ваше высокопреподобіе! Извините, что я васъ побезпокоилъ!» Вылѣзъ Тимоня въ окно, говоритъ: «я вамъ говорилъ, что шуба моя, и архимандритъ сказалъ, что моя!» — А товарищи ему говорятъ: пойдемъ поскорѣе! — «Еще успѣемъ!» — Пріѣхали они домой съ имѣньемъ. Вотъ онъ сталъ имъ говорить: «я де лѣта у васъ выжилъ; отпустите меня домой!» Они стали его уговаривать: зачѣмъ тебѣ, Тимоня, домой? Останься у насъ: мы тебя женимъ; сестру за тебя отдадимъ!—Тимоня женился на ихъ сестрѣ; продолжали они свое ремесло.

Жена Тимонѣ и говоритъ: «Тимоня, сколько вору не воровать, а кнута не миновать. Пойдемъ къ отцу жить!» Онъ сталъ имъ говорить: «я де пойду къ своему отцу: отдайте мнѣ обѣщанное!» Вотъ они Тимонѣ сказали: кто у кого свинью украдетъ! если Тимоня украдетъ въ эту ночь свинью, то отпустятъ; если не украдетъ, то не отпустятъ. — Только они привязали свинью, хоть бы сказать, къ дереву, а сами стали караулить. Караулили они всѣ и вздремали. А у свиньи былъ привязанъ колокольчикъ. Только Тимоня потихоньку подобрался, колокольчикъ тихонько снялъ, свинью взялъ на плечи и утащилъ. Вотъ братья проснулись, хватились: нѣтъ свиньи. «Каковъ Тимоня разбойникъ: у троихъ свинью укралъ!» Бросились по лѣсу искать, думаютъ: «можетъ, сама отвязалась!» А Тимоня, не будь дуренъ, съ колокольчикомъ, то въ одномъ мѣстѣ позвенитъ, то въ другомъ и завелъ ихъ очень далеко въ лѣсъ; а въ лѣсу стояла худая баня. Онъ напередъ въ эту баню пришелъ; весь вычернился; самъ сѣлъ на каменку. Они (разбойники) устали и озябли; пришли въ ту же баню отдохнуть и погрѣться. А Тимоня съ каменки началъ зубами похлопывать. Они испугались: «чертъ съѣшь свинью и Тимоню;

васъ бы не трогалъ!» И ушли; такъ свинью и не нашли. А днемъ Тимоня имъ ее и показалъ. На другую ночь свезъ онъ эту свинью къ матери и привязалъ ее къ жерновамъ. Вотъ разбойники бѣгали, искали свинью, бросились къ матери. Подъѣзжаютъ; а свинья вокругъ жернововъ ходитъ, а жернова скрипятъ; а разбойники и думаютъ, что молотятъ. Такъ и уѣхали. На третью ночь думаютъ, какъ бы у Тимони свинью украсть. Вотъ Тимоня напоилъ свинью до пьяна и надѣлъ на нее сарафанъ и положилъ на печку. Вотъ разбойники пріѣхали въ домъ, стали вездѣ обыскивать. Глядятъ: гдѣ свинья. И не могли найти. День прошелъ; Тимоня снялъ свинью съ печки и показываетъ имъ: «вотъ вамъ и свинья.» — Никакъ тебя самъ чертъ догадалъ на печку положить! — И нечего было дѣлать; надо было Тимоню отпустить. Тимонѣ отдали все, что ему надо. Тимоня уѣхалъ и сталъ жить да поживать.

(Записана мной въ Москвѣ).

35.

АПОЛЛОНЪ-ВОРЪ.

Жилъ-былъ царь; у него была дочь. Онъ и объявилъ своимъ людямъ: кто найдетъ лошадь, собаку и сокола, за того я отдамъ свою дочь за-мужъ. Нашелся его дворовый Аполлонъ. Аполлонъ велѣлъ собрать двадцать такихъ же молодцевъ, какъ онъ, чтобъ они на него были похожи. Собрали двадцать человѣкъ и поѣхали къ другому королю, чтобъ у него украсть лошадь, собаку и сокола. Вотъ они пріѣзжаютъ къ этому городу; разбили палатки. Царь посмотрѣлъ въ подзорную трубку, кто тамъ пріѣхалъ, и посылаетъ гонцевъ. «Ступайте, узнайте, кто тамъ пріѣхалъ: король ли королевичъ, царь ли царевичъ?

Не моихъ ли дочерей сватать?» — Вотъ пріѣхали гонцы къ Аполлону, спрашиваютъ: кто пріѣхалъ—царь ли царевичъ, король ли королевичъ?—Выскочилъ Аполлонъ и говоритъ: «я не царь царевичъ, не король королевичъ, а воръ Аполлонъ; пріѣхалъ воровать коня, собаку и сокола!» — Король сказалъ: «какъ онъ съ нами пособится?» и приказалъ завалить горой конюшню и поставить караульныхъ. Они, Аполлонъ съ товарищами пріѣхали; лошади копытами разломали гору. и они украли лошадь, сокола и собаку, и уѣхали домой. «Вотъ мы достали тебѣ, царь! отдашь ли свою дочь за меня?»—говоритъ Аполлонъ. Царь сказалъ: «отдаю!» и сдѣлали свадьбу. А тотъ король, у котораго они украли, и посылаетъ бумагу; а въ бумагѣ было написано «если вы мнѣ не пришлете этого вора, то ваше царство разорю!» Аполлонъ распустилъ было своихъ братьевъ; а теперь собралъ, досталъ парныхъ коней и парныя уздечки: всѣ были, какъ одинъ. Простились и поѣхали. Пріѣзжаютъ, разбили палатки. Опять король смотритъ въ подзорную трубу. «Кто ко мнѣ пріѣхалъ: король ли королевичъ, царь ли царевичъ, не моихъ ли дочерей сватать?»—Пріѣхали къ Аполлону; спрашиваютъ: кто пріѣхалъ? Аполлонъ выскочилъ и говоритъ: «я не король королевичъ, не царь царевичъ, я—воръ Аполлонъ, что укралъ у тебя лошадь, сокола и собаку!»

А у короля было три дочери: старшая дочь сдѣлала балъ и пригласила ихъ къ себѣ обѣдать. Они пріѣхали, стали обѣдать. Она и вшила Аполлону золотой волосокъ. Когда отъобѣдали, они и пошли гулять въ садъ. Аполлонъ и говоритъ: «братцы, нѣтъ ли у меня примѣты?»— Искали у него примѣты и нашли золотой волосокъ, и говорятъ: «у тебя золотой волосокъ!» Онъ погладилъ имъ всѣмъ головы: у нихъ у всѣхъ стали золотые волоски. Пришли и стали кофе кушать. Дочь и спрашиваетъ у нихъ: «позвольте, нужно между вами вора найти!» Ходила, ходила она кругомъ ихъ и не нашла вора. На завтра средняя

Нянькѣ его жалко стало; отрѣзала хлѣба ломоть и пошла къ нему. Отворила комнату, онъ увидалъ, что она несетъ ему поѣсть; сама слезно плачетъ. Онъ ей *отвѣчаетъ*: «милая моя нянюшка! О чемъ ты плачешь? Или вамъ меня жалко?»— Еще бы мнѣ не жалко было, я за вами вотъ 17 лѣтъ ходила. Не стало вашего папаши, а ваша мамаша хотѣла васъ уморить, положила въ пирогъ змѣинаго сала; поѣште вы моего аржанаго (чернаго) хлѣба, вы здоровѣе будете. — Онъ отломилъ хлѣба аржанаго, сталъ ѣсть и заплакалъ. «А, милая моя мамашенька! Что это она со мной дѣлаетъ!» — Она, говоритъ, вамъ не мать, а змѣя лютая. — «Ну, милая моя нянюшка, не затворяй ты за собой двери!» — Твоя маменька злодѣйка; она меня выгонитъ; мнѣ житья отъ нея не будетъ! — А онъ говоритъ: «я выйду на божій свѣтъ, васъ не забуду.» И всѣ мосты были у нихъ опущены, чтобы по нихъ ходу не было; боялась мать, что онъ уйдетъ. Онъ выскочилъ изъ темной темницы и закричалъ: «поднимайте всѣ мосты!» Сейчасъ мосты подняли; онъ пробѣжалъ по всѣмъ мостамъ. Подбѣжалъ онъ къ морю и закричалъ: «эй вы, господа корабельщики! перевезите меня на ту сторону!» Они его взяли на лодку посадили.

А его мать схватилась; а его и нѣту. Сейчасъ послала догономъ, подбѣжали они къ морю. Мать-то и *шумитъ*: «эй вы, господа корабельщики! Отдайте моего сына!» Они и говорятъ: давайте отдадимте; мы и безъ него хлѣбъ ѣли. А онъ имъ говоритъ: «отдайте, попробуйте! Я васъ всѣхъ въ воду *поссую*» (побросаю). Ну они его перевезли на свою сторону.

Привезли они его на свою сторону и пошли товаромъ торговать, и его съ собой взяли. Царь послалъ человѣка покупать товару. Этотъ человѣкъ простоялъ трое сутокъ. *Сколько* не смотритъ на товаръ, сколько смотритъ на мальчика: *добрѣ* хорошо онъ на гусляхъ играетъ. Онъ посылаетъ няньку. «Нянька, пойди посмотри: что долго человѣкъ не йдетъ?» —

Нянька простояла шестеро сутокъ; столько на товаръ не смотрѣла, сколько на этого мальчика: *добрѣ* хорошо онъ на гусляхъ играетъ. Вотъ онъ посылаетъ свою дочь: «поди, моя дочь, посмотри, что они долго не йдутъ?» Дочь пошла, девять сутокъ простояла. *Добрѣ* онъ ей понравился: хорошо на гусляхъ играетъ.—Государь очень разгнѣвался: «что это они не йдутъ? Дай я самъ пойду!» Приходитъ. «Что вы, говоритъ, долго не йдете?»— Да вотъ, говоритъ, у нихъ товаръ хорошъ, да мальчикъ еще лучше: *добрѣ* на гусляхъ играетъ. — «Ну, когда онъ тебѣ понравился, мы его себѣ возьмемъ!» Взяли этого мальчика и приставили его за лошадьми ходить.

Государева дочь изъ окна на него все смотритъ. *Добрѣ* онъ ей понравился. «Ахъ, милый мой папашенька. Какого мы человѣка приставили за лошадьми ходить! Давай лучше велимъ ему кушанья носить!» — Когда вамъ, душенька, онъ понравился, возьмите! — Приноситъ онъ ей кушанья; она у него спрашиваетъ: мальчикъ, скажись, какого ты роду? — «Я, говоритъ, роду простаго.» Она ему *отвѣчаетъ*: нѣтъ, говоритъ, я вижу, вы роду не простаго.—Ну, онъ отвѣчаетъ: «я роду простаго.» Какъ васъ звать? — «Меня зовутъ Ангусей!» — Она ему опять *отвѣчаетъ:* нѣтъ, я вижу—вы роду не простаго, или господскаго или купеческаго или королевскаго! — Приноситъ онъ опять ей кушанья, она упала къ нему на колѣни, слезно плачетъ. «Слышишь ты, Ангусей, какого ты роду?» — Я вамъ, говоритъ, сказывалъ, что простаго; моя матушка бѣлье мыла, тѣмъ меня кормила.—Опять приноситъ онъ ей кушанье. Она пала къ нему на колѣни, говоритъ: «слышишь ты, Ангусей, скажи—какого ты роду?» — Что же, говоритъ, вамъ очень нужно узнать обо мнѣ? — Она ему отвѣчаетъ: «очень, говоритъ, я въ васъ влюбилась; если вы мнѣ скажете, какого вы роду, то я за васъ замужъ пойду!» Онъ ей сталъ разсказывать: я, говоритъ роду не простаго, а ко-

ролевскаго; мое имя Бова королевичъ. Она его сейчасъ въ уста цѣлуетъ. «Будь ты мнѣ нарѣченный женихъ.» Побѣжала она къ своему отцу. «Ну, говоритъ, папашенька. Онъ, говоритъ, роду не простаго; онъ королевскій сынъ; его зовутъ Бова королевичъ. Я за него замужъ иду!» Отецъ очень радъ, что она за него замужъ идетъ. Сейчасъ ихъ повѣнчали.

Царь и даетъ ему коня; а конь у него стоитъ двѣнадцать лѣтъ въ комнатѣ, за двѣнадцатью дверьми желѣзными, за двѣнадцатью цѣпьми чугунными. Не можно его *въ глаза* (sic!) видѣть, не только что на немъ ѣздить. Онъ (царь) далъ ему ключъ; онъ одну дверь отперъ; одиннадцать дверей конь самъ прошибъ: *добрѣ* силенъ. Выскочилъ этотъ конь, взвился на дыбы и хочетъ его съѣсть. «Стой, несытая кляча! Кому же ѣздить на васъ, какъ не намъ богатырямъ.» Онъ осѣдлалъ своего ворона коня и садится на сѣдло; подъѣзжаетъ къ крыльцу и распрощается съ своей хозяйкой. «Ну, говоритъ, прощай, моя душенька. Поѣду я, разгуляюсь!»—

У ихъ отца (у тестя) стоитъ на дворѣ старичекъ; пятьдесятъ лѣтъ караулитъ дворъ чтобъ птица никакая не пролетѣла и звѣрь никакой не пробѣжалъ. Онъ проѣхалъ и то его не видалъ; спитъ этотъ старичекъ. Вотъ онъ взялъ нагайку, стегнулъ этого жениха.» Что, говоритъ, невѣжа, не выспишься лежа?» Онъ на него смотритъ.—Ты что? У меня тутъ ни одинъ звѣрь не пробѣжалъ, ни одна птица не пролетѣла; а ты еще меня сталъ обижать! — Старикъ этотъ на него осердился; взялъ два пузырька зельевъ; одинъ пузырекъ сонныхъ зельевъ, другой старыхъ. И Бова королевичъ этого старичка не узналъ; увидалъ, что онъ несетъ пузырекъ, говоритъ: «ахъ, дѣдушка, дай-ка мнѣ напиться!» Старикъ даетъ ему со злостью: на, говоритъ, выпей. — Онъ выпилъ этихъ сонныхъ капель и уснулъ. Написалъ этотъ старикъ со злости письмо: «проснешься ты, молодецъ, поѣзжай ты къ такому-то царю

въ гости!»—А къ этому царю написалъ: «что вотъ пріѣдетъ къ вамъ разбойникъ, что у васъ сына убилъ». Онъ проснулся и думаетъ: куда же я ѣду? Взглянулъ, а у него письмо за пазухой. Онъ прочиталъ письмо: «Ахъ, говоритъ, мнѣ къ такому-то царю надо ѣхать въ гости.» Вотъ онъ пріѣзжаетъ къ такому царю въ гости, и Бова подаетъ письмо. «Вотъ, говоритъ царь, пріѣхалъ разбойникъ, который нашего любимаго сына убилъ». Онъ его взялъ, засадилъ въ темную темницу.

А у него дочь была. «Папенька, зачѣмъ, говоритъ, эдакого человѣка посадили въ темницу; онъ по крайней мѣрѣ намъ бы кушанья готовилъ!»—А когда, душенька, онъ тебѣ понравился, пусть онъ готовитъ.—Онъ приноситъ ей кушанья. «Пойди, говоритъ, въ нашу вѣру!» — Какъ же, говоритъ, пойду я въ вашу вѣру латынскую!—Она сейчасъ пошла, пала передъ царемъ на колѣни. «Папенька, говоритъ, виновата я передъ вами; онъ, говоритъ, все зло помнитъ, не йдетъ къ намъ въ вѣру». Онъ приказалъ его (Бову) на висѣлицу повѣсить; приставилъ двѣнадцать человѣкъ. Онъ всѣхъ двѣнадцать человѣкъ разбросалъ; отъ нихъ вырвался бѣжать!

Взялъ пріѣхалъ онъ къ своему дворцу близко; у дворца нищенки. Жена его имъ обѣдъ дѣлаетъ, чтобъ его поминать: пять лѣтъ ужь онъ пропалъ. Услышалъ онъ, что его поминаютъ, взялъ стараго зелья, умылся, сдѣлался старымъ. Вотъ онъ пришелъ, всѣхъ этихъ нищенокъ побросалъ съ крыльца долой, подходитъ къ ней. «Пожалуйте, говоритъ, милостинку не ради меня, ради Бова королевича». Она сейчасъ тарелку уронила.—Няньки, мамки! угощайте нищихъ! А его отвела въ комнату. И стала она у него спрашивать: какъ же ты его знаешь? — «Я, говоритъ, съ нимъ до двора шелъ!» Она не вѣритъ, пристаетъ къ нему, чтобъ сказалъ правду.—«Что вамъ говорить, я самъ Бова королевичъ!» — Что вы, старый человѣкъ, шутите; я бы его узнала; а вы *добрѣ* стары! — Онъ пошелъ въ

иную комнату, умылся другими зельями, сталъ молодой красавецъ; приходитъ къ ней въ комнату. «Другъ мой милый! откуда ты взялся?» А нищихъ велѣла прогнать; и стали жить-поживать, да добра наживать.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

37.

ЗАКОЛДОВАННОЕ ДЕРЕВО ЛИПКА.

Сидѣлъ вечеромъ Ванюша съ дѣдушкой, спрашивалъ у дѣдушки: отчего медвѣжьи лапы похожи на наши руки и ноги? Отвѣчалъ ему дѣдушка: «послушай, Ванюша! я что самъ слыхалъ отъ старинныхъ людей, то и тебѣ скажу. Старинные люди говорили: были медвѣди такіе же люди, какъ и мы православные христіане. Въ одномъ селѣ жилъ-былъ бобыль. Домишко у него былъ плохинькій; лошадёнки у него не было; коровки и въ поминѣ нѣтъ; дровъ у него не было. Зима пришла, а въ нетопленой избѣ холодно. Бобыль взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ. И попалось ему на глаза заколдованное деревцо Липка. Онъ стукъ по ней топоромъ и ну ее рубить. А Липка заговорила по-человѣчески: «что хочешь, всего тебѣ дамъ. Богатства ли у тебя нѣтъ; жены ли у тебя нѣтъ, всего тебѣ дамъ!» Мужикъ и говоритъ: а хорошо, еслибы ты, матушка, сдѣлала меня богаче всѣхъ мужиковъ; а то у меня и коровки нѣтъ, и лошадёнки нѣтъ, и домишко плохъ! — Липка сказала: «ступай себѣ домой! Все у тебя будетъ!» Мужикъ идетъ: домъ у него новый; заборы бревенчаты; кони такіе, что летѣть хотятъ, а хлѣба анбары насыпаны. У Бобыля недоставало, что жена была не хороша. Что дѣлать?—Дай пойду къ матушкѣ Липкѣ! Взялъ топоръ и пошелъ въ лѣсъ.

Приходитъ въ лѣсъ къ Липкѣ и стукъ ее топоромъ. «Что тебѣ надо?»—Матушка Липка! у людей жены какъ жены, а у меня такая негодная. Сослужи мнѣ службу, дай мнѣ хорошую жену. — Липка сказала: «ступай себѣ домой!» Бобыль идетъ; жена его встрѣчаетъ, такая хорошая, кровь съ молокомъ; и полны чуланы всякимъ добромъ! Вотъ сталъ жить бобыль съ молодой женой и думаетъ: «хорошо намъ жить богатымъ, а все мы подъ начальствомъ! Нельзя ли какъ мнѣ быть самому начальникомъ». Подумалъ съ женой. Пошелъ опять къ заколдованной Липкѣ.

Приходитъ въ лѣсъ, стукъ ее топоромъ. Липка спрашиваетъ: что тебѣ, мужичекъ, надобно?—А вотъ что, матушка Липка! Хорошо намъ жить богатымъ; а все мы подъ властью: нельзя ли мнѣ самому быть старостой!—«Хорошо, ступай домой: все у тебя будетъ!» Не успѣлъ бобыль прійдти домой, къ бобылю бумага: «быть бобылю старостой». Привыкъ бобыль жить старостой и думаетъ себѣ: «хорошо быть старостой, а все у господина подъ властью. Нельзя ли быть самому господиномъ». Подумали съ женой, посовѣтовали, и пошелъ опять къ дереву къ Липкѣ.

Приходитъ и стукъ ее топоромъ. Деревцо и спрашиваетъ: «что тебѣ надо?» — «Спасибо тебѣ, матушка, за все; а какъ бы мнѣ передъ господиномъ шапки не ломать; самому бы быть господиномъ?—«Что съ тобой дѣлать? Ступай себѣ домой; будетъ у тебя все!» Не успѣлъ прійдти домой, какъ пріѣхалъ губернаторъ, привезъ отъ короля бумагу: «быть ему дворянином». Привольно быть дворянином; началъ пиры да банкеты задавать. Хорошо быть дворянином; а все же безчиновный! Нельзя ли быть чиновнымъ? Подумали-посовѣтовали, пошелъ онъ къ Липкѣ, стукъ ее топоромъ. — «Что тебѣ, *мужичекъ*, надо?» — За все тебѣ, матушка, спасибо. А нельзя ли мнѣ быть чиновнымъ? — «Ну, ступай себѣ до-

мой!»—Не успѣлъ прійдти домой, какъ приходитъ королевская бумага: пожалованъ чинами. Хорошо быть чиновнымъ, а все у губернатора подо властью. Нельзя ли самому быть губернаторомъ? Подумалъ съ женой, пошелъ въ лѣсъ къ заколдованному деревцу Липкѣ.

Приходитъ къ Липкѣ, стукъ ее топоромъ. Она и говоритъ: что тебѣ, *мужичекъ*, надо? Чѣмъ не доволенъ?—«Спасибо тебѣ, матушка, за все; да нельзя ли какъ быть мнѣ самому губернаторомъ и имѣть богатую вотчину?»— Трудно это сдѣлать. Да что съ тобой дѣлать? Ступай себѣ домой. Не успѣлъ бобыль домой прійдти, какъ пришла бумага: быть бобылю губернаторомъ и подаренъ вотчиной. Привыкъ бобыль жить губернаторомъ, точно отъ роду мужикомъ не былъ. Хорошо мнѣ жить губернаторомъ, а все у короля подо властью. Подумалъ, пошелъ въ лѣсъ къ заколдованному деревцу Липкѣ.

Приходитъ, стукъ ее топоромъ. Деревцо спрашиваетъ: «что тебѣ надо?» — Все хорошо; благодарю тебя за все; да нельзя ли мнѣ быть самому королемъ? — Липка стала его уговаривать: «безумный, чего ты просишь? Подумай, что ты былъ и что сталъ? Изъ бобыля сталъ знатенъ и все; а царь Богомъ избранъ».—Липка его уговаривала всячески, чтобъ онъ больше не просилъ, а то все потеряетъ. Бобыль не отступалъ, приставалъ, чтобъ она сдѣлала его царемъ. А Липка ему сказала: «этого нельзя сдѣлать и не будетъ; и послѣднее потеряешь!» А бобыль все приставалъ. Липка и говоритъ: «будь же ты медвѣдемъ, а жена медвѣдицей!» И сталъ онъ медвѣдемъ, а она медвѣдицей. Вотъ и пошли медвѣди.

Внучекъ и спрашиваетъ: дѣдушка, неужели это правда? — «Конечно, это басня; чего не возможно, того не желай; *отъ мала* будь доволенъ. Многаго пожелаешь, послѣднее потеряешь».

(Записана мной въ Москвѣ).

38.

САГА О РУССКОМЪ.

Рассейскіе люди ходятъ по работамъ; и заходятъ къ границамъ и дальше. Одинъ мужикъ пошелъ по пашпорту и зашелъ къ черкеской границѣ. *Вдругъ* поймали его черкесы и отправили его на морскіе острова, въ *Писигалевцы* (?), которые ѣдятъ русскихъ людей. Продали его хозяину, который опредѣлилъ его на конюшню къ тройкѣ лошадей. А у него прежде его былъ русскій человѣкъ пойманъ, котораго онъ кормилъ три года; послѣ зарѣзалъ, съѣлъ. Въ одно время поѣхалъ онъ съ этимъ (послѣднимъ) купленнымъ русскимъ въ лѣсъ. Пріѣхали они въ лѣсъ, выпрягли лошадей; заставилъ онъ русскаго копать яму подъ большимъ деревомъ; и навелъ подъ этимъ деревомъ машину булатную; самъ говоритъ: «ну, русскій, полѣземъ на дерево!» Когда влѣзли на дерево, то сталъ хозяинъ играть въ дудку, которая приманиваетъ большихъ змѣй или *полозовъ*. *Когда* ползетъ полозъ такой сильный, что трава отъ него горитъ. *Когда* наползъ на эту яму, на булатную машину; *вдругъ* хозяинъ дернулъ за шнуръ, пересѣкъ его на двое; тогда сейчасъ слѣзли съ дерева; давай его (полоза) (тамъ все, и собакъ, и кошекъ и все ѣдятъ) рубить на части. Перерубилъ, перемылъ, склалъ ихъ въ кадку для ветчины; а одну часть отдалъ русскому варить.

Когда жь русскій положилъ ее въ котелъ, налилъ воды, — закипѣла вода. Хозяинъ говоритъ русскому: «слей на земь!» Когда вылилъ онъ ее на траву, трава до земли выгорѣла: такой ядъ въ ней былъ. Говоритъ хозяинъ: «наливай другую воду!» Когда закипѣла другая вода, онъ и ту приказалъ вылить на землю. Когда вылилъ онъ вторую воду, то трава лишь

пожелтѣла. «Наливай третью воду; сыпь крупу, вари кашу!» Когда сварилась каша, хозяинъ приказалъ снять. Тогда хозяинъ беретъ ложку, давай кашу ѣсть. Поѣлъ хозяинъ кашу; остались пригарки въ котлѣ, и говоритъ русскому: «возьми жь ты, русскій, вымой этотъ котелъ и чисто выскобли, но только не ѣшь! А какъ поѣшь, такъ умрешь: это русскіе не употребляютъ». —Русскій говоритъ: «у насъ этого въ Россіи не видано; не то что ѣсть!»

Тогда хозяинъ взялъ себѣ подъ дубъ войлокъ и подушку, и легъ отдыхать. Русскій пошелъ къ водѣ мыть котелъ и думаетъ себѣ: «смерти не миновать; какъ того зарѣзалъ, такъ и меня зарѣжутъ. Дай попробую!» По русскому образованью, перекрестился, давай кашу ѣсть, приварки. Поѣлъ онъ кашу и разумѣлъ всѣ разговоры, что скоты, что птицы, что звѣри, всякаго *званья. Тогда сейчасъ* русскій разсмѣялся и говоритъ: «какъ бы мнѣ себя укрѣпить, чтобы не призналъ меня хозяинъ!» Принесъ котелъ, постановилъ подъ повозку; самъ сѣлъ на дерево и думаетъ себѣ. Вдругъ кобыла говоритъ сыну своему, мерену: «что хозяинъ долго спитъ, намъ далеко ѣхать!» *Вдругъ* проснулся хозяинъ. «Русскій, давай лошадей, пора намъ ѣхать!» Русскій привелъ лошадей, запрягли; кадку съ ветчиной поставили на повозку, сѣли и поѣхали ко двору. Когда пріѣхали ко двору, то приказалъ ему лошадей выпречь и это все убрать. Русскій отпрегъ лошадей, все убралъ, далъ имъ корму; ходитъ за ними прилежно, холитъ и чиститъ; а тройка лошадей только: два мерена да кобыла.

Черезъ нѣсколько времени взошелъ русскій на конюшню. *Вдругъ* меренья между собой говорятъ, меньшій старшему: «вотъ, говоритъ, попадаются намъ добрые люди да не долго живутъ. Тотъ, говоритъ, за нами хорошо ходилъ (котораго зарѣзали-то), а этотъ еще лучше ходитъ, и покоитъ и жалѣетъ!» А старшій говоритъ брату: какъ онъ ни старайся и хозяину

ни служи, а заслуга будетъ таже, что другихъ; и его хозяинъ зарѣжетъ.—А онъ *слухаетъ*, стоитъ. Вотъ меньшой меренъ и отвѣчаетъ старшему: «въ такой-то мѣсяцъ, въ такое-то число будетъ у нашего хозяина балъ; съ ѣзжаться будутъ гости; какъ бы онъ зналъ русскій, да сѣлъ на меня, я бы его на русскую границу вывезъ!» Старшій ему говоритъ: нѣтъ, говоритъ, ты не вывезешь, а какъ на меня сядетъ, я вывезу. *Вдругъ* кобыла, мать ихъ, и говоритъ: «вы оба хвалитесь о пустомъ, хоть на какого изъ васъ садись, вы оба пропадете; хозяинъ нагонитъ: и его и васъ изрубитъ.» Вотъ кобыла и говоритъ: если онъ бы зналъ, да сѣлъ на меня, я вывезу; а вашъ разговоръ пустой!

Русскій стоялъ, долго думалъ. «Если сбудется истинная правда, что такого-то мѣсяца, такого-то числа будутъ къ хозяину гости, отлучится хозяинъ отъ двора, сяду на кобылу, попробую: вывезетъ ли кобыла?» Такъ точно и было. Приближается это число, хозяинъ заготовляетъ, приказываетъ: «чтобы было всѣмъ моимъ пріятелямъ пить, ѣсть, веселиться и всякими забавами забавляться.» — Когда приблизился этотъ день, съѣзжаются къ нему гости. Пошли, погуляли, повеселилися; просятъ прочіе его къ себѣ погулять. Говоритъ онъ русскому: «заложи мнѣ одну лошадь; я поѣду къ пріятелю, а ты оставайся дома и при конюшнѣ.» *Тогда* поѣхалъ хозяинъ въ гости, *тогда* русскій *сейчасъ* взялъ осѣдлалъ кобылу, поѣхалъ со двора. *Вдругъ сейчасъ* хозяинъ *въ маломъ времени* погулялъ, взъѣзжаетъ на дворъ свой, *то* старшій меренъ говоритъ младшему: «убѣжала наша матушка, увезла и русскаго!» *Тогда сейчасъ* хозяинъ бросился на конюшню, *сейчасъ* осѣдлалъ лошадь и погналъ въ догонъ за нимъ. Кобыла русскому говоритъ: «ну, смотри жь, русскій, держись крѣпче, но не трогай меня за повода; и не бойся ничего, ни горы, ни воды!» *Вдругъ*, недоѣзжаючи до рѣки Кубани, на-

гоняетъ ихъ хозяинъ. Вдругъ русскій говоритъ кобылѣ: «ну, гонитъ за нами хозяинъ: не быть намъ живымъ обоимъ.» — Какъ подбѣжала кобыла къ рѣкѣ, бросилась со всѣхъ ногъ въ воду, на ту сторону выплываетъ, а хозяинъ къ этому берегу подъѣзжаетъ. Бросилась берегомъ противъ воды бѣжать. Она съ того берега на свою сторону бросилась; она ужь на томъ берегу, а хозяинъ съ того берегу опять за нею. Вдругъ бросилась опять съ этого берегу въ воду, когда переплыла на русскій берегъ. «Теперь смотри, русскій, онъ насъ не догонитъ. Будетъ тебѣ кричать, скажетъ тебѣ: «русскій, скажи: «чернобылъ трава», ты молчи, то все позабудешь.» Когда жь кобылица переплываетъ на русскій берегъ, а хозяинъ на свой, видитъ хозяинъ, что не нагнать ему, и *шумитъ* ему: «русскій, скажи: чернобылъ трава!» А онъ знаетъ: поѣхалъ молча.

Когда привезла его до русской границы, даже за русскую границу увезла, кобылица русскому говоритъ: «ну, русскій, слѣзай теперь съ меня и разбери чисто меня; узду, сѣдло сними. Я теперь къ хозяину не пойду: мнѣ у него живой не быть. Только смотри, русскій, (я тебѣ добра хочу и разуму научу), что ты знаешь, не сказывай никому; а какъ скажешь, двухъ минутъ не проживешь, помрешь!» Кобыла пошла въ заповѣдные луга, а русскій своей дорогой.

Когда жь приближается русскій къ *Расеѣ* (Россіи), подходитъ близко къ темному великому лѣсу; тутъ было великое озеро, продовольствіе для дикихъ птицъ. Вдругъ летитъ великое стадо дикихъ гусей. Задніе гуси вдругъ *зашумѣли* переднему: «давай садиться на этомъ озерѣ, тутъ пространно и сытно». А передній говоритъ: нѣтъ, говоритъ, полетимъ дальше! Тутъ хотя сытно, да тратно: много бьютъ. Мужикъ *слухаетъ*, что они говорятъ. Полетѣли они дальше, не сѣли. *Вдругъ* зашелъ онъ въ темный лѣсъ, увидалъ онъ превеликій

дубъ. преогромный. Летитъ второе стадо гусей. Вдругъ задніе кричатъ тоже самое: «давай садиться на этомъ озерѣ, тутъ пространно и сытно». А передній говоритъ: тутъ хотя сытно, да тратно! Полетимъ дальше. — Заходила тучка и *вдругъ* передніе гуси говорятъ: «вотъ, говорятъ, этотъ громъ ударитъ въ этотъ дубъ и самую вершину до самаго корня въ мелкія части разобьетъ!» Русскій это все слышитъ, что гуси говорятъ.

Вдругъ подходитъ къ этому дубу; сучья такіе на немъ густые, что даже дождь не пробьетъ. *Вдругъ* ѣдетъ помѣщикъ шестернею, наступаетъ сильный дождь; онъ говоритъ кучеру своему: «подъѣзжай подъ этотъ дубъ, покуда туча не пройдетъ». Мужикъ подошелъ къ нему и говоритъ: нѣтъ, не извольте здѣсь становиться! — «Почему же?» — Потому что громъ этотъ дубъ разобьетъ и васъ побьетъ! — Помѣщикъ вдругъ на него разсердился: «что ты за пророкъ?» — Когда не сбудется по моему, то я отдаю себя суду; прошу покорно, отъѣзжайте! — Помѣщикъ приказалъ кучеру отъѣхать. *Въ недальномъ разстояніи отъѣхалъ*, ударилъ громъ въ самый верхъ дуба и разбилъ его до самаго корня въ мелкія части. Тогда помѣщикъ приказалъ отворить карету и приказалъ его взять съ собой и посадить рядомъ. *Вдругъ сейчасъ* говоритъ ему помѣщикъ: «пріѣдемъ въ домъ мой, награжу тебя деньгами и дамъ тройку лошадей со всѣмъ уборомъ. Вотъ тебѣ честное слово—пять тысячь рублей дамъ!»

И были съ помѣщикомъ двѣ собачки въ дорогѣ, и онъ дома. помѣщикъ. имѣлъ большую охоту на *счетъ* звѣрей. *Вдругъ* ѣздятъ его лакеи въ лѣсу на охотѣ за зайцами, волками, лисицами. Домашнія собаки выбѣжали на дорогу, бѣгутъ къ нему на встрѣчу. *Вдругъ* эти, которыя съ помѣщикомъ были, двѣ собаки и говорятъ дворнымъ: «намъ такъ и такъ случилось; вотъ тутъ съ нашимъ бариномъ есть мужикъ; онъ насъ всѣхъ

отъ смерти отвелъ!» А домашнія собаки говорятъ: вамъ-то такъ, а у насъ дома несчастье есть.—«Какое?» — У насъ у барина деньги украли, сорокъ тысячъ совсѣмъ съ шкатулкою; деньги свои лакеи украли; въ конюшнѣ подъ доскою стоитъ шкатулка. А барыня теперь что думаетъ: какъ баринъ на дворъ, такъ сама себя ножемъ по горлу. У ней ужь и ножъ готовъ лежитъ; въ столѣ приготовленъ.

Когда мужикъ *разслухалъ* все и недоѣзжаючи до дому своего верстахъ въ пяти, *вдругъ* говоритъ помѣщику: «извольте здѣсь остановиться, а я пойду впередъ!» Помѣщикъ и говоритъ: что тебѣ такое? Неужели тебѣ безчестно со мной ѣхать? — Онъ говоритъ: «если мнѣ съ вами ѣхать, то вамъ барыню свою живою не видать!» Помѣшикъ и говоритъ: почему жь такъ? — «У васъ дома несчастье есть; пропали у барыни деньги, и теперь она приготовила ножъ: какъ вы на дворъ, она себя по горлу!»—Ну, ступай; я остануся.—«Вы извольте меньше четверти часа за мной въ домъ». — Мужикъ приходитъ въ домъ, говоритъ: «доложите барынѣ: вотъ какой-то мужикъ пришелъ, говоритъ, что отъ барина письмо есть». Вдругъ лакей приходитъ, говоритъ: «сударыня, какой-то мужикъ пришелъ!» Барыня приказала взойти ему. Вдругъ мужикъ взошелъ, поклонился, говоритъ: вотъ отъ вашего барина есть у меня письмо къ вамъ! — «Ну, подай сюда письмо!»— Тогда *вдругъ* помѣщикъ пріѣзжаетъ на дворъ; она сейчасъ вскочила со стула, бросилась въ столикъ за ножемъ. Мужикъ не допустилъ, удержалъ ее. Помѣщикъ выскочилъ изъ коляски, бѣжитъ прямо въ домъ, говоритъ: что вы, матушка? — Она говоритъ: «признаюсь вамъ—хотѣла сама себя злой смерти предать!» Помѣщикъ все хочетъ повѣрить мужика, правду ли все мужикъ знаетъ. — Чрезъ какую же досаду вы хотѣли себя злой смерти предать?—«Признаюсь, другъ мой, шкатул-

ка съ деньгами пропала!»—Помѣщикъ говоритъ: у, Боже мой! это наживное дѣло!—Боится ожесточить.

Когда жь призвалъ мужика помѣщикъ въ особенную комнату: «ну, братъ! спасъ ты меня и барыню мою отъ злой смерти. Вотъ тебѣ за услугу за эту тройку самыхъ первыхъ лошадей, какія только полюбятся, упряжь и экипажъ, и въ даръ тебѣ дарую кучера!» — На что жь мнѣ все богатство? Среднюю тройку да хорошую бричку. «Ну, очень хорошо! — Что я еще объ чемъ буду просить? Не можешь ли шкатулку съ деньгами отыскать?»—Онъ не хотѣлъ оскорбить лакеевъ, говоритъ: можно, только далеко ваша шкатулка! — «А какъ далеко?» — Такъ далеко, что останусь ночевать, по утру рано будетъ тутъ.—Лакеи узнали объ этомъ мужикѣ: «на насъ покажетъ!» Приходятъ къ нему съ извиненьемъ: «простите и помилуйте! Защитите отъ казни!» Не бойтесь, будете правы. Всѣ ли только деньги? — «Всѣ». — Ну, подите принесите!— Принесли шкатулку, вынимаетъ мужикъ сто рублей: нате, ступайте, погуляйте!

По утру встаетъ, говоритъ слугамъ: всталъ ли баринъ?— «Всталъ!»—Доложите ему, что я деньги отыскалъ.—*Вдругъ* и докладываютъ помѣщику, что мужикъ деньги отыскалъ. Помѣщикъ ужасно радъ былъ и говоритъ: «позвать его сюда!» Тотъ приходитъ мужичекъ, приноситъ шкатулку съ деньгами. — «Ну, другъ мой, за сію услугу награжу я тебя, и что случится впередъ, не забуду! Не покажешь ли ты мнѣ вора?» — Нѣтъ, сударь; эти воры далеко. Они принесли шкатулку съ деньгами, сами опять въ работу пошли! — Вотъ помѣщикъ призвалъ шесть кучеровъ. «Вотъ, говоритъ, выбирай любаго кучера себѣ!» — Нѣтъ, котораго пожалуете, тѣмъ и доволенъ буду! — Вотъ онъ назначилъ ему кучера. Мужикъ говоритъ: пожалуйте ему, сударь, вольную, потому что я его въ работу буду посылать! — Помѣщикъ сейчасъ написалъ ему вольную,

отдаетъ вольную мужику, а кучеру приказываетъ: «ну, смотри: служи ему такъ, какъ и мнѣ. Ступай, убирай тройку лошадей и въ такую-то бричку!» Вынимаетъ помѣщикъ этому мужику денегъ двадцать тысячь асс. А тогда дороже было, какъ нынѣче двѣсти тысячь. Мужикъ поклонился, поблагодарилъ помѣщика; а помѣщикъ поблагодарилъ мужика. Съѣхалъ мужикъ со двора съ кучеромъ; отъѣхали путемъ-дорогою. Мужикъ кучеру говоритъ: остановись!—Вынимаетъ вольную, даетъ полторы тысячи деньгами кучеру. — На тебѣ деньги и вольную, ступай куда тебѣ надобно!—Вотъ кучеръ поклонился, поблагодарилъ.

Минувши тому ужь три года, пріѣзжаетъ онъ вдругъ въ деревню свою; увидалъ народъ, что онъ съ великимъ богатствомъ ѣдетъ! Призвалъ его къ себѣ помѣщикъ, распросилъ его: «гдѣ ты по сіе время былъ?» Онъ ему разсказалъ все, что съ нимъ было и въ какой сторонѣ онъ былъ. А что знаетъ, то не сказалъ. Тогда просто было; помѣщикъ его распросилъ и отпустилъ въ домъ свой.

Жена этого мужика ужасно была рада; поживши нѣсколько времени, она стала его спрашивать: «гдѣ ты по сіе время былъ? Тому уже миновало три года!» — А я, говоритъ, былъ въ такихъ мѣстахъ; баринъ объ этомъ извѣстенъ. — Жена опять пристаетъ, спрашиваетъ неоднократно. «Когда ты въ такой сторонѣ жилъ между такими людьми, ты что-нибудь знаешь?» — Нѣтъ, больше христіанскаго языка, ничему не умѣю.—«Ну, гдѣ жь ты такое богатство взялъ?—«Такъ, говоритъ, счастье мое послужило мнѣ!» *Вдругъ* пристаетъ къ нему неоднократно; мужикъ *вздумался* сказать ей и подумалъ самъ *въ* себѣ: да что мнѣ кобыла говорила, я скажу, вѣдь, умру. — Вдругъ вбѣжали куры въ избу и пѣтухъ съ ними. Схватилися курицы съ курицами драться. Вотъ пѣтухъ сталъ ихъ разнимать. Одну крыломъ, другую другимъ; и го-

воритъ имъ: «го го го! я вѣдь не такой дуракъ, какъ хозяинъ мой. Съ одной женой и съ той не можетъ управиться; хочетъ ей правду сказать, а самъ хочетъ помереть. Нѣтъ, у меня хоть сорокъ васъ будь; я и то всѣмъ порядокъ дамъ! Какъ бы хозяинъ пошелъ въ клѣть, взялъ бы — казацкая у него есть плеть—да далъ бы ей 125 ударовъ; не бойсь, не стала бы приставать: «скажи мнѣ!» Такъ бы покоенъ сталъ жить!» — А мужикъ слышитъ; такъ сильно разсмѣялся.

Жена къ мужу *вдругъ* прибѣжала и говоритъ: «скажи, ты что нибудь знаешь. А если не скажешь, то я пойду сейчасъ къ барину и скажу, что ты по разбоямъ ѣздилъ и самъ мнѣ признавался, что нѣсколько душъ погубилъ!» Мужику такъ *тѣсно* стало.—Что, жена, я тебѣ скажу, да вѣдь я помру!— Она говоритъ: «хоть помри, да мнѣ скажи!» — Мужикъ захотѣлъ свою жену *увѣрить* (испытать).—Ну, жена, топи баню; вымой меня, да ступай за попомъ!—Сейчасъ жена вытопила баню и убрала его на смерть; потомъ сейчасъ побѣжала за попомъ; а онъ легъ на мѣсто. Попъ его христіанскимъ долгомъ исповѣдалъ, причастилъ. Тогда *сейчасъ* жена проводила попа, спрашиваетъ мужа. «Ну! что же, скажи, что ты знаешь?» — Онъ говоритъ: что же, жена, говоритъ, обожди хоть съ полчаса; надо мнѣ съ нѣкоторыми пріятелями проститься! —Ну, жена, проводи меня хоть на дворъ! —Жена схватила его подъ руки, проводила его на дворъ; сама воротилась въ избу.

Тогда мужъ *сейчасъ* взошелъ въ клѣть, взялъ казацкую кургузку подъ по́лу плеть. *Тогда сейчасъ* идетъ, *тогда* жена ему говоритъ: «ну, что же, скажи, что ты знаешь!»— Фу, какая ты дура! Дай мнѣ хоть до мѣста дойти; то я скажу, на порогѣ и помру!—Тогда мужъ сталъ середь избы.—Жена, подойди, хоть простись со мной! Она *вдругъ* съ радостью прибѣжала прощаться. Онъ ударилъ ее по уху; жена съ ногъ полетѣла такъ крѣпко, что у него самаго въ ушахъ зазвенѣло. Тогда

вынимаетъ кургузку изъ подъ полы, наступилъ ей лѣвой ногой на косы, началъ ее кургузкой покатывать, съ боку на бокъ поворачивать; далъ ей 75 ударовъ. Потомъ отдохнулъ да и говоритъ: будешь ли меня спрашивать, что я знаю.—Она заклялась великою клятвою, что «отъ нынѣ и до вѣка никогда не буду!» Мужъ говоритъ: нѣтъ, я не смотрю на твою великую клятву. А всѣ дѣла эти исполню наставника моего (пѣтухъ-то его наставилъ)!—Отпустилъ 125 ударовъ и говоритъ: ну, жена, вставай! Вотъ тебѣ на первую встрѣчу; вотъ что я знаю, а больше ничего!—

Съ тѣхъ поръ стали жить мирно, дружелюбно, весело до конца.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ).

39.

САГА О ЧАСОВОМЪ.

Это тамъ была королева заклятая въ городѣ Кирманѣ, въ Саратовской области (въ старину область была; теперь губернія). Былъ король и отъѣхалъ на долгое время, и назначенное мѣсто было родъ крѣпости строенье. Дочь его, королевна не въ томъ мѣстѣ, въ непоказанномъ, начала строить; издержала казны много, злата, не счетомъ, а фурами воловыми. Отецъ ее за то проклялъ; и она находилась въ крѣпости въ валу, въ серединѣ. Черезъ каждыя семь лѣтъ она выходитъ въ человѣческомъ образѣ.

Стоялъ егерскій полкъ (я тамъ служилъ) въ караулѣ; сталъ часовой на часы. Близь глухой полночи выходитъ она въ образѣ человѣчьемъ, говоритъ ему: «часовой, не бойся меня!» Часовой не убоялся, подходитъ къ ней. «Какъ смѣнишься, го-

воритъ, съ часовъ, поди на базаръ, купи мнѣ крестъ!» Часовой говоритъ ей: у меня денегъ нѣтъ!—Она вынула, дала ему денегъ. Она и говоритъ ему: «смотри, не сказывай, что̀ видѣлъ и что̀ слышалъ!» Часовой поутру пошелъ на базаръ, купилъ ей крестъ; сталъ на вторую ночь на тоже мѣсто, въ самое тоже время. Выходитъ она, говоритъ: «что, часовой, купилъ крестъ?»—Купилъ! — «Станови свое ружье, иди со мной!»—Какъ же я, сударыня, оставлю? Насъ начальство накажетъ! — Она говоритъ: «не бойся; начальники всѣ тамъ будутъ, куда ты пойдешь; тамъ всѣхъ увидишь!» Пошла она въ крѣпостной подвалъ; часовой за нею. Она ему говоритъ: «что я тебѣ дамъ, возьми. Будутъ тебя начальники, генералы стращать, не бойся никого; будетъ огонь и вода, не бойся ничего. Только иди за мною и вонъ выйдешь; не говори, пока я не заговорю!»—

Взошли они въ подвалъ; увидалъ часовой ротнаго командира, корпуснаго; стращаютъ его, говорятъ, что «мы тебя скрозь строй прогонимъ!» Онъ промолчалъ; съ обѣихъ стѣнъ пламя огненное на него пышетъ. Прошелъ онъ огонь; потомъ рѣка, вѣтеръ и волны. Прошелъ онъ воду. Она ему показала пальцемъ взять шкатулку. Выходятъ изъ подвала, подходятъ къ главной *абвахтѣ* (гауптвахтѣ). Въ сошкахъ ружья; ходитъ часовой. Часовой ихъ не видитъ. Приходятъ къ крѣпостнымъ воротамъ; ворота отворены. За крѣпостью черезъ канаву большой мостъ. Вдругъ пошли по мосту: на концѣ моста нечистые духи сорвали башмакъ съ нея. Онъ только сказалъ: «сударыня, башмакъ потеряли!» И нестало ни ее, ни шкатулки.

Это было въ 1826 году, когда мы тамъ стояли.

(Записана мной въ с. Жолчинѣ со словъ отставнаго унтеръ-офицера).

40.

РАЗСКАЗЪ О ВѢДЬМѢ.

Стояли мы въ Молдавіи въ 1828 г. Я тогда былъ управнымъ ефрейторомъ, расправлялъ солдатъ по квартирамъ. Стояли мы такъ какъ родъ тѣсныхъ квартиръ; у меня (кто изъ) солдатъ своихъ убудетъ въ больницу съ квартиры, а изъ нея, который прибудетъ, становлю, по нашему, съ десятскимъ, по ихъ, съ *солтусомъ*. Солтусъ мнѣ говоритъ: «не всякій разъ тебѣ меня тревожить; когда прибудетъ, станови самъ!» А у хозяина, гдѣ стоялъ солдатъ, мать была вѣдьма. *Вдругъ* я становлю къ нимъ, къ этому хозяину, на квартиру солдата. Хозяинъ приходитъ изъ корчмы пьяный, говоритъ: кто поставилъ солдата?—Солдатъ говоритъ: «ефрейторъ!» Онъ взялъ у него всю казенную аммуницію, выкидалъ на дворъ.

Солдатъ приходитъ ко мнѣ, говоритъ: у меня, говоритъ, хозяинъ аммуницію на дворъ выкидалъ. Я солдату говорю: «поди, принеси изъ чихауза манерку (что воду пьютъ) худую, ломаную». Солдатъ сходилъ въ чихаузъ, принесъ. Я говорю: «привяжи ты старую манерку ломаную къ ранцу! А новую отвяжи, отнеси ко мнѣ!» Солдатъ принесъ, привязалъ старую манерку къ ранцу и говоритъ мнѣ: я, говоритъ, привязалъ!—Пришелъ я къ нему на квартиру къ солдату, взялъ трехъ человѣкъ еще солдатъ съ собою. Его (хозяина) нѣтъ дома; онъ въ корчмѣ. Я говорю: «подите, приведите мнѣ хозяина!» Солдаты пошли, не могли его взять изъ корчмы: бьется и дерется. Я взялъ еще двоихъ и самъ третій съ ними пошелъ. Взяли этого хозяина изъ корчмы кто за что попало: кто за ноги, кто за руки, кто за волосы тащили. Привели его на квартиру; я говорю солдату: «поди, пренеси аммуницію со двора!» Вдругъ внесли

аммуницію; манерка вся поломаная. Я говорю: «какъ ты думаешь теперь разчитаться за казенную аммуницію: хочешь ли, представлю къ ротному командиру; ты ни чѣмъ не уплатишься; за казенную вещь подъ судъ долженъ идти!» Хозяинъ вдругъ обробѣлъ, сталъ просить помириться. Я говорю: «мирись, когда солдатъ приметъ на себя; я не буду съ тобой мириться!» А тутъ всѣ (значитъ, дѣло наше вообще) согласны мириться. Помирились; хозяинъ уплатилъ деньги, выставилъ хорошій магарычъ.

Послѣ хозяева узнали, стали смѣяться, что «эта манерка изъ чихауза, и не хозяинъ ее сломалъ». *Вдругъ* на первую ночь получилъ я приказаніе и отдалъ солдатамъ. Пришелъ я на квартиру, поужиналъ, легъ спать. Вдругъ навалилось на меня, начало меня давить до тѣхъ поръ, покуда пропотѣлъ. Поутру всталъ, пошелъ съ рапортомъ, говорю солдатамъ и фефебелю, что сегодняшнюю ночь меня вѣдьма давила. Фефебель и говоритъ: «ну, полно врать-то. Это такъ часто бываетъ: кровь наваливаетъ!»—Я говорю: «нѣтъ, бывало со мной это, но такъ еще не случалось никогда!»

На вторую ночь тѣмъ же самымъ образомъ поужиналъ, легъ спать и думаю себѣ: «какъ можно не буду спать, буду дожидать, что будетъ». *Вдругъ* не спалъ я, сдѣлался мнѣ въ глазахъ туманъ, навалилось на меня такимъ же образомъ, давай давить меня. Я также разсказалъ, какъ и прежде.

На третью ночь думаю: «теперь ужъ я не буду спать!» Поужиналъ, закурилъ трубку. Долгое время ходилъ по избѣ, курилъ трубку. Потомъ сѣлъ я на кровать: взяла меня дрема; я всталъ, закурилъ трубку, сталъ ходить по избѣ. Ночникъ горитъ; я говорю хозяйкѣ: «туши ночникъ!» Она говоритъ: нѣтъ, не надо тушить. Ко мнѣ хозяинъ придетъ ночью съ гостьми! — Хозяинъ былъ охотникъ играть въ карты, въ орлянку; цѣлую ночь часто играли. «Ну, пускай же горитъ!»

Хозяйка съ двумя дочерьми легла на печи. Я покурилъ, походилъ, легъ на свою кровать; одну ногу спустилъ на земь; терплю крѣпко, чтобъ не уснуть мнѣ. Вдругъ гляжу: растворяются двери избенныя: «вотъ, молъ, она идетъ, другъ-то!» Входитъ въ избу: образъ кошечій, только великій, черный какъ собака; и по всей избѣ шла на четырехъ ногахъ, какъ слѣдуетъ быть. Потомъ противъ меня взошла и повернулася ко мнѣ, сѣла; и вдругъ стала поднимать переднія лапы. Вытянулась на заднія ноги, прыгнула прямо мнѣ на грудь. Я схватилъ ее за шиворотъ, сталъ на ноги, ударилъ ее о столъ такъ, что столъ верхъ ногами опрокинулся и ночникъ на мелкіе черепки разсыпался. Хозяйка и дѣвки перепугалися, *вдругъ* закричали: что такое? — Я говорю: «ничего! вздуйте огня!»—Вздули огня, смотрятъ: верхъ ногами столъ лежитъ. Кто его повалилъ?—Я говорю: «я»!

Вдругъ поутру сталъ я рано; пошелъ я справляться съ солдатами о здоровьѣ. Подхожу я подъ ихъ окно, гдѣ вѣдьма. Я сказалъ: «служба, здоровы?»— Она подбѣжала подъ окно и кричитъ мнѣ: прошу покорно, прошу въ хату! — Я говорю: «да что тамъ въ хатѣ у васъ». Она говоритъ: прошу покорно; побываете и узнаете!—Пришелъ я въ хату, застилаетъ старуха столъ, сажаетъ меня и давай подчивать и угощать; и съ того часу мы жили съ ней мирно.

(Разсказывалъ Парѳеній Антонычъ Антоновъ, отставной унтеръ-офицеръ. Объ Саги и сказка о Иванѣ Дорогокупленномъ записаны съ его словъ. Въ Жолчинѣ его зовутъ просто: «Антонычъ». Онъ вполнѣ вѣритъ всему, что разсказываетъ. Вѣра въ языческое чудесное еще въ высшей степени распространена въ народѣ; такъ напримѣръ въ этомъ же Жолчинѣ одна баба на могилѣ только что похороненнаго родственника кричала, чтобъ онъ леталъ къ ней змѣемъ. Это было лѣтомъ нынѣшняго года).

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ. ИГИЕН. ПРОФЕССУРЫ

GR 190 .K44
Velikorusskiia skazki.
Stanford University Libraries
3 6105 041 720 249

GR
190
K.44

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

MAR 31 1975